

Очиров У. Б.

КАЛМЫЦКИЕ ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ КАЛМЫКИИ

Учебное пособие

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Очиров У.Б.

**КАЛМЫЦКИЕ ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ
ЗА ПРЕДЕЛАМИ КАЛМЫКИИ**

Учебное пособие

Элиста 2022

ББК 63.3(2)

К 17

Рецензенты:

Кринко Е. Ф., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора ФГБУН «Южный научный центр РАН» (Ростов-на-Дону).

Джунджужов С. В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет» (Оренбург).

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБУН «Калмыцкий научный центр Российской академии наук»*

Автор-составитель: *Очиров У. Б.*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник КалмНЦ РАН (Элиста)

К 17 Калмыцкие локальные группы за пределами Калмыкии [Текст]:
учебное пособие / У. Б. Очиров. — Элиста: Изд-во КалмНЦ РАН,
2022. — 228 с.

ISBN 978-5-907659-12-4

Учебное пособие включает в себя конспект лекций по обозначенной теме, список рекомендованной литературы и источников, оно может быть использовано при изучении курса «История Калмыкии», для самостоятельной работы студентов.

Адресовано студентам, преподавателям вуза и всем, интересующимся историей родного края.

ISBN 978-5-907659-12-4

© Очиров У.Б., 2022

© ФГБУН «Калмыцкий научный центр
Российской академии наук», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Историография	7
Глава 1. Донские калмыки до революции 1917 г.	13
§ 1.1. <i>Калмыки на Дону в конце XVII–XVIII вв.</i>	13
§ 1.2. <i>Кочевье донских калмыков в XIX в.</i>	24
§ 1.3. <i>Сальский округ в последней четверти XIX — нач. XX вв.</i>	40
§ 1.4. <i>Донские калмыки в войнах Российской империи</i>	54
Глава 2. Ставропольские, оренбургские и уральские калмыки	73
§ 2.1. <i>Переселение калмыков в среднее Поволжье и Поуралье. Образование Ставропольского калмыцкого войска</i>	73
§ 2.2. <i>Участие калмыков Оренбургской губернии в восстании Е.И. Пугачева 1773–1775 гг.</i>	91
§ 2.3. <i>Калмыки в составе казачьих войск Оренбургской губернии в последней четверти XVIII и до нач. 1840-х гг.</i>	100
§ 2.4. <i>Ставропольские калмыки в войнах Российской империи</i>	126
§ 2.5. <i>Оренбургские и уральские калмыки в 1842–1917 гг.</i>	143
Глава 3. Калмыцкие локальные группы в других регионах России	151
§ 3.1. <i>Калмыцкие группы на территории Слободской Украины и Новороссии</i>	151
§ 3.2. <i>Исламские калмыцкие группы на Северном Кавказе</i>	161
§ 3.3. <i>Терские и кумские калмыки</i>	167
§ 3.4. <i>Астраханские калмыки за пределами Калмыцкой степи</i>	177
Глава 4. Калмыцкие локальные группы в советский период	181
§ 4.1. <i>Донские калмыки в период Великой Российской революции 1917–1921 гг.</i>	181
§ 4.2. <i>Переселение калмыков из локальных групп в Калмыцкую автономную область. Калмыцкий район (1930–1944 гг.)</i>	204
Заключение	221
Список рекомендованной литературы	224

Введение

Калмыки окончательно закрепились в составе России на территории Нижнего Поволжья лишь в середине XVII в. Однако не прошло двух-трех десятилетий, как отдельные группы кочевников, всегда отличавшихся большой мобильностью, стали прибывать на территорию соседних сообществ и образовывать там отдельные локальные группы калмыцкого народа. Дело в том, что в Калмыцком ханстве в XVII–XVIII вв. нередко вспыхивали междоусобные столкновения. Ряд групп, начиная от небольших семей и кончая целыми улусами, спасаясь от притеснений или разорительных набегов нойонов-победителей, стали отделяться и уходить за пределы калмыцких кочевий. В результате этого на тогдашних окраинах Российской империи (на Дону, Тереке, в Слободской Украине, Новороссии, Среднем Поволжье, Южном Приуралье и других районах) образовались достаточно крупные калмыцкие поселения.

Как правило, эти группы входили в состав казачьих войск, ибо местная войсковая старшина всегда с охотой принимала к себе на службу *«...добрых конников, храбростью отличных, к службе всегда готовых и ревностных и так необходимых для хозяев пастухов и конюшников, войску весьма полезных»*. Калмыкам, живущим кочевой жизнью и с детства обучающимся воинскому делу, не требовалось много времени для того, чтобы привыкнуть к казачьему быту и условиям *«государевой службы»*. Некоторые группы кочевников-буддистов, ушедшие под защиту местных российских властей, были вынуждены адаптироваться к условиям жизни новой среды обитания: принимать православие и переходить на оседлый образ жизни.

Неудивительно, что уже II ревизия (1744–1747 гг.) зафиксировала 6,1 тыс. калмыков в Среднем Поволжье (на Дону ревизии первоначально не проводились, поэтому донские калмыки не отразились в этой статистике). III ревизия (1761–1764 гг.) выявила 1,4 тыс. кал-

мыков в Южном Приуралье, а численность ставропольских калмыков увеличилась до 8,5 тыс. чел. Согласно данным IV ревизии (1781–1783 гг.) калмыки появились даже в Центрально-Промышленном (около сотни) и Центрально-Земледельческом (около сотни) районах, а также в Новороссии (около тысячи калмыков, в основном беляевских). Наконец, V ревизия (1794–1796 гг.) зафиксировала в Новороссии (включая Войско Донское) 13,6 тыс. донских и чугуевских калмыков. Понятно, что ревизии XVIII в. нельзя назвать точными и всеобъемлющими, так как здесь не учтены уральские калмыки, шереты и другие мелкие группы, донские и чугуевские калмыки начали учитываться только с V ревизии и т. д. Организация и методика проведения ревизий были далеки от идеала: они проводились не во всех регионах, сильно растянуты по времени, к тому же могли быть не полными. Однако приведенная статистика ясно показывает рост численности калмыцкого населения за пределами калмыцких кочевий. Если учесть, что в Нижнем Поволжье в конце XVIII в., судя по данным V ревизии, проживало 66,7 тыс. калмыков, то можно прийти к выводу, что за пределами Астраханской губернии проживала почти четверть всех калмыков Российской империи (24,4 %). С учетом Большедербетовского улуса, в 1788–1800 гг. проживавшего за пределами калмыцких кочевий, этот показатель может вырасти до 46,5 %.

Все эти группы развивались неравномерно: какие-то подвергались ассимиляции и сходили с исторической арены, какие-то, наоборот, получали дополнительный экономический толчок, улучшали свое благосостояние, опережая своих соседей из нижеволжских кочевий. Краткая история всех известных локальных групп калмыков за пределами калмыцких улусов от начала возникновения и до их ликвидации приведена на страницах этой книги.

Изучение данной темы особенно важно в рамках ряда дисциплин регионального компонента истории Калмыкии. Поскольку специальные учебники по истории Калмыкии для студентов и аспирантов вузов отсутствуют, то данное учебное пособие призвано частично восполнить недостаток учебной литературы.

Историография

Изучению истории калмыцких локальных групп в составе соседних регионов России положил начало еще в XVIII в. исследователь Оренбургского края П. И. Рычков¹. В его «Топографии Оренбургской» были рассмотрены история поселения и гражданское устройство ставропольских калмыков, различные аспекты истории оренбургских и яицких (уральских) калмыков.

В XIX в. исследования по истории ставропольских калмыков были продолжены. Работа, написанная автором под псевдонимом Н. З-в², освещает целый ряд вопросов социально-экономической истории ставропольских калмыков до 1840 г. Информацию об образовании и развитии калмыцких локальных групп в Среднем Поволжье и Приуралье можно найти также в книгах, посвященных истории Оренбургского и Уральского казачьих войск³. В начале XX в. появились первые исследования, в которых рассматривались различные вопросы общей истории войска и участия Ставропольского полка в войне 1812–1814 гг.⁴

¹ Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762; он же. Топография Оренбургской губернии / коммент. И. В. Кучумова, Ф. А. Шакуровой. Уфа, 1999.

² З-в Н. (Звонков). Исторический обзор ставропольских калмыков и несколько данных о современном их состоянии // Отечественные записки. 1848. Т. XXXV. № 7–8. Отд. 2. С. 27–38.

³ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1891; Бородин Н. Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах с десятью картами. Уральск, 1891; Стариков Ф.М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890.

⁴ Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмык // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Ставрополь. 1912. С. 1–232; Чонов Е. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 год. Пятигорск. 1912.

Значительный объем информации о быте и образе жизни донских калмыков XIX в. можно почерпнуть в статьях донского миссионера А. Л. Крылова (переизданных отдельной книгой)¹. Автор в рамках миссии по борьбе с «ламаизмом» неоднократно выезжал к донским калмыкам и изучал особенности их религии, быта и менталитета. Различные сведения по истории донских калмыков можно почерпнуть в работах Г. С. Лыткина², В. Н. Корниевского³, С. Павловского⁴, П. Сурожского⁵, С. Браиловского и Н. Немцова⁶, Ф. Траилина⁷. Заметное место калмыкам отводится в книге донского историка В. Б. Броневского⁸. Огромное значение для изучения демографии и экономики донских калмыков имеют труды Н. А. Маслаковца⁹ и С. Ф. Номикосова¹⁰, в которых содержится значительный объем статистической информации. Уже после начала революции 1917 г. в Новочеркасске вышла книга известного донского краеведа И. И. Попова¹¹.

¹ Крылов А.Л. Умственное и нравственное развитие донских калмыков и особенности их быта: этнографический очерк. Новочеркасск, 1873.

² Лыткин Г.С. Быт донских калмыков // Экономическая журнал, издаваемый под ред. А.П. Субботина. Книжка первая. СПб., 1890.

³ Корниевский В.Н. Калмыки Донской области, Астраханской и Ставропольской губернии // Живописная Россия. Т. 7. Ч. 2. СПб.–М., 1899. С. 126–179; он же. Калмыки Донской области, Астраханской и Ставропольской губернии / сост., вст. ст. А.Б. Хейчиевой. Элиста, 2017.

⁴ Павловский С. Краткие сведения о донских калмыках // Донские епархиальные ведомости. 1911. № 36.

⁵ Сурожский П. Донские калмыки: очерк. Новочеркасск, 1912.

⁶ Браиловский С., Немцов Н. Из поездки к донским калмыкам // Исторический вестник. Новочеркасск, 1901. № 86.

⁷ Траилин Ф. Санкерин-Курэдэ. Священное калмыцкое изображение и сведения о донских калмыках. Новочеркасск, 1872.

⁸ Броневский В.Б. О калмыках вообще, в особенности о кочующих на Донской земле // Броневский В.Б. Описание Донской земли и Кавказских Минеральных вод. СПб., 1834. Ч. III. С. 49–95.

⁹ Маслаковец Н. Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Новочеркасск, 1872.

¹⁰ Номикосов С.Ф. Статистическое описание области войска Донского. Новочеркасск, 1884.

¹¹ Попов И.И. Донские калмыки. Новочеркасск, 1919.

По истории калмыцких локальных групп на Тереке (моздокские, терские и кумские калмыки) во второй половине XIX века было опубликовано несколько статей, которые в определенной степени являлись дискуссионными, например, по вопросу времени основания локальной группы или первоначального вероисповедования моздокских калмыков¹. В начале XX в. исследования были продолжены, в том числе и специалистами-востоковедами в работах Г. П. Губанова², Н. Ф. Бурдукова³, Суровицкого⁴.

Ценные материалы по астраханским калмыкам-казакам содержатся в труде известного историка Астраханского казачьего войска И. А. Бирюкова⁵.

В первые десятилетия советской власти история калмыков практически не изучалась, а в период депортации калмыцкого народа в Сибирь и вовсе оказалась под запретом. Поэтому первые исследования советского периода по истории ставропольских калмыков появились лишь в нач. 1960-х гг. Среди них следует особо выделить труды Т. И. Беликова, внесшего вклад в изучение их участия в пугачевском восстании и войнах России⁶.

¹ Костенков К. И. Калмыки Моздокского казачьего полка (необходимое прибавление к статистическим сведениям о калмыках) // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 1. Астрахань, 1869. С. 165–166; Бентковский И. В. Моздокские так называемые крещеные калмыки // Ставропольские губернские ведомости. 1880. № 35, 38, 42.

² Губанов Г. П. Очерк жизни калмыков на Тереке // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Вып. 29. С. 123–154.

³ Бурдуков Н. Ф. Митричен кристен. Терские калмыки 1777–1905 гг. СПб., 1906.

⁴ Суровицкий. Крещёные калмыки в Терской области // Труды Ставропольской учёной архивной комиссии. Вып. 1. Ставрополь, 1911. С. 1–5.

⁵ Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов, 1911.

⁶ Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX вв. Элиста, 1960; он же. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е.И. Пугачева (1773–1775 гг.). Элиста. 1971; он же. Ф. И. Дербетев — сподвижник Е. И. Пугачева. Элиста. 1978.

Лишь в 1980-х — 1990-х гг. было проведено комплексное исследование по истории всех локальных групп калмыков, осуществленное К. П. Шовуновым. Он опубликовал целую серию работ по данной теме¹, которую в последующем обобщил в своей диссертации и монографии². Свой вклад по демографической истории локальных групп внес И. В. Борисенко³.

В постсоветский период в изучении истории донских и ставропольских калмыков произошел настоящий прорыв. Ряд специалистов в своих исследованиях изучили различные аспекты истории Ставропольского войска⁴. Большим событием в изучении проблемы стала публикация двух томов сборника документов по истории ставропольских калмыков⁵. Значительный объем исследований по

¹ Шовунов К. П. Терское поселение калмыков // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984; он же. Во славу Отечества. Элиста, 1990; он же. Очерки военной истории калмыков (XVIII — XIX вв.) Элиста, 1991 и др.

² Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества. Элиста, 1992

³ Борисенко И. В. Численный состав калмыков в основных ареалах их расселения (XVIII — нач. XX в.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1982. С. 42–80; он же. О расселении шеретов, томатов, чугуевских и беляевских калмыков // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1983. С. 44–59; он же. К истории образования и происхождения Беляевской группы донских калмыков // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984. С. 85–91 и др.

⁴ Кузнецов В. А. Ставропольское ирегулярное калмыцкое войско на службе России // Известия Самарского научного центра РАН. 2006. Спецвыпуск: «Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии». С. 38–42; Калинин С. Е. Ставропольское калмыцкое войско // Рейтар. 2007. № 38. С. 26–38; Ряжев А. С. Командный состав Ставропольского калмыцкого войска в военной и вероисповедной политике государства: от Семилетней войны до эпохи 1812 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 27–32; Максимов К. Н., Очиров У. Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста, 2012 и др.

⁵ Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 т. / гл. ред. А. С. Ряжев. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х — 60-е гг. XVIII в.

военной истории народов Оренбургского края (включая ставропольских калмыков) был проведен башкирским историком Р. Н. Рахимовым¹.

Огромный вклад в изучение истории ставропольских калмыков был сделан С. В. Джунджузовым, который по этой тематике опубликовал более 40 работ (в том числе две монографии) и защитил докторскую диссертацию². В этих работах был рассмотрен широкий спектр вопросов, в том числе по политической, экономической, военной, религиозной истории Ставропольского войска. Ряд проблем и вопросов, освещенных и проанализированных автором, до него в отечественной историографии вообще не изучались, например, история группы бузулукских калмыков, школы Ставропольского войска, создания и развития медицинской войсковой службы, процессов переселения калмыков в состав Оренбургского войска в XVIII в. и переселения оренбургских калмыков во вновь организованную Калмыцкую автономную область в 1920-х гг. и т. д. В решение ряда других проблем, которые ранее так или иначе изучались специалистами, С. В. Джунджузов внес существенные дополнения, в частности, в историю образования Ставропольского калмыцкого войска, развития его административной структуры, историю переселений калмыков на среднюю Волгу в XVIII в., практики двоеверия в XIX в. и др.

Ростов-н/Д, 2011; Т. 3. Ставропольское калмыцкое войско в первой половине XIX в. Элиста, 2012.

¹ Рахимов Р. Н. Национальная конница императора Александра I в наполеоновских войнах. 1807–1814 гг. М., 2013; он же. Ставропольские калмыки в наполеоновских войнах 1807–1814 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 2. С. 65–72 и др.

² Джунджузов С. В. Наделение земель и землепользование казаков Ставропольского калмыцкого войска (середина XVIII в.) // Новый исторический вестник. 2010. № 4 (26). С. 25–40; Он же. Динамика численности населения в Ставропольском калмыцком войске (1737–1842 годы) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. Т. 6. № 2. С. 13–19; Он же. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII — первая четверть XX века). Оренбург, 2014 и др.

Большой объем изысканий по истории донских калмыков был проведен К. Н. Максимовым. Результаты его многолетних исследований, в которых детально рассматривались различные аспекты истории донских калмыков, были обобщены ученым в итоговой монографии¹.

История калмыцких локальных групп нашла свое отражение лишь в отечественной региональной историографии. При этом указанная тема для региональных историков в большинстве случаев оказалась своеобразным «пасынком». Как правило, исследователи истории Калмыкии концентрировали свое внимание на основной группе калмыцкого народа, в то время как историки и краеведы соседних регионов проявляли интерес к основным группам населения изучаемых территорий. Поэтому в большинстве случаев история калмыцких локальных групп в таких трудах не являлась основным объектом исследования и рассматривалась попутно, в рамках решения других тем. Неудивительно, что первые специализированные исследования по донским и ставропольским калмыкам (самым крупным локальным группам) рассматривали лишь определенные аспекты их истории (экономическая история, участие в войнах России и т. д.). Первое комплексное исследование по локальным группам калмыков было осуществлено лишь в последней четверти XX в., а крупные монографии, в которых детально рассматривалась история донских, ставропольских и оренбургских калмыков, вышли в начале XXI в. История остальных локальных групп калмыков еще ждет своего исследователя.

Вопросы к параграфу

- 1. Кто из историков первым написал историю беляевских калмыков?*
- 2. Почему до сих пор нет истории локальных групп уральских калмыков?*
- 3. Работа какого исследователя сейчас является наиболее полным описанием истории донских калмыков?*

¹ Максимов К. Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII — середина XX в.). Ростов-н/Д, 2016.

Глава 1. Донские калмыки до революции 1917 г.

§ 1.1. *Калмыки на Дону в конце XVII–XVIII вв.*

Поселения калмыков на Дону появились в последней трети XVII в. Первое упоминание о калмыках, принятых в донское казачество, относится к 1670 г., когда в результате междоусобных столкновений в Калмыцком ханстве на Дону появились улусы тайшей Дугара и Бока. Нойон Дугар за год до этого помог Аюке прийти к власти, но затем стал его противником и был вынужден откочевать на запад: сначала к азовским татарам, затем на Дон. К нему присоединился его родной брат Бок. В 1672 г. Аюка захватил улус Дугара, а его самого вместе с сыном передал в Астрахань, откуда они уже не вернулись. Однако улус Бока остался на Дону. Вслед за ними на постоянное проживание сюда прибыли еще несколько отдельных групп калмыков. После того, как Дон в 1673 г. лишился права убежища и возможности набирать казаков из беглых крестьян, войсковая старшина стала стремиться к пополнению войска из других источников, в том числе и путем привлечения калмыков на казачью службу. В 1673–1683 гг. царское правительство по настоянию калмыцкого хана выпустило три указа о возвращении беглых калмыков. Однако войсковая старшина, убедившись в том, что калмыки хорошо приспособлены к несению постоянной военной и пограничной службы, стала добиваться их закрепления в составе казачества. Стремясь защитить донских калмыков от притязаний Аюки-хана, в 1682 году войсковой атаман Фрол Минаев принял присягу у тайшей Бока, Эльбек-Батыра, Эдисан-Батыра и их людей. В 1686 г. войсковая администрация приняла на постоянное жительство еще 200 семей калмыков.

В 1690 г. на Дон перешли крупные улусы дербетских тайшей Четеря и Черкес-Батыра, которые были поселены в междуречье Дона и Северского Донца. Благодаря этому, донские калмыки смогли выставлять на службу в армию Петра I до 1400 воинов. Однако позже Менко-Темир (отец Четеря и брат Черкеса) захватил улусы своих родственников на реке Быстрой (к востоку от Донца) и возвратил их под контроль Аюки-хана. Оставшиеся группы калмыков могли посылать на службу не более 600 воинов. По-видимому, опасаясь повторения подобных инцидентов, войско Донское в 1694 г. придало им статус казачьих. Отныне эти группы калмыков, получивших наименование «юртовых», были обязаны нести казачью службу, за что получали постоянное жалованье (50 рублей в год) и земли под кочевья, но без указания точных границ. Юртовые калмыки сохраняли привычный кочевой уклад жизни и в большинстве своем буддийское вероисповедание, в отличие от основной массы казаков.

Помимо юртовых калмыков, на Дону кочевал ряд калмыцких улусов, которые, переходя на землю войска, не входили в состав казачества и сохраняли свою независимость. В 1686 г. в этот район из Джунгарии прикочевали зюнгары Цаган-Батора, который *«всегда был их (казаков — У. О.) союзник»*. Позже донские степи стали одним из районов кочевий дербетов. В XVIII в. не раз на Дон переходила большая часть дербетовских улусов (в 1701, 1717, 1723, 1741, 1761, 1788, 1795 гг.), которые позже возвращались на прежние места кочевий. На территорию войска Донского временно откочевывали также торгутские и зюнгарские улусы.

Эти группы, хотя и сохраняли независимость, но в экстренных случаях так же, как и юртовые, выставляли свои отряды на несение *«государевой службы»*. Например, в 1702 г. дербет Менко-Темир и зюнгары Даши-Батор и Баахан-тайши снарядили на службу в корпус Б. П. Шереметева более 900 воинов, которые сыграли важную роль в боях со шведами в Прибалтике. Несколько групп калмыков из этих улусов перешли к юртовым калмыкам и получили статус казаков. Например, в 1704 г. при возвращении улусов Менко-Темира, Черкеса и Четеря на территорию Калмыцкого ханства донские власти убе-

дили остаться у себя 555 калмыков, способных к несению службы, а в 1723 г. при временном переходе на Дон улусов дербетов Четеря и Лабан-Дондука и зюнгара Даши-Батора 300 кибиток калмыков *«ло-ступили в казацье звание»*.

Калмыцкие феодалы пытались добиться возвращения беглых калмыков под свой контроль, обращаясь к войсковой администрации с требованиями о возвращении калмыков, писали жалобы царским властям. Донские власти под разными предлогами оставляли у себя большую часть беглецов, чаще всего ссылаясь на желание прикочевавших калмыков принять православную веру, что выводило их из-под юрисдикции калмыцкого хана, согласно грамотам и договорам 1673, 1677, 1683 и 1697 гг., где указывалось: *«буде которые калмыки по своим желательствам в православную христианскую веру крестица и тех ... нам тайшам ... не просить и о них великому Государю не бить челом»*. Часть беглецов, отказавшихся креститься, войсковая администрация была вынуждена возвратить. Например, в 1714 г. атаман М. Фролов возвратил посланцам Аюки-хана 25 человек, в 1715 г. – 15 человек, в начале 1716 г. — *«пятьдесят человек новопришлых калмык с женами и с детьми и со всеми их пожитки»*. Впрочем, иногда войско отказывалось выдавать даже некрещеных калмыков. Например, в 1722 г. войсковой атаман В. Егоров получил указ, в котором предписывалось беглых калмыков из владений Аюки-хана *«к себе принимать, и держать их при себе, как и наперед сего бывало»*.

Стремясь возвратить беглецов на территорию Калмыцкого ханства, калмыцкие феодалы стали даже прибегать к силе. Например, в 1703 г. дербет Четерь и торгут Чимет (внук Сюнке-Батура) увели с войсковой территории зюнгарские улусы Даши-Батора, Баахан-тайши и Бахин-Манжи, в 1709 г. Чимет увел из-под Черкаска Серика Усенева с братьями. Однако некоторые из насильно уведенных калмыков вновь бежали на привольные степи Дона. Имели место и случаи побегов с Дона на территорию ханства. Например, улус Баахан-тайши трижды переходил с приволжских кочевий на Дон и обратно, пока, наконец, в 1733 г. под предводительством Будучжаба не вошел окончательно в состав войска Донского.

18 июля 1729 г. Военная коллегия грамотой окончательно причислила к Войску Донскому всех юртовых калмыков. Однако в административном отношении калмыцкие улусы, приравненные к станицам, имели черты автономности. Нойоны, приравненные к атаманам, сохраняли традиционные формы управления своими подвластными. Постоянные перекочевки калмыков с Дона и обратно вызывали озабоченность у войсковой и ханской администрации. В 1735 г. наместник Калмыцкого ханства Дондук-Омбо и наказной атаман войска Донского Данило Ефремов заключили договор о том, что калмыки, до этого перешедшие на Дон, остаются под юрисдикцией войсковой администрации, которая обязалась не принимать новых беглецов. В связи с этим был выпущен указ Коллегии иностранных дел 1736 г. о причислении к казачьему войску всех прикочевавших к этому времени калмыков. Перекочевки калмыков на Дон и обратно продолжались и после 1736 г. Однако в 1753 г. царское правительство по настоянию Дондук-Даши приказало войсковой администрации вернуть всех калмыков, прикочевавших на Дон после указа 1736 г. В результате калмыцким феодалам были возвращены 366 кибиток (1515 человек).

К середине XVIII в. за калмыцким населением закрепили права казачества. С этого времени донские атаманы, приравняв калмыцкое общество к казачьему, перестали признавать нойонов улусовладельцами, то есть фактически отменили обязательные отношения в калмыцких улусах Дона. И. И. Попов писал, что *«Донские калмыки, перейдя в ведение Войска, сохраняли сначала свою исконную, перенесенную из азиатских степей, администрацию, находясь в первой инстанции под ведением их родовых князей»*. Почти все они входили в состав аймаков (или сотен), которые комплектовались по числу мужчин, годных к службе. Большую часть этих сотен распределили по территориальному признаку среди трех улусов, получивших наименования Верхний, Средний и Нижний. Во главе улусов стояли владельцы (атаманы), во главе аймаков (сотен) — зайсанги (сотники). Казачья старшина старалась без особой нужды не вмешиваться во внутренние дела улусов и сотен. Наряды на казачью службу войсковое начальство передавало через войсковых толмачей, предо-

ставляя калмыцким атаманам и сотникам право самим набирать отряды.

После указа 1753 г. о возвращении беглецов побеги калмыков на Дон прекратились, и численность юртовых калмыков стабилизировалась. Однако временные перекочевки калмыцких улусов на Дон имели место и во второй половине XVIII в. В 1761 г. в результате междоусобиц, вызванных интригами Цебек-Дорджи, на территорию войска Донского с просьбой о защите от возможных притеснений наместника Убаши прибыли улусы дербетов Галдан-Церена и торговцев Цебек-Дорджи, Асархи и их братьев. Лишь после вмешательства царской администрации все улусы были вынуждены вернуться под власть Убаши.

В это время на Дону калмыцкое население, причисленное к Войску Донскому, составляло более 10 тыс. человек, в том числе почти 5 тыс. мужчин. Из них способных к военной службе в казаках числились по IV ревизии 1 тыс. человек, из которых формировали отдельные сотни и присоединяли к казачьим полкам. Те, которые не могли служить, составляли особые сотни, так называемые «таранники» (получившие это название от рыбы тарань), предназначенные для работы в войсковых рыбозаводах. Калмыки продолжали по-прежнему получать денежное и хлебное жалованье наравне с казаками. Так, в определении войсковой канцелярии за 1777 г. указывалось: *«Здешним юртовым калмыкам Верхнего, Нижнего и Зюнгарского улусов выплатить ежегодное жалованье 669 руб. и столько же четвертей хлеба».*

В 1785 г. умер дербетский нойон Ценден-Дорджи. Дербетовский улус был причислен к казенному ведомству, разделен на части и отдан под надзор приставов Кавказской и Саратовской губерний. В 1788 г. часть дербетов, недовольная этим решением, во главе с владельцем Екремом Хапчуковым (Большедербетовский улус) самовольно покинула волжские степи и двинулась на земли Войска Донского. Нойон Хапчуков и ряд влиятельных зайсангов во главе с Джамбарши-гелюнгом и Джалчином в 1794 г. отправили в Петербург делегацию с просьбой принять их улус в состав казачества. Не желая поощрять *«самовольства подданных»*, правительство не удовлетворило их просьбу, и Большедербетовский улус откочевал на левобережье Вол-

ги к казахским кочевьям, но натолкнулся на враждебное отношение казахов Букеевской орды. Попытки администрации урегулировать конфликты между казахами и прикочевавшими калмыками оказались безуспешными. Большедербетовские калмыки вновь отправили депутатов в столицу в 1798 г. с просьбой разрешить им войти в состав донского казачества. На сей раз Сенат с согласия императора Павла I удовлетворил их просьбу. 30 августа 1798 г. на имя атамана А.И. Иловайского был отправлен рескрипт, в котором сообщалось о причислении Большедербетовского улуса к войску Донскому с нарядом 495 калмыков на кордонную службу.

В связи с многократным увеличением численности калмыков на Дону изменилась структура управления ими. Общее управление донскими улусами калмыков до конца XVIII в. осуществлял атаман Войска Донского. По именному указу Павла I от 16 февраля 1799 г., данному генерал-лейтенанту Д. И. Иловайскому 1-му, прежнее начальство было отменено. Теперь управление улусами стало возлагаться на коллегиальный орган — Правление (в составе генерал-майора, штаб-офицера и владельца улуса), подчиненное Донской войсковой канцелярии. Этим же указом Правлению поручалось: *«1) Сделать поголовную перепись, в которой означить по кибиткам или по селениям всех калмык с помечением их лет; 2) Всех, кои найдутся в таких летах, что служить могут, разделить на части по образу Донскому, оставляя подростков на перемену престарелых и выслуживших положенное время; 3) К сим частям определить начальников из калмыков же, стараться приучать их к службе и к повиновению; 4) Наблюдать между ними порядок, благоустройство, разбирать и решать все между ими споры, жалобы и иски; 5) Правление оное подчинено быть должно Войска Донского канцелярии; 6) Два чиновника от Войска Донского, в помянутое правление определяемые, должны будут наблюдать за поведением владельца и калмыков».*

Правление начало свою деятельность с организации покибиточной переписи калмыцкого населения, после окончания которой калмыков Большедербетовского улуса разделили на пять частей. Одна

часть осталась в личной собственности Е. Хапчукова (кибиток — 57, духовенство — 13, служилых — 37, 19-летних — 2, от 18 лет и ниже — 66, неспособных к службе — 1, свыше 45 лет — 26 человек). А 4 части, каждая из которых была причислена к отдельному хурулу, были объединены в «Правую руку» («Барун гар») и «Левую руку» («Зюн гар»).

В одной части «Правой руки» с хурулом Ламаин и с 6 сотнями имелось: 955 кибиток, 410 представителей духовенства, 556 служилых, 7 малолеток (19 и 20-летних), 1108 — в возрасте от 18 лет и ниже, 27 неспособных к службе, 367 — в возрасте свыше 45 лет; всего 2475 человек мужского пола. Во второй части «Правой руки» с хурулом Эки (Ики) и с 7 сотнями имелось: 1127 кибиток, 478 представителей духовенства, 604 служилых, 9 малолеток (19 и 20-летних), 1447 — в возрасте от 18 лет и ниже, 39 неспособных к службе, 431 — в возрасте свыше 45 лет; всего 3008 человек мужского пола. Таким образом, в «Правой руке» числилось 13 сотен, 2082 кибитки с населением 5483 душ мужского пола (1160 служилых, 16 малолеток, 2555 — от 18 лет и ниже, 66 неспособных к службе, 798 — свыше 45 лет, т. е. отставных), 888 представителей духовенства.

В одну часть «Левой руки» с хурулом Дунду и 3 сотнями входили: 842 кибитки, 341 представитель духовенства, 380 служилых, 11 малолеток, 855 — от 18 лет и ниже, 24 неспособных к службе, 280 — свыше 45 лет; всего 1891 человек мужского пола. В другую часть «Левой руки» с хурулом Бага и 4 сотнями входили: 743 кибитки, 374 представителя духовенства, 439 служилых, 14 малолеток, 904 — от 18 лет и ниже, 23 неспособных к службе, 252 — свыше 45 лет; всего 2006 человек мужского пола. Таким образом, в «Левую руку» входили 7 сотен, 1585 кибиток с населением 3897 душ мужского пола (819 служилых, 25 малолеток, 1763 — от 18 лет и ниже, 532 отставных), 715 представителей духовенства. Всего под управлением Хапчукова числились: 20 сотен, 4 хурула с 1616 представителями духовенства, 3724 кибиток с 9525 человеками мужского пола (2016 служилых, 43 малолеток, 4380 — от 18 лет и ниже, 114 неспособных к службе, 1356 отставных, т. е. свыше 45 лет).

Однако в мае 1800 г. одна из 5 частей — большедербетовцы в количестве 97 кибиток во главе с владельцем Екремом Хапчуковым и ламой Савин-Бакшой, сетуя на грубое обращение донских властей и произвол назначенных над калмыками 4 приставов, покинули пределы Дона и перекочевали к Волге. Тем не менее на Дону оставалось еще значительное количество калмыцкого населения — около 19 тыс. человек. Вскоре еще откочевали на Волгу 1657 дербетовских кибиток.

В ходе проведения мероприятий по обустройству Большедербетовского улуса правящая верхушка стала проявлять недовольство политикой жесткой централизации, проводившейся войсковой канцелярией. Многие калмыки, не желая отдавать на военную службу сыновей, в возрасте 19–20 лет (казачья служба начиналась с 21 года) стали записывать их манджиками. Каждый шестой совершеннолетний мужчина Большедербетовского улуса оказался в духовном сословии. При переписи выяснилось, что в 1800–1801 гг. во всех 20 сотнях число боеспособных калмыков-казаков увеличится всего лишь на 43 человека. Это вызвало резкое недовольство войсковой администрации, а некоторые ее представители даже прибегли к угрозам и оскорблениям в адрес буддийского духовенства (*«уграживая при том, что и гелюнди будут сделаны простыми»*).

Ламы, обеспокоенные угрозами казачьих чиновников в свой адрес и возможной потерей своего статуса, стали тайно готовиться к возвращению в родные степи. После смерти Екрема Хапчукова (в 1799 г.), Джамбарши и Джалчина наиболее авторитетной в этом улусе стала группировка лам во главе с Савин (Сойбинг)-бакшой и Иши-Джамбой, которая выступила инициатором перехода на кочевья Малодербетовского улуса. 10 мая 1800 г. первые партии калмыков стали самовольно покидать пределы войска Донского. К лету 1800 г. почти весь Большедербетовский улус в количестве 3724 кибиток (9525 мужчин) вернулся к астраханским сородичам. Правительство не стало препятствовать откочевке большедербетовцев и возложило вину за их уход на войсковую администрацию: *«А что войско Донское лишится тех калмыков, то и ништо им; зачем не умели держать на своей земле»*. Большедербетовские калмыки были не только

прошены, но и получили ряд новых привилегий: они стали напрямую подчиняться императору Павлу I, могли адресовать свои письма непосредственно Коллегии иностранных дел и т. д. Сойбинг-бакша стал верховным ламой всего калмыцкого народа.

После этого последовали два указа императора Павла I от 13 и 19 июня 1800 г., где по второму указу поручалось астраханскому губернатору генерал-лейтенанту К. Ф. Кноррингу: *«Если калмыки не согласятся возвратиться на прежнее свое кочевье, то оставить их в малом Дербете, ибо для государства никакой разницы не делает, кочуют ли они в малом, или на большом дербете, лишь бы не выходили из наших границ»*. Затем в Малодербетовский улус прибыл бригад-майор подполковник Сухорнинов для оглашения открытого листа, подписанного Павлом I 22 июня 1800 г. В нем говорилось: *«Дошли до сведения Моего, что Калмыцкая орда Большого Дербета, имевшая свое кочевье на землях Войска Донского удалилась оттуда к Малому Дербету, находя себе в оном выгоды, то не видя в сем поступке ничего противного подданству их престолу Моему, не сомневаюсь в верности их, тем более, что самопроизвольно вошли в Мое подданство, во всех случаях покровительствовать их буду и позволяю остаться кочевать в Малом Дербете или в другом каком месте, где заблагорассудите себе выгоднее, не выходя однако из границ Империи нашей, для чего посылаю Моего бригад-майора подполковника Сухорнинова, в оную Калмыцкую орду, дабы вручить им сей Мой лист, означающий волю Мою, за собственноручным Моим подписанием»*. Но для Войска Донского разница оказалась заметной. В результате ухода калмыков, как писал В. Б. Броневский, *«Донское войско лишилось 9457 добрых конников, храбростью отличных, к службе всегда готовых и ревностных, как необходимых для хозяев пастухов и коновалов войску весьма полезных»*.

Юртовые калмыки остались на своих кочевьях. После присоединения к России Азова, Крымского ханства и Кубани необходимость в пограничной службе и сильных заградительных отрядах отпала, и с 1786 г. калмыкам разрешили кочевать по всей территории войска Донского. После побега большедербетовцев проведенная в 1800 г. пе-

репись юртовых калмыков зарегистрировала 2262 калмыка мужского пола (от 17 лет и старше), в том числе 297 гелюнгов и гецулей (то есть почти каждый восьмой).

По документальным источникам видно, что уже в конце XVIII века аймаками (сотнями) в улусах управляли выбранные аймачным обществом сотники. В 1798 г. в Среднем улусе 1-й сотней руководил Цебден Санжаршинов, 2-й — Джалчин-Менкя Татжинов, 3-й — Габун-Гецул Будуджапов, 4-й — Габун-Шарап Ганчинов; в Верхнем улусе 1-й сотней руководил Цеден Аршинов, 2-й — Арши Цебеков, 3-й — Бчининов, 4-й — Юндон Джалов, 5-й — Геликов, 6-й — Джемсан Бчеринов; в Нижнем улусе 1-й сотней руководил Санчи Чулчинов, 2-й — Сонки Телтеев, 3-й — Басан Сакчиров, 4-й — Содном Данжинов; Верхней Таранниковской сотней — Менгелтя Уртаев, Нижней Таранниковской сотней — Сарпа Ишинов.

По V ревизии, проведенной в 1794–1795 гг., на Дону числилось 13622 калмыков (15,4 % всей численности калмыков страны), в том числе 6772 мужчины, 6850 женщин. По данным ведомости 1798 г., подписанной генерал-майором Д. Е. Грековым 1-м, по списку числилось 2262 служилых калмыка, из них проходили службу 402, в том числе в 22 донских полках — 215 человек, а также в полках на Кубани — 39, в Польше — 74, в Атаманском полку — 30, в общественных табунах — 44 табунщика. В числе служилых значились: 41 отставной, 483 подлежащих отставке по выслуге лет, 3 атамана, 12 сотников (поручиков по указу от 22 сентября 1798 г.), 6 пятидесятников, 2 есаула (ротмистра), 281 гелюнг, 16 гецулей, 172 малолеток от 17 до 20 лет (17 лет — 54, 18 лет — 52, 19 лет — 66), всего 1793 человека военного звания. В это время население земли Войска Донского по ревизии составляло 359252 человека (в том числе калмыков — 3,8 %). Служилых казаков вместе с малороссиянами, поступившими в казаки, числилось 30476 человек (калмыков — 7,42 %), малолеток — 1144 (калмыков — 15 %).

По данным В. Б. Броневского, в 1802 г. на Дону числилось 16415 калмыков, в том числе 6050 — военного сословия (служилых, отставных и малолеток). Калмыки, как и все донское казачество, раз-

делялись на 4 разряда: 1) малолетки до 19-летнего возраста; 2) несовершеннолетние (19 и 20 лет); 3) служилые от 21 до 60 лет; 4) отставные (т. е. получившие отставку), инвалиды, больные. С этого времени калмыки, оставшиеся в пределах земли Войска Донского, были окончательно причислены к войску.

Вопросы к параграфу 1.1.

1. Когда калмыки дали первую присягу донским атаманам с обещанием несения казачьей службы?

2. Каково было административное деление юртовых калмыков в последней четверти XVIII в.?

3. Какие калмыцкие улусы прикочевали на Дон в конце XVIII в. и почему они покинули эту территорию, хотя готовы были нести тяготы казачьей службы?

§ 1.2. *Кочевье донских калмыков в XIX в.*

Феодальные междоусобицы и откочевки мятежных улусов прекратились после перехода контроля над калмыцким народом в руки царской администрации. Перекочевки Большедербетовского улуса в 1788–1800 гг. ясно продемонстрировали бесполезность подобного рода акций. С упразднением института ханской власти отпала необходимость и в поселении крещеных калмыков на отдаленных окраинах в полках Слободской Украины. К началу XIX в. все группы калмыков на Дону и Украине объединяются в составе одного войска, переводятся в казачье сословие, уравниваются в правах и обретают единый статус. Согласно данным V ревизии, в составе казачьих войск Дона и Украины проживали 13622 донских, чугуевских и беляевских калмыка.

С восшествием на престол Александра I в России начинается проведение реформ, направленных на усиление и централизацию государственной власти, в том числе и в таких автономных регионах, как «вольные» казачьи войска. Структуру войска Донского стали унифицировать в соответствии с *«общими государственными правилами»*. Проводимые преобразования коснулись и калмыков, имеющих казачий статус, но исповедующих свою религию и кочующих по всему региону. После того, как калмыкам разрешили кочевать по всей территории области, в адрес войсковой администрации стали поступать жалобы от казачьих станиц и крестьянских хозяйств на потравы калмыцким скотом хлебных и сенокосных угодий, а также об угоне калмыками частного и общественного скота. Поэтому в рамках общевойсковых мероприятий началась реорганизация калмыцких кочевий с целью концентрации калмыков в одном районе.

В 1801 г. специально созданная комиссия предложила перевести калмыков в незаселенные Задонские степи. В 1803 г. последовало соответствующее распоряжение атамана М. И. Платова. Предполагалось, что калмыки сохранят свой привычный образ жизни и будут вести сезонные перекочевки по примеру астраханских соплеменников. Зимовники предлагалось разместить на Маныче, весной калмы-

ки должны были кочевать по рекам Кагальник и Сал, летом — по рекам Гашун, Большая и Малая Куберле, осенью — в окрестностях Манычских соляных озер. Однако кочевникам отведенные земли не понравились, и многие группы самовольно покинули отведенные им места и отправились на поиски лучших пастбищ ближе к Дону и водным источникам. В марте 1806 г. по постановлению войсковой администрации все улусы и сотни получили конкретные участки для кочевок с определением точных границ. Реализацию постановления возложили на калмыцкого пристава Кутейникова.

Размеры сотенных кочевий не должны были превышать 20 верст, перекочевки на территории чужих сотен категорически запрещались. Все сотни (аймаки) разделялись на хотоны, состоявшие из 25 и более кибиток, каждый хотон получил свое кочевье. В хотонах ввели систему круговой поруки. К 1806 г. в составе войска Донского числилось 13 сотен: Харьковская (Цевднякинская), Рынцановская (Зюнгарская), Бембдякинская (Ики-Чоносовская), Чоносовская (Бага-Чоносовская), Намровская (Ики-Бурульская), Бурульская (Бага-Бурульская), Эркетинская, Багутовская (Батлаевская), Бултуковская (Богшракинская), Балдырская (Потаповская), Беляевская, Верхне- и Нижне-Таранниковские.

Верхний улус в составе 1-й Харьковской, 2-й Бембдякинской, 3-й Намровской и 4-й Рынцановской сотен получил земли по левому берегу реки Сал выше слободы Несмеяновой, по речкам Малая Куберле, Большой и Малый Гашун.

Средний улус в составе 2-й Чоносовской и 4-й Балдырской сотен (с частью Нижнего улуса) кочевал по реке Маныч, начиная с местечка Мечеть (ныне станица Мечетинская), вверх и по притокам Маныча до устья Большого Егорлыка. 1-я Верхне-Таранниковская и 3-я Нижне-Таранниковская сотни Среднего улуса кочевали по Кагальнику и занимались солением и сушением тарани на так называемых рыбо-спектных заводах.

5-я Беляевская сотня Среднего улуса вместе с сотнями Нижнего улуса (1-я Эркетинская, 2-я Бултуковская, 3-я Бурульская и 4-я Багутовская) кочевали по рекам Эльбузда, Ея и Кугоея.

При отведении кочевий нельзя было затрагивать и стеснять казачьи хутора и помещичьи слободы, уже размещенные на указанной территории, получившей наименование Калмыцкое кочевье. По данным на 1823 г. кочующие калмыки владели 1 713 143 десятинами (более 18716 кв. км²) земли, что составляло 12% всей войсковой земли.

За пределами Калмыцкого кочевья осталось несколько поселений, в которых проживали в первой половине XIX в. небольшие группы калмыков. Наиболее крупным из них была станица Татарская, в которой среди юртовых татар осели томуты. В 1822 г. в войске числилось 936 юртовых татар, поселенных в основном в Татарской станице. Численность томутов в первой половине XIX в. составляла приблизительно 600–700 человек, то есть большинство тогдашних юртовых татар происходило из калмыков. Позже томуты перестали идентифицировать себя с калмыками и в последующих переписях стали обозначаться как татары. По мнению И. В. Борисенко, существовали еще две небольшие группы калмыков, проживавшие в первой половине XIX в. за пределами основных кочевий донских калмыков: в местечке Хотунок (севернее Новочеркасска) и Миусском округе (по предположению Борисенко в поселках Калмыков и Бурханов). Однако в переписях данных об этих группах нет. Согласно Всероссийской переписи 1897 г., в трех западных округах Области Войска Донского проживал всего 321 калмык, в том числе 314 — в приграничном Сальском Черкасском округе.

По новому административному устройству Калмыцкого кочевья во главе сотен стояли сотник и два пятидесятника, во главе хотонов — хотонные приказные, которые избирались из служилых или отставных калмыков на собрании населения сотен и хотонов. В каждой сотне выбирались по двое судей. Администрация по управлению улусами отсутствовала, они находились в ведении пристава Калмыцкого правления. Феодалная аристократия, вошедшая в состав донского казачества, в результате этой реформы полностью утратила свои владельческие права и была уравнена с другими слоями населения. К началу XIX в. все потомки бывших владельцев покинули свои кочевья и переместились к астраханским соплеменникам. В 1881 г. в

Калмыцком кочевье значилось только 10 дворян, да и то не потомственных, а личных.

Сотники, пятидесятники и хотонные приказные наделялись административными, полицейскими и военными полномочиями. Они должны были заниматься исполнением указаний вышестоящих инстанций, подготовкой калмыков-казаков к службе и направлением собранных партий к местам сборов донских полков, налаживанием в сотнях и хотонах общественного порядка, разбором гражданских дел подвластных калмыков. Решение всех гражданских судебных дел возлагалось на выборных судей, которые руководствовались национальными обычаями и традициями, а также «голосом совести».

Установление строгого контроля администрации и создание вертикали власти, наряду с переводом чугуевцев и белаяевцев на Дон и другими мероприятиями, завершили вхождение калмыков в состав казачества. К этому периоду относится и распространение самоназвания донских калмыков — бузавы. Большинство историков полагают, что этот этноним происходит от словосочетания «бузавá хальмгуд» (базовые калмыки). Его появление связывают с началом перехода калмыцких групп на оседлость, то есть обзаведением калмыков базами — стационарными постройками для скота. Некоторые исследователи термин «бузав» увязывают с рекой Бузулук, по которой кочевала часть калмыцких сотен, или с рекой Донец, которая по-калмыцки называлась Бузан. К. П. Шовунов это название связывает с получением статуса казачества в 1801–1806 гг. всеми донскими калмыками. По его мнению, акт перехода в казачье сословие сами калмыки образно назвали словами «бу заав» («вручили ружье»), то есть призвали на постоянную военную службу.

Со временем численность донских калмыков в составе казачьих полков стала уменьшаться. Учитывая традиционные знания кочевников о коневодстве, донские власти еще с начала XIX в. стали привлекать наиболее бедных калмыков, в том числе и служилых, к присмотру за лошадьми на конезаводах и табунах (табунщиками). Частные помещики, используя калмыков в качестве табунщиков, уплачивали за это в войсковой капитал определенные суммы: 25 рублей ассигна-

циями за калмыков-казаков, причисленных на внутреннюю службу, 50 рублей — за 17–19-летних «малолетков», 75 рублей — за служилых. Решением правительства от 1 января 1828 г. калмыки-табунщики освобождались от службы до тех пор, пока пребывали в табунах, пользовались правами торговых казаков и содержались за счет войсковых средств. Уже в 1828 г. насчитывалось 805 калмыков-табунщиков, в том числе 442 служилых и «малолетков», что принесло войсковой казне доход в 27,5 тыс. рублей. В дальнейшем численность табунщиков заметно возросла: в 1853 г. насчитывалось 745 семей, определенных в табуны, а в 1871 г. — 2579 человек. Это привело к сокращению количества донских калмыков в составе казачьих полков. Например, в 1868 г. из 361 калмыка, призванного на службу, только 19 были определены в 4, 7, 8, 11, 13, 14, 15, 50-й Донские казачьи полки, дислоцированные на территории империи от Польши до Грузии, остальные стали табунщиками.

Донские калмыки-казаки поддерживали связи со своими соплеменниками. Например, в 1809 г. донские калмыки в общей сложности угнали у дербетов более тысячи лошадей. В середине 1818 г. на территорию Калмыцкого кочевья неожиданно перешли три тысячи кибиток дербетов. Однако перепись 1819 г. не показала больших изменений в численности донских калмыков по сравнению с началом XIX в., видимо, эти кибитки дербетов вернулись обратно. Данные переписи представлены в таблице 1.1.

Таблица 1.1.

Калмыцкое кочевье войска Донского на 1819 г.

Названия улусов	Названия сотен	Кол-во кибиток	Численность населения		
			мужчин	женщин	всего
Верхний	Цевднякинская	310	497	500	997
	Бембдякинская	370	587	591	1178
	Намровская	312	518	540	1058
	Рынцановская	182	310	374	684
Средний	Чоносовская	321	697	710	1407
	Балдырская	350	691	763	1454

Нижний	Эркетинская	148	263	299	652
	Бултуковская	360	802	785	1587
	Бурульская	290	688	665	1359
	Багутовская	193	340	345	685
Кочуют отдельно	Беляевская	175	327	345	672
	Верхне-Таранниковская	260	497	460	957
	Нижне-Таранниковская	168	372	360	732
Всего	13	3439	6589	6737	13326

В 1832 г. в результате тяжелого экономического кризиса, вызванного поборами нойона Деджита Тундутова и тяжелой зимы, из приграничного с Калмыцким кочевьем Малодербетовского улуса начались массовые побегии. По данным администрации Малодербетовский улус покинули 3 тыс. кибиток. Из них, по мнению Н. Н. Пальмова, около 2 тыс. кибиток откочевали на Дон. Усилиями администрации значительную часть беглецов вернули. Еще 975 кибиток из Ульдючинов, Чоносов и части Кубетов (Кевюдов) откочевали на Ставрополье и Черноморию (область Кубанского войска). 700 кибиток были возвращены. Пальмов полагал, что оставшимся 275 кибиткам впоследствии удалось пробраться на Дон. В более поздних документах появились упоминания о новых сотнях в составе Калмыцкого кочевья: Кебютювской (Кевюдовской) и Геленгякинской, жители которых относили себя к дербетам.

Правительство Александра I продолжило реформирование казачьих войск, прерванное наполеоновскими войнами. Учрежденная 29 мая 1819 г. временная комиссия для подготовки нового Положения о войске Донском, позже преобразованная в Комитет по устройству войска Донского, работала очень долго (почти 16 лет). Только 26 мая 1835 г. император Николай I утвердил «Положение об управлении Донского войска», представленное комитетом. Для руководства Калмыцким кочевьем учреждалось особое правление с названием «Калмыцкое правление», состоящее из судьи, двух заседателей, а также двух депутатов, которые назначались войсковым атаманом из числа зайсангов и ламаистского духовенства. Кроме того, в штате правления для канцелярских дел предусматривались должности сек-

ретаря, четырех писцов и одного переводчика-калмыка, владевшего русским языком. На должности судьи, заседателей и канцелярских работников (за исключением переводчика) назначались, как правило, лица некалмыцкого происхождения из войсковых чиновников. Правление размещалось в слободе Ильинка (за пределами Калмыцкого кочевья).

Местное самоуправление осталось почти неизменным. Сотня возглавлялась сотником с двумя его помощниками (бывшими пятидесятниками), гражданское судопроизводство возлагалось на двух станичных судей. Для ведения делопроизводства была предусмотрена штатная единица писца. Хотоном управлял приказной, подотчетный по всем вопросам сотнику. Местная администрация избиралась на двухступенчатых выборах сроком на три года. В выборах первой ступени могли участвовать только казаки-калмыки мужского пола. Организация выборов возлагалась на двух начальников дистанций, которые сообщали о результатах выборов Калмыцкому правлению. Последнее утверждало хотонных приказных, а списки остальных избранных чиновников подавало на утверждение наказному атаману. На сотенном сборе по Положению 1835 г. разрешалось рассматривать частные дела, причем в исковых делах и тяжбах должны были применяться не общероссийские судебные нормы, а калмыцкие обычаи.

Положение 1835 г. определило также и правовой статус Калмыцкого правления. По военной части оно было подведомственно начальнику Войскового дежурства, по гражданской — Войсковому правлению. Правление должно было вести точный учет годных к службе мужчин и систематически представлять их списки в Войсковое дежурство, контролировать правильность и очередность призыва калмыков-казачков на службу и рассматривать жалобы о нарушениях правил местным руководством, постоянно изучать реальное состояние готовности калмыков к очередному призыву на службу и т. д. На калмыков возлагались и земские повинности: конвоирование арестантов, перевозка командированных чиновников и служебных бумаг.

Царская администрация продолжила политику перевода калмыков на оседлость. Положением 1835 г. калмыки обязывались запасать корма на зиму, заниматься хлебопашеством. Для всех желающих пе-

рейти на оседлость предусматривалась выдача бесплатного леса для строительства домов. Общественное землепользование калмыков устанавливалось по образцу казачьей общины, в форме так называемого юрта. Территория Калмыцкого кочевья в целом осталась прежней, но ее границы были уточнены. Общая площадь калмыцких кочевий составила в тот период 988012 десятин (почти 11 тыс. кв. км²) удобной земли.

Однако реформы административного устройства калмыцких кочевий Войска Донского при Николае I на этом не закончились. 12 марта 1846 г. императором было утверждено новое положение. Земельные участки калмыцких сотен были перераспределены в зависимости от количества мужчин в каждой сотне. В результате урезания земель несколько калмыцких сотен были вынуждены перейти на новые кочевья. Состав улусов значительно изменился, две Таранниковские сотни объединили с другими. Все этнические группы, проживавшие за пределами Калмыцкого кочевья, были переведены в состав улусов.

В состав Верхнего улуса вошли 1-я Харьковская (Цевднякинская), 2-я Беляевская, 3-я Балдырская (Потаповская), 4-я Эркетинская сотни; в состав Среднего улуса — 1-я Чоносовская (объединенная с Верхне-Таранниковской), 2-я Бембдякинская, 3-я Геленгякинская, 4-я Кевюдовская, 5-я Бурульская (объединенная с Нижне-Таранниковской); в состав Нижнего — 1-я Рынцановская (Зюнгарская), 2-я Бултуковская (Богшракинская), 3-я Багутовская (Батлаевская), 4-я Намровская (Ики-Бурульская). В таком виде сотни и их юрты с небольшими изменениями просуществовали до 1917 г.

Две сотни — Цевднякинская (Харьковская) и Рынцановская (Зюнгарская) изначально являлись зюнгарскими и происходили от джунгарских улусов Даши-Батора и Баахан-тайши, прикочевавших на Дон еще в конце XVII — начале XVIII в. Название сотен произошло от имен владельцев, что подтверждает их генеалогия, приведенная И. И. Поповым. Она начинается от Батур-тайджи (Даши-Батора) — прадеда Цэбэдина (Цевдн-нойона). Попов утверждал, что *«По его имени 1-я сотня Верхнего улуса называлась Цэбэдинекинской»*. Этноним «Харьковская» происходил от имени сотника, и после переименования сотни в станицу Граббевскую постепенно перестал

использоваться. Однако этноним «Цевднякинская» продолжал бытовать еще долго, а в 1917 г. Граббевская станица официально стала именоваться «Цевднякинской». Среди правнуков Цевдн-нойона указан *«лично известный нам»* (т. е. Попову — У. О.) Эренджен (Ринчэн). При Ринчэне (примерно конец XVIII — начало XIX вв.) эта сотня (аймак) выделилась из Цевднякинской и получила название «Рынцаповская». В начале XIX в. обе зюнгарские сотни входили в один улус (Верхний) и лишь в 1846 г. оказались разведенными по разным улусам.

Эркетинская, Бултуковская (Богшракинская) и Багутовская (Батлаевская) изначально являлись торгутскими. Происхождение этнонимов «Эркетинская» и «Багутовская» увязывается этнографами с одноименными улусами Калмыцкого ханства, а этнонима «Богшракинская» — с именем икицохуровского нойона Бокшурги (младшего брата Дондук-Омбо). Этноним «Бултуковская», который к концу XIX в. уже перестал употребляться, был связан, по всей видимости, с именем одного из сотников. И. В. Борисенко увязывает возникновение этих станиц с временной откочевкой на Дон Эркетеневского улуса под руководством Ямана в 1720 г., что кажется маловероятным, тем более, что эркетени в те годы кочевали отдельно от багутов и цохуров. Возможно, образование этих сотен связано с волнениями в Калмыцком ханстве в начале 60-х годов XVIII в., когда на Дону появились (помимо других) улусы ики-цохуров Асархи и Маши (сыновей Бокшурги), часть улусов эркетеней и багутов, отказавшихся повиноваться новому наместнику Убаши.

Бембдякинская (Ики-Чоносовская), Чунусовская (Бага-Чоносовская), Намровская (Ики-Бурульская), Бурульская (Бага-Бурульская), Кевюдовская и Геленгякинская изначально являлись дербетскими. Все они были образованы выходцами из соответствующих родов и аймаков Дербетовского улуса, за исключением Геленгякинской, которая возникла в середине XIX в. путем отделения от Кевюдовской сотни. Существует версия, что сотни Бага-Чоносов (Малых волков) и Бага-Бурулов (Малых Бурулов) могли образоваться путем отделения от Ики-Чоносов (Больших волков) и Ики-Бурулов (Больших Бурулов). Бембдякинская сотня, по мнению информантов считающаяся

«старейшей», кочевала на Дону уже в начале XVIII в. Согласно родовой легенде возникновение этой группы связано с решением Аюки-хана создать заслон на Дону для охраны южных рубежей страны. Через несколько лет к 850 воинам-чоносам под руководством Бембед-нойона присоединились их семьи. Некоторые информанты даже утверждали, что именно с этой группы следует отсчитывать появление донского поселения калмыков. Действительно в 1710 г. по просьбе российского правительства 10 тыс. калмыков под руководством дербета Менко-Темира и торгута Чимета Батурова были направлены Аюкой на Маныч для охраны донских станиц, ослабленных крестьянской войной под руководством К. Булавина. Чоносовская и две Бурульские сотни по косвенным данным к середине XVIII в. уже кочевали на Дону. В XIX в. в Чоносовскую и Бурульскую сотни влились калмыки Таранниковских сотен, этническая принадлежность которых не установлена. Кевюдовская (и отделившаяся от нее Геленгякинская) сотня, как уже упоминалось выше, появилась в Калмыцком кочевье в 30-х гг. XIX в.

Две сотни возникли в 1803 г. при перечислении казачьих полков с Украины к войску Донскому: Балдырская (чугуевцы) и Беляевская (беляевцы). Эти станицы создавались не по этническому, а по территориальному принципу, поэтому с этнической точки зрения они являются смешанными. Этноним «балдыр» (метис) свидетельствует о наличии иноэтнических примесей у чугуевских калмыков.

В Верхнем улусе был создан так называемый запасной участок, предназначенный для увеличения средств общественного капитала Калмыцкого кочевья. При этом земля оказалась распределена неравномерно, например, в Верхнем улусе, несмотря на выделение запасного участка, на мужчину пришлось в среднем 127 десятин, а в Нижнем — 91, в Богшракинской сотне земли было и того меньше — 70 десятин. Калмыки шести сотен Среднего и Нижнего улусов имели от 70 до 86 десятин, а в пяти других сотнях их земельные наделы превышали 150 десятин. В среднем по кочевью на каждого мужчину пришлось по 106 десятин.

Согласно положению 1846 г. значительную часть калмыцких кочевий по Салу, Манычу и Егорлыку (то есть наиболее плодород-

ные земли с хорошими источниками воды) передали под зимовники частным коннозаводчикам. 68 тыс. десятин (743 кв. км²) оставшейся земли выделили в так называемую «Запасную калмыцкую степь», которую предполагалось сдавать в аренду, при этом арендаторы имели право заниматься как пастбищным скотоводством, так и земледелием. Доходы поступали в общественный капитал Калмыцкого правления.

Большинство преобразований, проводимых среди донских калмыков до 1835 г., внедрялось по усмотрению донской администрации. Переустройства в калмыцких кочевьях, связанные с Положениями 1835 и 1846 гг., носили уже правительственный характер, а политика перевода донских калмыков на оседлость приняла силу государственного закона. Благодаря Положению 1835 г. донские калмыки получили собственное управление, максимально приближенное к их быту, обычаям, хозяйственному укладу, обширную территорию, где на каждую мужскую душу приходился надел площадью от 70 до 178 десятин удобной земли. Был образован специальный фонд из войсковых денежных сумм для помощи обедневшим семьям. Калмыки получили возможность обучать детей в любых войсковых школах на общих основаниях со всеми казачьими детьми и т. д. Но сокращение территорий кочевий затруднило калмыкам ведение традиционного способа хозяйствования — пастбищного скотоводства и вынудило начать переход к оседлости и землепашеству, непривычному и дискомфортному для них образу жизни.

С вводом в действие нового положения о войске Донском наладился регулярный статистический учет населения этого региона, в том числе и калмыцкого. Начиная с 1840 г., население Калмыцкого кочевья учитывается ежегодно. На территории войска Донского были выявлены дополнительные группы калмыков, проживавших в станичных юртах других округов и работавших табунщиками и пастухами у коннозаводчиков и донских помещиков или занимавшихся рыболовством в низовых станицах. Если до принятия Положения 1835 г. в войске насчитывалось 16505 калмыков, то в 1840 г. — уже 20317. В следующие два с лишним десятилетия идет медленный рост калмыцкого населения на Дону (с 1840 по 1865 гг. — 2520 человек).

Прирост населения объясняется низкой смертностью. Даже эпидемия холеры в 1848 г., благодаря здоровому образу жизни донских калмыков, не отразилась на их демографических показателях. В период 1866–1871 гг. происходит увеличение числа калмыков на 4140 человек, причем превышение рождаемости над смертностью было в среднем 220 человек в год. С переходом на оседлый образ жизни темпы прироста калмыцкого населения сохранялись примерно на одном уровне до конца XIX в., составляя в среднем 220–250 человек в год. Своего пика они достигли в 1893 г. — 447 человек в год. Однако перед Первой мировой войной темп прироста населения составлял всего 200 человек в год (847 родившихся и 647 умерших в 1913 г.).

С переводом калмыков на отдельную территорию и введением общевойсковой системы управления среди них отчетливо стал проявляться процесс социальной дифференциации. Среди бедного калмыцкого населения появились так называемые байдужи, не имевшие ни хозяйства, ни средств передвижения. Им разрешалось проживать на землях других станиц. По данным 1819 г. на учете Калмыцкого правления состояло 105 семей байдужей, в которых насчитывалось 379 человек. В 1833 г. имелось 4716 калмыков, пребывающих в крайней бедности (почти четверть от всего населения). Были нередки случаи, когда призывающийся на службу калмык не имел средств на приобретение амуниции и лошадей. Поэтому по Положению 1835 г. снабжение призывающихся было возложено на Калмыцкое правление. В 1836 г. из 110 призывавшихся 45 не могли подготовиться к призыву из-за отсутствия средств.

В 1873 г. в Области Войска Донского прошла судебная реформа, по которой Калмыцкое кочевье отнесли к ведению Новочеркасского окружного суда. Система гражданского управления Калмыцкого округа осталась в целом прежней с небольшими корректировками. Управление находилось в слободе Ильинке и состояло из судьи, двух заседателей, двух депутатов-калмыков, избираемых от духовенства и граждан. Следующее звено управления составляли сотники, избираемые на сотенных сходах.

Политика правительства, направленная на перевод калмыков на оседлость, поначалу не имела большого успеха. В 1859 г. в Калмыц-

ком кочевье было всего 56 деревянных домов и 2 ветряные мельницы. Один исследователь писал в начале 1870-х гг.: *«Мне кажется даже, что у калмыков и зависти нет к жизни русских, что они очень довольны тем, что дает им кибитка и их непривлекательная жизнь»*. По мнению христианского миссионера А. Л. Крылова, основной причиной этого была религия: *«покуда калмыки остаются ламаитами, до тех пор невозможно распространение между ними какой-нибудь оседлости, ни чего бы то ни было казачьего, — не потому, что буддизм не допускает оседлости, — мы знаем, что буддизм явился из среды оседлого населения, ...но потому, что ламаизм так тесно соединился, сжился с кочевой жизнью народа, что тот и другое не можно разделить между собою, не пошатнувши друг друга»*.

Почти все донские калмыки исповедовали буддизм, о чем свидетельствуют данные переписей. Даже в Балдырской и Беляевской сотнях, сформированных из крещеных калмыков бывших Чугуевского и Беляевского поселений, преобладали буддисты. Например, по данным V ревизии (1794–1796 гг.) из 406 мужчин-калмыков Беляевского поселения только 79 считались крещеными. После переселения на территорию Калмыцкого кочевья эта небольшая группа христиан растворилась в общей массе буддистов. Даже калмыки Чугуевского поселения, в основном крещеные, после переселения стали открыто исповедовать буддизм. К. П. Шовунов, основываясь на архивных материалах, установил, что в 1839 г. в 11 сотнях Калмыцкого округа (данные по Богшракинской и Бурульской сотнях отсутствуют) существовало 22 передвижных хурула.

Таблица 1.2.

**Сотенные хурулы Калмыцкого кочевья на 1839 г.
и время их основания**

Название сотни	Количество хурулов и время основания
Рынцановская	1. Основан с началом образования сотни
Багутовская	1. — « — в 1715 г. 2. — « — в 1760 г. 3. — « — в 1831 г.

Намровская	1. — « — с началом образования сотни 2. — « — в 1759 г.
Чоносовская	1. — « — в 1733 г. 2. — « — в 1734 г.
Верхне-Таранниковская	1. — « — в 1766 г. 2. — « — в 1784 г. 3. — « — в 1805 г.
Бембдякинская	1. — « — с началом образования сотни 2. — « — в 1715 г.
Нижне-Таранниковская	1. — « — с началом образования сотни
Цевднякинская	1. — « — с началом образования сотни 2. — « — в 1766 г.
Беляевская	1. — « — в 1720 г. 2. — « — в 1760 г.
Балдырская	1. Время основания неизвестно 2. — « — в 1804 г.
Эркетинская	1. — « — в 1720 г. 2. — « — в 1770 г.

Хурулы существовали даже в Балдырской и Беляевской сотнях, созданных из переселенных с Новороссии крещеных калмыков. Наряду с кочевыми хурулами со временем в Калмыцком кочевье стали появляться стационарные, например, в Зюнгарской сотне. Лама донских калмыков подчинялся дербетовскому ламе. С 1806 г. его переподчинили войсковому атаману по вопросам, связанным с утверждением хуральных штатов. Войсковая администрация пыталась препятствовать увеличению числа священнослужителей под предлогом того, что это сокращает число казаков, несущих военную службу. Из-за этого большая часть монахов низших ступеней ламаистской иерархии (гецюли и манжики) были вынуждены нести военную службу, а гелюнгов возводили в сан только с разрешения атамана. По остальным вопросам донской лама получил полную свободу действий, то есть обрел большую самостоятельность, чем ламы астраханских калмыков.

В 1821 г. атаман Иловайский сократил штат ламаистского духовенства до 52 человек (по 4 на сотню), но гелюнги добились отмены этого решения в Петербурге. Во второй четверти XIX в. войсковая

администрация закрыла несколько хурулов, стремясь оставить по одному хурулу на аймак. Если в 1820 г. в Калмыцком кочевье числилось 253 представителя духовенства, то в 1860 г. их осталось 127, а 1870 — 150. В этот период донские калмыки стали строить стационарные хурулы. В 1861 г. из 23 хурулов 9 были деревянными. В проекте станичного управления, опубликованном в 1862 г., предлагалось оставить в Калмыцком кочевье 14 хурулов: 13 — в сотнях и 1 — для донского бакши (ламы). В каждом хуруле должно было числиться по 12 монахов (4 гелюнга, 4 гецюля, 4 манжика), хотя в ст. 458 этого проекта указывалось, что *«свобода вероисповедания калмыцкого народа и все относящиеся к оному обряды остаются неприкосновенными в прежнем их действии»*.

С началом проведения реформ Александра II давление на калмыцкое духовенство ослабло. В 1895 г. в 7 калмыцких станицах значилось уже 18 хурулов. По статистическим данным «Памятной книжки Области Войска Донского на 1904 г.» в Сальском округе значилось 133 «ламаистских» духовных лица. Однако реально их было больше. Например, только в хуруле станицы Граббевской, построенном в 1909 г., числилось более сотни духовных лиц, включая манжиков.

Буддизм как господствующая религия и кочевой быт сформировали у калмыков особый стереотип поведения. По мнению этнографов XIX — начала XX в., донских калмыков отличали *«высокие морально-нравственные устои»*. Преднамеренные убийства, грабежи и воровство (за исключением скотокрадства, что в глазах калмыка преступлением не считалось) были крайней редкостью. Об этом свидетельствуют и полицейские отчеты: *«В округе Калмыцкого правления относительно преступлений самоубийств, покинутых младенцев, зажигательств, грабежей, разбоев, воровства ... и мошенничества не было»* (из отчета за весь 1846 г.). И. И. Попов утверждал, что *«калмыки выгодно отличаются... хорошей памятью, остроумием, умением красноречиво говорить, усидчивостью в учении... Среди них была, конечно, разница в способностях, но не было ни одного лентяя и совершенного тупицы»*. Нищенство и беспризорность считались невозможными. Христианский миссионер А. Л. Крылов писал: *«Наряду со страшными богачами (в Лондоне, например), нередко примеры*

голодной смерти. У калмыков этого нет. У них нет даже нищих, тогда как в самой маленькой нашей деревне это неизбежно». Даже такой распространенный в нашей стране порок, как пьянство, среди донских калмыков проявлялся в меньшей степени, чем у крестьян и русских казаков: «у калмыков не было примеров убийства в пьяном виде, как нередко у нас бывает, нет пьяниц в том смысле, как мы понимаем их».

Попытки православной церкви развернуть в Калмыцком кочевье миссионерскую деятельность успеха не имели. На территории войска Донского существовала специальная Протоколамайская миссия, но ее успехи были крайне скромными. Например, в 1857 г. крестилось всего 2 калмыка. В 1870-х гг. в Ильинке был открыт приют для мальчиков-калмыков — будущих миссионеров. Но в нем учились только 4 мальчика. Даже те калмыки, которые в XVIII в. приняли крещение, после переселения на Дон стали возвращаться к старой вере. По данным на 1898 г. буддистами было подавляющее большинство донских калмыков — 28084 чел.

Вопросы к параграфу 1.2.

- 1. Какую калмыцкую станицу на Дону следует считать старейшей по происхождению?*
- 2. На какой территории донские калмыки кочевали в 1801 г.?*
- 3. Как изменилась система самоуправления донских калмыков в результате судебной реформы 1873 г.?*

§ 1.3. Сальский округ в последней четверти XIX — нач. XX вв.

Учрежденное в 1846 г. административное устройство донских калмыков сохранялось до 1876 г., когда на Дону началась земская реформа, в ходе которой использовалось «Положение о земских учреждениях России» с небольшими дополнениями, вызванными спецификой региона. В земских выборах принимали участие и 13154 калмыка (мужчины). В каждом из улусов прошел съезд, на котором избирался один гласный (то есть улус приравнивался к станице) в земское собрание 1-го Донского округа, куда был приписан Калмыцкий округ. В земское собрание 1-го Донского округа войсковой атаман назначал одного члена, знакомого с жизнью калмыков, для *«защиты интересов калмыцкого населения»*. Помимо привычных казачьих обязанностей были дополнительно установлены земские повинности: препровождение арестованных, перевозка чиновников и бумаг, отправляемых по службе, которые выполняли «малолетки» или отставные от 45 лет и старше. Администрацию обязывали обеспечить перевод донских калмыков на оседлость: *«Главнейшая обязанность войскового и окружного начальства должна состоять в ознакомлении калмык с хлебопашеством и в приучении их к оседлой жизни, к заведению запасных хлебных магазинов, общественных и частных мукомольных мельниц и постоянных хурулов»*. Калмыков, занимающихся хлебопашеством более 15 лет, предложили награждать специальными медалями.

Калмыцкое правление содержало за счет общественных доходов административный аппарат и учреждения, калмыцкое духовенство и (частично) хурулы, окружное и народные приходские училища, устраивало сотенные дома, мельницы, запасные хлебные магазины и т. д. Часть общественных доходов могли быть использованы на нужды отдельных лиц: помощь пострадавшим от несчастных случаев, снаряжение *«беднейших калмык»* на службу (к началу XX в. снаряжение калмыков-казаков за счет общественного капитала стало традицией). Калмыкам, переходящим «на оседлость», выдавалось пособие не более 30 рублей, причем половина пособия оформлялось беспроцентной ссудой, а половина — безвозвратной. Доходная часть кал-

мыцкого общественного капитала состояла в большинстве своем из двух источников: откупной суммы за содержание запасной калмыцкой войсковой земли и ежегодных отчислений из «питейной войсковой суммы». Имелись и другие источники доходов. Например, была установлена новая плата за табунщиков: 8 — за казаков внутренней службы, 15 — за «малолетков», 25 руб. — за служилых казаков.

В связи с земской реформой возникла необходимость унификации административной структуры донских калмыков, сохранявшей некоторые национальные черты, с новыми формами казачьего устройства. По проекту 1876 г. 13 сотен Калмыцкого округа планировалось реорганизовать в 7 новых станиц, которым предполагалось дать названия в честь сражений Отечественной войны 1812 г. (Бородинская, Тарутинская, Малоярославская, Березинская, Смоленская и Полоцкая), а также атамана М. И. Платова (Платовская). На каждого казака этих станиц отводилось по проекту от 42,68 (Беляевская, Балдырская, Эркетинская и Бурульская сотни) до 44,71 (Намровская и Багутовская сотни) десятин земли. Общая площадь станичных наделов должна была составить 575786 десятин земли.

Однако Военный совет (Область Войска Донского по гражданскому управлению подчинялась Военному министерству) изменил проект реорганизации сотен. Согласно новому положению, утвержденному Александром II 2 июля 1877 г., из 13 сотен образовали 7 станиц, названных именами бывших войсковых атаманов:

Иловайская — из 1-й Зюнгарской сотни Нижнего улуса;

Денисовская — из 2-й Богшракинской и 3-й Батлаевской сотен Нижнего улуса;

Платовская — из 4-й Намровской сотни Нижнего улуса;

Власовская — из 1-й Чоносовской и 2-й Бембдякинской сотен Среднего улуса;

Кутейниковская — из 3-й Кевюдовской и 4-й Геленгякинской сотен Среднего улуса;

Граббевская — из 5-й Бурульской сотни Среднего улуса и 1-й Цевднякинской сотни Верхнего улуса;

Потаповская — из 2-й Беляевской, 3-й Балдырской и 4-й Эркетинской сотен Верхнего улуса.

Общая площадь земельных наделов всех 7 станиц уменьшилась до 572786 десятин (более 6257 кв. км²). Это количество земли распределили на 13154 казака из расчета подушевой нормы. Если раньше на одну мужскую душу калмыка-казака приходилось более ста десятин земли, то после реорганизации норма душевого надела составила 43 десятины. Калмыцкий округ лишился 431107 десятин (более 4709 кв. км²) земли, куда переселились более 10 тысяч крестьянских семей, расселившихся хуторами. Калмыцкому экстенсивному скотоводству был нанесен ущерб, от которого оно оправиться уже не смогло.

Продолжая политику унификации государственной системы управления, Государственный совет империи в январе 1884 г. издал положение, в котором, помимо всего прочего, указывалось об образовании в Области войска Донского 8-го гражданского округа. Созданный Военным советом 13 февраля 1886 г. 8-й Сальский округ состоял из семи калмыцких станиц, «русских» станиц Атаманской (создана в 1880 г. из частей бывшего Калмыцкого кочевья и XII отдела войсковой земли) и Великокняжеской, чернополосного запаса (из войсковых земель, оставшихся после размежевания калмыцких станиц), земель частных коннозаводчиков с зимовниками, поселков Ильинский, Верхний и Нижний Серебряковы, Траилин с крестьянскими отводами и двух участков Манычских соляных озер с крестьянскими поселениями. Границы Сальского округа проходили: на севере — по реке Маныч между устьями балок Хомулец и Ургучевой, далее по границе юртов станиц Платовской и Денисовской до р. Сал, затем по реке Сал до хутора Гуреева станицы Атаманской; на востоке — по границе с Астраханской губернией; на юге — по границе со Ставропольской губернией; на западе — по генеральной меже Егорлыкской станицы, далее по границе VI отдела Черкасского округа, затем по балке Хомулец, смежными землями станицы Багаевской.

1 января 1892 г. в действие вступило новое положение об общественном управлении станиц шести казачьих войск, в том числе и Донского. В основе положения использовались принципы коллективности, демократии и гласности. Высшим органом станичного самоуправле-

ния являлся станичный сбор, на который допускались все казаки-мужчины. В систему станичного управления входили также станичные атаман, правление и суд, которые избирались на сборе и были подконтрольны ему. Аналогичным образом строилась система хуторского управления. У донских калмыков это положение было внедрено только в 1897 г. специальным распоряжением Государственного совета. Исключением являлся пункт, в котором сотенный сбор по ряду вопросов мог заменяться советом старейшин из 15 человек с участием представителя ламаистского духовенства. Однако совет старейшин избирался на станичном сборе каждый год, т. е. был подконтролен обществу, как и другие элементы системы самоуправления.

В результате реорганизации во главе Сальского округа встал назначаемый окружной атаман с соответствующим штатом. Управление округа получило разрешение еще на две штатные единицы — помощника окружного атамана, ведающего делами донских частных и калмыцких коннозаводчиков, и переводчика калмыцкого языка, приравненных к чиновникам XII класса (в казачьих войсках — звание хорунжего). Одновременно в станицах Власовской, Граббевской и Потаповской учреждались суды почетных судей.

К концу XIX в. на Дону почти все хотоны были преобразованы в хутора или влились в состав станиц. Всего значилось 23 поселения с населением свыше 500 человек, где жили калмыки, в том числе хутора Королева (189 калмыков-ламаистов) 1-го Донского округа и Нагольный (329 калмыков-ламаистов) 2-го Донского округа. В 1897 г. на Дону насчитывалось 32283 калмыка, в том числе в Сальском округе — 28063 человек. За его пределами проживало 4220 человек (2129 — во 2-м Донском, 1135 — в 1-м Донском, 408 — в Донецком, 314 — в Черкасском, 226 — в Усть-Медведицком округе, 6 — в Ростовском, по 1 — в Таганрогском и Хоперском).

Многие жители Сальского округа стали высказывать недовольство преобразованием 13 калмыцких сотен в 7 станиц, особенно жители шести сотен, которые оказались влиты в состав других станиц на правах хуторов (Батлаевская, Чоносовская, Геленгякинская, Бурульская, Беляевская, Эркетинская). Каждая из этих сотен прежде была вполне

самостоятельной и самодостаточной административно-территориальной единицей, не нуждавшейся в дополнительном финансировании. Между тем, с переводом в статус хуторов эти сотни потеряли право свободно распоряжаться своими общественными средствами; в них стали закрывать хурулы, предлагая «удовольствоваться» станичными хурулами. Жители новых хуторов считали, что их соседи-станичники перекладывают на них наиболее тяжелые повинности, а при распределении финансовых средств и нарядов на службу ущемляют их.

Калмыки из расформированных сотен стали добиваться получения для своих хуторов статуса станиц. Для такого решения требовалось согласие жителей станицы, в состав которой они входили. Как правило, те не препятствовали их выделению в отдельную станицу и быстро выносили нужные решения. Дольше всех не могли прийти к соглашению жители Потаповской станицы и Беляевского хутора, но и эти разногласия удалось уладить. В результате, в начале XX в. в Сальском округе было образовано шесть новых калмыцких станиц: Батлаевская — 17 июня 1905 г., Ново-Алексеевская — 16 декабря 1905 г., Чунусовская — 12 февраля 1907 г., Эркетинская — 11 ноября 1908 г., Бурульская — 22 декабря 1908 г., Беляевская — 20 декабря 1910 г. Все станицы получили старые названия сотен, за исключением Геленгакинской, которую в честь цесаревича (и по традиции атамана всех казацких войск России) Алексея Николаевича назвали Ново-Алексеевской.

В результате массовых переселений крестьян из других регионов России, Сальский округ перестал быть мононациональным. Если в 1891 г. там калмыки-ламаисты составляли 54 % населения, а крестьяне — 34,8 %, то 20 лет спустя эти показатели поменялись местами: 36,5 % и 51,6 % соответственно. В период Гражданской войны это привело к серьезным межнациональным конфликтам в регионе. Вместе с тем, если анализировать положение отдельно взятых донских калмыков, то можно прийти к выводу, что в этом плане они были вполне удовлетворены имеющейся у них региональной социально-политической системой: государственная власть, относительно доступная, гарантирующая экономическую и социальную безопасность и оказывающая реальную поддержку, контролируемая и само-

достаточная система самоуправления, выборные и сменяемые суды, сословные привилегии.

Общая площадь Сальского округа перед Первой мировой войной составляла 1991 тыс. десятин удобной и неудобной земли. Однако, часть земли была отрезана для различных нужд Войска или частных лиц, часть — юртам некалмыцких станиц (Великокняжеская, Атаманская и Андреевская), часть — крестьянским поселениям. Площадь юртов калмыцких станиц менялась в зависимости от количества казаков, имевших право на получение земли: перед войной эта цифра равнялась 575 тыс. десятин земли (более 628 тыс. га). Средний размер надела калмыков Сальского округа в начале XX в. составлял более 35 дес. на казака, в том числе около 30 — удобной земли. К 1912 г. эти показатели снизились соответственно до 28,7 и 24,2 дес., в 1913 г. — 27,9 и 23,6 дес. Аналогичные показатели по станицам всего войска в 1913 г. составляли соответственно 13,2 и 10,5 дес., таким образом, донские калмыки-казаки землей были обеспечены лучше, чем казаки других округов.

Основой хозяйства калмыков вплоть до конца XIX в. оставалось кочевое скотоводство, носившее экстенсивный характер. Основными видами скота донских калмыков традиционно являлись верблюды, лошади, крупный рогатый скот, овцы. Другие отрасли животноводства в условиях кочевого скотоводства не получили распространение у калмыков. Данные о численности скота у донских калмыков с 20-х по 80-е годы XIX в. (после земской реформы калмыцкий скот стали учитывать по станицам, не отделяя от скота русских казаков и крестьян) приведены в таблице 1.3.

Таблица 1.3.

Поголовье скота донских калмыков в 20-х — 80-х гг. XIX в.

Вид скота	1822 г.	1846 г.	1859 г.	1870 г.	1873 г.	1881 г.
Лошади	23730	30255	34307	48371	45550	21196
Крупный рогатый скот	47257	56447	63295	73016	74303	74303
Овцы	50711	54317	63669	121403	106547	125461

В конце XVIII в. в Калмыцком кочевье разводили и верблюдов, но в первой половине XIX в. эта отрасль пришла в упадок. К 1859 г. там осталось всего 58 верблюдов. По мере проникновения капиталистических отношений на Дон продукты верблюдоводства, прежде всего шерсть, нашли широкий рынок сбыта, и разведение этих животных стало выгодным для калмыков. В 1901 г. в Сальском округе было уже 1094 верблюда, в 1908 г. — 1579, в 1911 г. — 1727 верблюдов.

Одной из наиболее развитых отраслей являлось коневодство. Разведение лошадей поощрялось военным ведомством, и спрос на коней был достаточно устойчивым, например, в 1871 г. более 85% калмыцких лошадей продали для нужд армии. Калмыцкие коннозаводчики даже стали активно внедрять специализацию и селекцию. В середине XIX в. почти половина лошадей донских калмыков относилась к донской породе. К середине 1870-х годов в калмыцких степях был 101 конезавод, причем 80 из них принадлежали калмыкам. 30 апреля 1877 г. Военный совет принял постановление о переводе коневодства на организованную основу. На каждую конематку выделялось всего по 40 десятин земли (43,7 га), в результате площадь войсковых земель, выделенных для кочевий, сократилась почти в 3 раза. Это привело к сокращению поголовья, что отразилось на конском составе донских строевых частей, который на четверть обеспечивался калмыцкими хозяйствами. Комиссия генерала Струкова в 1894 г. констатировала сокращение поголовья лошадей у калмыков в 4 раза. Только после выделения дополнительных земель для калмыцкого коневодства началось его восстановление.

К сожалению, установить точную численность табунов донских калмыков (как и всего поголовья скота) в начале XX в. весьма трудно. Как уже упоминалось, в этот период Сальский округ перестал быть мононациональным, а поскольку донские статистики не отмечали отдельно стада калмыков-казаков, то вычленив их из имеющихся статистических данных очень трудно. В общем поголовье скота Сальского округа доля коневодства составляла примерно 15 %, но следует учитывать, что значительную часть конского поголовья данного района составляли зимовники богатеев «Донского частного коннозавод-

ства» (более половины), среди которых калмыков почти не было, и огромные войсковые табуны. Впрочем, можно привести отдельные статистические данные по наиболее крупным табунам донских калмыков. Например, в 1908 г. из 102,5 тыс. лошадей, находившихся в Сальском округе, 12,5 тыс. входили в состав 40 табунов калмыцкого коневодства Задонской степи, 2,4 тыс. — в состав 12 станичных конно-плодовых табунов, 0,6 тыс. — в состав 12 станичных конно-строєвых табунов. Таким образом, в составе 64 табунов было 15,5 тыс. лошадей, т. е. как минимум 15% лошадей Сальского округа принадлежали калмыкам.

Немалые выгоды приносило и разведение крупного рогатого скота. Скот калмыцкой породы отличался выносливостью, неприхотливостью к кормам, высоким качеством мяса, пригодностью к любой тягловой работе. Стоимость быков «красной калмыцкой» породы могла доходить до 45 рублей за голову, в то время как другие породы уступали ей в цене в два раза. Калмыцкий крупный рогатый скот мясного направления в условиях неразвитости земледелия удовлетворял многие важные потребности человека, причем не только в питании.

Наиболее распространенной отраслью скотоводства у калмыков традиционно было овцеводство. Поначалу донские калмыки предпочитали разводить привычные им породы курдючных овец. Но с конца XVIII в. многие калмыцкие хозяйства начали заводить тонкорунных овец, тем более что шерсть мериносов стоила в 8 раз дороже грубой шерсти. Если в 1846 г. все поголовье (54 тыс.) состояло из овец калмыцкой породы, то в 1881 г. из 111 тыс. — 14 тыс. относились к тонкорунным. В калмыцких отарах большинство составляли неприхотливые курдючные овцы, не требующие для их выращивания больших затрат и усилий. Значительная часть продуктов, получаемых от калмыцких овец, шла на внутренние нужды: шерсть, сало, мясо, кожа, молоко.

Пастбищное экстенсивное животноводство требует для своего развития наличие больших пространств и постоянных источников воды. Однако территория калмыцких сотен была ограничена со всех сторон войсковыми и частными землями, юртами других станиц, при этом кочевья все больше и больше сокращалась. Во многих районах

сальских степей имел место дефицит пресной воды. Калмыки, отдавая предпочтение привычному образу жизни, продолжали заниматься пастбищным скотоводством, пока для этого имелись возможности. Лучше всего животноводство было развито в западных районах Калмыцкого кочевья: юртах Намровской, Бембдякинской, Геленгякинской, Рынцановской, Батлаевской и Богшракинской сотен.

Пастбищное скотоводство не требовало больших затрат и в условиях повышающегося спроса на товар приносило неплохую прибыль. В течение XIX в. Калмыцкое кочевье и Задонские степи превратились в специализированный скотоводческий район, обогнав по этим показателям другие округа войска Донского. Однако главным недостатком пастбищного скотоводства являлась сильная зависимость этого вида хозяйствования от природно-климатических условий. Например, в результате суровой зимы 1847–1848 годов донские калмыки потеряли около 12 тыс. лошадей (более 40%) и для восстановления поголовья им понадобилось несколько лет. Поголовье крупного рогатого скота донские калмыки восстанавливали 10 лет. Серьезный урон экстенсивному скотоводству наносили и засухи, неурожай, эпизоотии. В 1877 г. поголовье овец достигло 157669 голов, но из-за тяжелых погодных условий в 1880 г. оно сократилось более чем в 2,5 раза. Правда, через год численность овец составила 125461 голову, но уровень поголовья 1877 г. донским калмыкам восстановить удалось только к началу XX в. Поголовье крупного рогатого скота после катастрофы 1880 г. сократилось почти на 40%.

По мере сокращения пастбищ донские калмыки стали постепенно переходить на оседлый образ жизни. Они чаще стали использовать методы интенсивного скотоводства, частично перешли к стойловому животноводству. Чаще всего применялся смешанный тип животноводства: летом скот выводили на пастбища, а зимой держали его в стойлах «на базу». В междуречье Сала и Маныча (основном районе расселения донских калмыков) преобладали светлокаштановые почвы, лишь относительно пригодные для распашки, позже эту зону некоторые специалисты даже стали причислять к «зоне рискованного земледелия». Однако давление администрации, внедрение среди сальских калмыков социально-политической системы казачества и

связанной с нею системы привилегий (предоставление наделов за военную службу и т.д.), пример иноэтничного окружения, очевидность преимуществ земледельческого производства над скотоводческим заметно ускорили здесь процессы обоседления. Фактически здесь они шли к завершению, хотя значительная часть донских калмыков пыталась сохранить старый уклад жизни или сочетать старый уклад с новым.

В XIX в. донские калмыки помимо скотоводства занимались и другими видами сельского хозяйства, прежде всего земледелием и рыболовством. Политика администрации, обязывающая калмыков заниматься сенокосением и запасать корма на зиму, имела успех. Уже в 1846 г. донские калмыки накопили сена почти на 14122 стога (более 2301 тонны сена). Н. А. Маслаковец утверждал, что заготовкой сена занимались *«все калмыки»*. В условиях сокращения пастбищных территорий заготовка сена на зиму являлась единственным средством для сохранения поголовья. Развитие других отраслей земледелия, в частности хлебопашества и выращивания технических культур, было не таким успешным, так как требовало полного перехода к оседлости. Сотни, составленные из чугуевцев и беляевцев, занимались хлебопашеством и сенокосением уже в первые десятилетия XIX в., т. е. сразу после переселения на Дон, несмотря на то, что слой плодородной почвы, пригодной для пашни, в Сальских степях обычно не превышал 4 вершков (менее 18 см), в балках — 8–12 вершков (35–53 см). Неслучайно эти сотни считались самыми слабыми в разведении лошадей, хотя стояли на берегу реки Сал — бесперебойного источника пресной воды. После принятия Положений 1835 и 1846 гг. процесс распространения земледелия пошел быстрее. В 1857 г. в Калмыцком кочевье насчитывалось 349 хозяйств со 174 плугами, что было примерно в пять раз больше, чем в 1846 г.

Со второй половины 1850-х годов центр земледелия из Балдырской и Беляевской сотен стал перемещаться в Бембдякинскую (69 семей хлебопашцев) и Богшракинскую (62 семьи) сотни. В 1870 г. в калмыцких сотнях было зарегистрировано более 1770 семей хлебопашцев (более 20% от общей численности калмыков), которые собрали 28488 четвертей зерна (более 5,5 тыс. тонн). На переход донских

калмыков к земледелию оказало воздействие и положение 1877 г., подорвавшее развитие коневодства в Сальском округе. По данным на 1900 г. в этом округе значилось 3037 домохозяев (71% от общей численности), занимавшихся земледелием и обрабатывавших 94223 десятины (более тысячи кв. км²).

К началу XX в. земледелием занимались почти все донские калмыки, однако почти половина из них сохранила свои кибитки, которые обычно ставились каждое лето на пастбищах. Некоторые из них жили в кибитках постоянно, хотя, как казаки, были приписаны к определенному месту жительства. Практически каждая семья (каждый взрослый мужчина, а также вдовы и сироты) имела свои наделы, полученные как вознаграждение за службу (свою или умершего родственника), и земля, в независимости от ее использования, сдавали ли ее в аренду или распахивали сами, являлась достаточно устойчивым источником дохода.

Донские калмыки сеяли зерновые культуры (рожь, пшеницу, ячмень, просо, овес), а также (в незначительных количествах) технические культуры: лен, горчица, подсолнух. До 1908 г. в Сальском округе выращивали немного табака. Земельные наделы в станицах подвергались постоянным переделам из-за изменения казачьих реестров, что отнюдь не способствовало широкому внедрению удобрений и вообще процессу окультуривания почвы. Урожай в округе были не очень высокими: в среднем сам-6, но в некоторые годы (1908–1910 гг.) достигали сам-10 или даже сам-15. Для распашки полей в Сальском округе в плуги приходилось впрягать 3–4 рабочих лошадей или 4 волов, поэтому «супряжные» плуги, принадлежавшие нескольким семьям, были довольно распространенным явлением. Хотя через Сальский округ пролегла железная дорога, больших прибылей хлебопродажа не приносила. Большую часть хлеба вывозили не в виде муки, а зерном, причем в основном из южных станций (Торговой и Великокняжеской), в то время как калмыцкие станицы с их наделами находились на севере округа. При средних ценах 92 коп. за пуд пшеницы и 75 коп. за пуд ржи особо не разбогатеешь.

Семьи казаков, обрабатывающие 1–2 надела (15–30 десятин), считались середняцкими хозяйствами, в которых имелось более

10 голов крупного рогатого скота и до 400 овец. Бедняками считались те казаки, которые засеивали небольшие участки (до 5 десятин), отдавая остальной надел в аренду, как правило, за половину урожая и треть накошенного сена. Земельные участки могли сдаваться и за денежную ренту. В таких хозяйствах обычно имелась 1 лошадь и до 10 голов крупного рогатого скота, в том числе пара волов, что для обработки надела было явно недостаточно. Богатыми считались те хозяйства, которые брали в аренду дополнительные наделы и обрабатывали от 50 до 150 десятин земли. Сеяли обычно вручную, урожаем убирали серпами и косами, молотили каменными катками при помощи рабочего скота. Сеялки, жатки, сенокосилки, паровые молотилки были большой редкостью и использовались только в богатых хозяйствах, которые брали их в аренду. Скот донские калмыки, как правило, зимой держали в стойлах (на базу), а летом выгоняли на пастбища.

По положению 1835 г. был установлен земельный пай в 30 десятин на 1 казака. Однако захват частными коннозаводчиками Задонской степи, наличие помещичьего землевладения и рост населения свели этот пай к норме в 13,2 десятины (на 1913 г.), из них удобной земли 10,5 десятин. При этом в конце XIX — начале XX вв. около 50 % семейств за долги по снаряжению на службу были фактически лишены надела, который сдавался в аренду ими или станицами. Только 20 % хозяйств были зажиточными. Впрочем, положение калмыков Сальского округа в этом отношении было не таким катастрофичным: средний размер надела в начале XX в. составлял более 35 десятин на казака, в том числе около 30 — удобной. К 1912 г. эти показатели упали соответственно до 28,7 и 24,2 десятин, в 1913 г. — 27,9 и 23,6 десятин. Если учесть, что аналогичные показатели по станицам всего войска в 1913 г. составляли соответственно 13,2 и 10,5 десятин, то можно констатировать, что земельный вопрос для донских калмыков-казаков был не таким острым, как у казаков других округов.

Огородничеством донские калмыки не занимались, однако в некоторых станицах в начале XX в. выращивали бахчевые культуры: арбузы, дыни, тыквы. До начала XX в. у калмыков встречалась любительская охота: втрехом и с собаками на лису и зайца. Рыболовство

у калмыков не было распространено за одним исключением: две калмыцкие (Верхне- и Нижне-Таранниковские) сотни до 1839 г. занимались исключительно рыболовством и переработкой рыбы. Другие отрасли хозяйства в этих сотнях были развиты очень слабо, даже такие традиционные, как коневодство. Но после их переселения и объединения с другими сотнями групп, специализирующихся на рыболовстве, в калмыцких кочевьях не осталось.

Значительный объем произведенной продукции донские калмыки сбывали за пределы своего округа. Основными товарами у донских калмыков были скот и продукты скотоводства: лошади, крупный рогатый скот, овцы, шерсть, кожа; с конца XIX в. — хлебопродукты. Эти товары находили широкий сбыт на внутреннем рынке России, особенно после ввода в эксплуатацию железной ветки между Тихорецкой и Царицыном. Основной формой торговли являлись ярмарки. Калмыки реализовали свои товары на ярмарках в станицах и слободах соседних округов (Черкасского, Донецкого, 1 и 2-го Донских округов), селах Ремонтное, Валуевка, Торговое (Астраханской губернии), поселке Манычском. В Сальском округе ярмарки, на которых продавали скот, проходили в станицах Атаманской, Великокняжеской, Граббевской, хуторах Зундовском (Платовской станицы) и Калмыцком (Ново-Алексеевской станицы) весной (в марте — начале мая) и осенью (в сентябре). Хлебные ярмарки проходили в селах Зимовники и Ремонтное (Дубовка), расположенных рядом с железной дорогой Тихорецкая — Царицын.

К началу XX в. основная масса донских калмыков перешла к оседлому образу жизни, но сохранила свою культуру и религию. Все донские калмыки являлись казаками, несли все положенные обязанности и повинности, включая военные, и пользовались соответствующими привилегиями. Административное устройство и система самоуправления калмыцких поселений соответствовали казачьим и по сравнению с астраханскими и ставропольскими были более демократичными и эффективными. Основная масса донских калмыков вошла в Сальский округ, состоявший в основном из калмыцких станиц. Большинство перешло к земледелию, но значительная часть продолжала заниматься скотоводством, в том числе пастбищным. В животновод-

ческих задонских хозяйствах, особенно на конезаводах, внедрялись интенсивные методы разведения скота.

Таким образом, донские калмыки к началу XX в., несмотря на сильное влияние иноязычной и иноэтничной культуры, не утратили своей этнической идентичности и представляли собой достаточно устойчивую и многочисленную группу калмыцкого народа.

Вопросы к параграфу 1.3.

- 1. Какие виды земледелия были распространены среди донских калмыков в последней четверти XIX в.?*
- 2. Когда был образован Сальский округ Войска Донского?*
- 3. Представители какой национальности преобладали в Сальском округе к 1917 г.?*

§ 1.4. Донские калмыки в войнах Российской империи

Донские юртовые калмыки с конца XVII в. стали привлекаться к несению казачьей службы, прежде всего пограничной и разведывательной. Кроме того, они принимали участие в противостоянии с татарами крымского хана. В 1674 г. небольшой отряд донских калмыков по приказу князя П. Хованского принял участие в набеге на Крым. Первой войной, в которой приняли участие калмыки, кочующие по Дону, была русско-турецкая война 1686–1700 гг. Первоначально основной вектор боевых действий был на днепровском направлении. В этот период правительство Софьи Алексеевны вдвое сократило жалование калмыцким тайшам, поэтому они не приняли участия в набеге донских казаков на Крым (в том числе и для поддержки армии князя В. В. Голицына). В этом походе участвовал лишь отряд калмыков из зюнгарского улуса Цаган-Баатра, прибывшего на Дон еще в 1687 г. и кочевавшего отдельно от ханства.

С активизацией внешней политики России в период правления Петра Великого донские калмыки стали привлекаться на «государеву службу» на постоянной основе. В период Азовских походов они (наряду с донскими казаками и юртовыми татарами) вели войсковую разведку осадной армии. В начале Северной войны наблюдательные посты и разведывательные партии, составленные из донских калмыков, действовали на границах с Крымским ханством постоянно. В ноябре 1706 г. Петр I приказал азовскому губернатору И. А. Толстому, чтобы он *«для безопасности от кубанцев прибавил из крещеных и некрещеных калмык столько, сколько на содержание доставать им будет тамошних доходов»*.

Наиболее эффективной сферой применения иррегулярной конницы являлась разведывательно-диверсионная (партизанская) или «малая» война. Легковооруженные и мобильные отряды калмыков, казаков, башкир, татар и др., действуя на коммуникациях противника и ведя постоянное наблюдение за его войсками, могли дезорганизовать всю его систему снабжения и подготовки резервов, деморализовать вражеских солдат, отвлечь на себя значительные силы противника. При отсутствии постоянных органов военной разведки

иррегулярная конница становилась источником разведывательной информации.

В начале Северной войны выяснилась большая нужда в иррегулярной коннице. В Калмыцком ханстве в этот период шли междоусобные столкновения между Аюкой и его сыновьями во главе с наследником Чагдорджабом. Поэтому в первых наборах привлекались только донские юртовые калмыки и калмыки, кочевавшие на Дону. В этот период с территории ханства на Дон откочевали дербетовские улусы Менко-Темира, его сына Четеря и брата Черкеса. Кроме того, на территории Донского войска по-прежнему кочевали зюнгарские улусы Баахан-тайши и Даши-Баатра (выделившиеся из улуса Цаган-Баатра). После поражения под Нарвой Петр I в феврале 1702 г. отправил войсковому атаману Л. Максиму указ об отправке в Новгород тысячи донских казаков и пятисот калмыков Менко-Темира. Менко-Темир снарядил 900 калмыков, Даши-Баатр — 380, Баахан-тайши (в 1696 г. он в присутствии Петра I принял крещение и взял себе имя князя Моисея Алексеева, восприемником стал главнокомандующий русской армией князь А. С. Шеин) — 90, юртовые калмыки — 345. Вскоре этот отряд прибыл в корпус Шереметева.

В 1701 г. армия Карла XII сражалась в Польше. На территории Лифляндии и Эстляндии остался 8-тысячный отряд генерал-майора В. А. Шлиппенбаха, на территории Ингерманландии и Финляндии — 7-тысячный отряд генерал-майора А. Крониорта. Корпус Б. П. Шереметева насчитывал до 30 тыс. человек, но значительную его часть составляла иррегулярная конница (московские, смоленские и новгородские дворяне, украинские городовые, запорожские, слободские, яицкие казаки, башкиры, татары, калмыки). В этих условиях Шереметев решил сделать ставку на ведение «малой войны»: набег на мелкие отряды и гарнизоны противника, уничтожение обозов, запасов продовольствия и фуража, нарушение коммуникаций и т. д.

Уже летом 1701 г. крупные отряды иррегулярной конницы провели первые успешные рейды «за Свейский рубеж». В декабре корпус Шереметева вторгся в Лифляндию и 29 декабря нанес поражение отряду Шлиппенбаха в сражении при Эрастфере, одержав первую победу русской армии в Северной войне. В их составе были и иррегуляр-

ные части, но в основном из числа гетманских и слободских полков, а также смоленских и новгородских дворян. Из национальной конницы в битве участвовали 150 татар и 55 «курских» калмыков. В апреле 1702 г. в корпус Шереметева прибыли донские казаки и калмыки, которые сыграли важную роль в новой победе над Шлиппенбахом — под Гуммельсгофом (18 июля 1702 г.). Шведы были разбиты наголову и бежали, бросив артиллерию и обоз. После этого иррегулярные отряды могли уже без помех разорять весь край. Летом 1702 г. к ним присоединились башкиры. Вот как красочно крупнейший российский историк С. М. Соловьев охарактеризовал рейд корпуса Шереметева в августе–сентябре 1703 г.: *«пошел гостить в Эстонию таким же образом, как гостил прошлый год в Лифляндах. Гости были прежние: козаки, татары, калмыки, башкирцы. Шлиппенбах бежал без оглядки. 5 сентября Шереметев вошел беспрепятственно в Везенберг... и кучи пепла остались на месте красивого города. Та же участь постигла Вейсенштейн, Феллин, Обер-Пален, Руин; довершено было и опустошение Ливонии».*

В 1704 г. Аюка, который восстановил контроль над улусами, принудил дербетов Менко-Темира и зюнгаров Даши-Баатра покинуть Дон, но некоторым мелким тайшам удалось остаться. Грамота Петра I от 18 июля разрешила им кочевать вблизи Черкаска и Азова, служить наравне с казаками и получать жалование. Однако в результате откочевки большей части дербетов и зюнгаров с Дона новое ополчение калмыков в корпус Шереметева собрать не удалось. В сражении при Гемауэртсгофе 15 июля 1705 г., проигранным Шереметевым, участвовало 250 башкир, 50 татар и всего 20 калмыков.

В 1706 г., когда основной вектор сражений переместился на польское направление, Петр I вновь мобилизовал иррегулярную конницу, в том числе донских калмыков. В первую очередь она использовалась в «малой» войне. Русский посол в Дании князь В. Л. Долгоруков писал 3 октября 1708 г.: *«И все приежжие офицеры из обозу шведского в Стокгольм единогласно сказывают, что превеликую терпят обиду от партий, которые посылаютца от войск царского величества, а особливо от калмык и от казаков, которые выпатца не дадут. Времянем принуждены болши недели по две и денно и ночью быть одетыми; и по*

фураж выехать не дадут). Зюнгарский нойон Баахан-тайша (князь М. Алексеев) позже вспоминал, что во время похода в Польшу его сын Яким Обьяк был послан с 60 калмыками и 50 чугуевцами «*для взятия швецких языков*». Под Люблином он разгромил отряд из 300 шведов и 200 поляков, из которых 30 взял в плен, еще «*уметалось человек с 30*», остальных «*всех побили*». Затем отряд Обьяка под Варшавой разбил еще одну партию, захватил языков и два польских знамени.

Помимо «малой войны» калмыки принимали участие в крупных сражениях, например, при Калише (1706 г.) в составе армии А. Д. Меншикова, у Головчина (1708 г.) в составе отряда фельдмаршал-лейтенанта Г. фон дер Гольца, у Лесной (1708 г.) в составе отряда генерал-поручика К. Г. Флуга (Пфлюга) и др. В 1709 г. калмыки вошли в состав Заднепровского корпуса фон дер Гольца, направленного в Польшу для срыва мобилизации польских войск Станислава Лещинского и сковывания шведского корпуса Э.Д. фон Крассау.

В Полтавском сражении отряды донских калмыков приняли участие в составе мощной (до 23 тыс. сабель) группировки иррегулярной конницы. Хотя они не действовали в составе кордебаталии, но своими разведывательно-диверсионными акциями в период осады Полтавы буквально терроризировали противника. «*Непрестанно на неприятельскую сторону партии легкой кавалерии отправляли, как волохов, казаков донских, калмыков, которые всегда неприятелю алярм делали и лошадей отгоняли, и одни разом больше семисот лошадей от обозу неприятельского отогнали, также и многих языков брали*».

По словам ведущего специалиста по истории Северной войны П. А. Кротова «*Роль калмыцкой конницы в битве под Полтавой однозначно была велика... Их атака из Малобудущенского леса во фланг двигавшихся следом за шведскими полками для прорыва сквозь редуты запорожцев обратила последних в безостановочное бегство... Казацкие, калмыцкие и татарские наездники преследовали спасавшихся бегством шведов и их союзников вплоть до неприятельского обоза у села Пушкаревка*». По мнению К. П. Шовунова, в ходе Полтавской битвы донские калмыки сражались в составе соединения генерал-поручиков К. Э. Ренне и Р. Х. Боура, а чугуевские калмыки — в составе соединения генерал-майора князя Г. С. Волконского. После

победы 27 июня *«были посланы указы украинским полковникам и легкому конному войску калмыков, бывшему при фельдмаршал-лейтенанте Гольце, спешно следовать за шведским королем и перехватывать пути его».*

Однако после этой кампании использование национальных контингентов в Северной войне фактически прекратилось. Шведская армия теперь не рисковала вести боевые действия в поле, и оставшиеся годы российские вооруженные силы занимались осадами крепостей и операциями на море. Эффективность иррегулярной конницы в таких действиях была невелика, и отказ от нее был вполне логичным. В русско-турецкой войне 1710–1713 гг. и Персидском походе 1722–1723 гг. от калмыцкой конницы не отказывались, а, наоборот, старались использовать максимально интенсивно.

5 мая 1724 г. Петр I разрешил дербетовскому тайше Солом-Доржи со своим улусом поселиться и кочевать на Дону, служить наряду с казаками и получать жалованье. После смерти Аюки в 1724 г. началась междоусобная борьба за власть, приведшая к усилению оттока калмыков из ханства на Дон. В 1725 г. астраханский губернатор А. П. Вольнский неофициально разрешил дербетовскому владельцу Четерю вернуться на Дон. Помимо улуса Четеря, на Дон ушло до 2 тыс. кибиток, которые были размещены у Черкаска и причислены к калмыкам, находившимся в ведении Войска Донского.

После заключения в сентябре 1723 г. Петербургского мирного договора между Персией и Россией донские калмыки продолжали вместе с казаками нести внутреннюю службу. Они участвовали в строительстве крепости Святого Креста, заложенной Петром I, охраняли вместе с 1003 казаками, ежегодно сменяемыми, южные рубежи, боролись с набегами крымских и кубанских татар. Например, в марте 1725 г. в крепость Св. Креста должны были направиться: 3 тыс. донских казаков (в том числе 200 юртовых калмыков), 500 донских калмыков (из числа кочевавших вблизи Черкаска дербетов Четеря и Солом-Доржи), 1 тыс. яицких, 1 тыс. слободских, 1 тыс. бунчуковых казаков.

Донские казаки и калмыки действовали под начальством походного атамана И. М. Краснощекова. Они несли караульную службу, совершали походы в горы, вылазки за «языком». Жалованье рядо-

вые казаки, в том числе и юртовые калмыки, получали 5 руб. в год, а донские калмыки кочевых улусов — 3 рубля. За год пребывания у многих казаков и калмыков пали лошади, одежда обносилась. Поэтому генерал-майор Кропотов в феврале 1726 г. обратился в Военную коллегию с просьбой заменить эту группу (3 тыс. казаков и 500 калмыков) и прислать взамен ее в таком же количестве новую партию казаков и калмыков. Военная коллегия прислала приказ: *«Послать на Дон и вам войсковому атаману и казакам грамоту, в которой велеть нарядить с Дону казаков против прежнего наряду 3 тыс., да с ними калмыков доброконных и оружейных, кои близ Черкасского, 500 человек, выбрав к ним походного атамана и старшин указанное число и отправить всех тех казаков и калмыков к крепости Святого Креста в марте сего 1726 году, и велеть им явиться командующему там генералитету, и когда они к той крепости прибудут, тогда обретающихся там донских казаков и калмыков, кои отправлены в прошлом 1725 году, отпустить на Дон».*

В апреле 1729 г. эту группу в крепостях Св. Креста и Дербенте, в Низовом корпусе сменила новая команда из 2 тыс. донских казаков, 200 калмыков из улусов, кочевавших вблизи Черкаска, и 500 яицких казаков. Калмыки, сменяясь каждые два года, вместе с казаками служили в крепости Св. Креста вплоть до 1729 г. За службу в Низовом корпусе в 1726–1728 гг. калмыки-казаки получали денежное жалование в сумме 3 тыс. руб. и ежегодно по 600 руб. «подъемных».

В 1733 г. после смерти короля Польши Августа II Россия открыто вмешалась в дела престолонаследия, поддерживая кандидатуру сына умершего короля — Августа III. С этой целью Анна Иоанновна направила войска под командованием генерал-аншефа П. П. Ласси в Польшу, а армию генерал-фельдмаршала Б. К. Миниха, в состав которой входили 5 тыс. донских казаков и калмыков во главе с походным атаманом Тихоном Ворониным, под Данциг (Гданск), где находился другой претендент на польский престол — С. Лещинский.

Активное участие донские калмыки приняли и в новой русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Осенью 1736 г. 6100 донских казаков и калмыков, находившихся под Перекопом, приняли деятельное участие в осаде и штурме Азова. Затем по приказанию генерала

П. П. Ласси группа численностью до 2 тыс. казаков и калмыков под командованием походного атамана И. Краснощекова выступила в погоню за двумя отрядами татар, которые возвращались из набега на южные селения России. Донцы, нагнав и разбив их между речками Конские и Молочные Воды, близ местечка Волчий Буерак, освободили до 1 тысячи русских пленных и вернули 400 лошадей. До 5 тыс. донских казаков и калмыков входило в состав отряда, сопровождавшего по берегу Азовского моря российскую флотилию под командованием вице-адмирала Бредаля, идущую вдоль берега к месту сражения с турецким флотом.

В этот период общая численность юртовых калмыков не превышала 10 тысяч человек, поэтому на военную службу они могли отправлять лишь несколько сотен воинов. Например, в 1737 г. в составе Донской армии фельдмаршала П. П. Ласси было 747 юртовых калмыков. Очередной поход в Крым под руководством Ласси был предпринят в начале 1738 г. Местом сбора 6-тысячной калмыцкой и донской конницы под командованием И. М. Краснощекова была назначена местность *«на речке Миусе около бывшей Павловской крепости»*. Кроме того, в отряде донского старшины И. И. Фролова численностью до 900 казаков находились 200 донских калмыков. В результате этих походов донские казаки и калмыки отбили малых ногайцев от кубанских татар и вернули их в российское подданство.

После окончания этой войны донские казаки и калмыки приняли участие в русско-шведской войне 1741–1743 гг. Более 6 тыс. донских казаков вместе с юртовыми калмыками (до 500 человек) под начальством армейского бригадира И. М. Краснощекова (погиб 12 августа 1742 г.), а затем Степана Ефремова, походного атамана, активно участвовали в этой войне вплоть до ее окончания (вернулись из Финляндии только в сентябре 1743 г.). Помимо того, в 1741–1742 гг. в Остзейском крае находилось 3 тыс. донских казаков и калмыков. В состав командования (походный атаман, 2 полковника, 13 есаулов, 13 хорунжих, 10 сотников) этого отряда входили 8 калмыцких старшин на правах сотников.

В 1740-х и в начале 1750-х гг. донские калмыки вместе с казаками продолжали служить в крепостях Кизляре (4 тыс. чел.), Святой Анны,

в Лифляндии, Вязьме, Дорогобуже, Смоленске (6 тыс. чел.), ходили в походы в Кабарду, Оренбург, в Казанскую губернию (1755 г.) для подавления башкирского восстания. Так, в 1746 г. в Лифляндии, кроме 530 донских калмыков, в составе 6-тысячного корпуса донских казаков, находился тысячный отряд ханских калмыков, направленный в соответствии с указом Елизаветы I от 22 января 1746 г.

20 декабря 1749 г. императрица Елизавета Петровна, учитывая заслуги донских казаков в защите отечества, приняла делегацию во главе с войсковым атаманом Д. Е. Ефремовым, в состав которой входили старшины, есаулы, хорунжие, сотники и рядовые казаки и калмыки. Императрица вручила каждому члену делегации денежное вознаграждение и дополнительно деньги на ковш и саблю. В числе 6 есаулов от Елизаветы I получил жалованье в сумме 60 руб. и 15 руб. на саблю калмык Черен (Церен). Рядовые (25 человек) казаки и калмыки получили жалованье по 33 руб. и на саблю по 7 руб. 50 коп.

Активное участие приняли донские калмыки вместе с донскими казаками в Семилетней войне (1756–1762 гг.). В соответствии с указом Правительствующего сената от 2 августа 1754 г. выступающим казакам от Войска Донского на войну в дальние места устанавливалась ежегодная доплата сверх окладного жалования: походному атаману — 200, полковым командирам — по 100, есаулам, хорунжим, квартирмейстерам и полковому писарю — по 18, писарям обозным, казакам и калмыкам — по 12 рублей.

На театре боевых действий этой войны находилось 5330 калмыков, в том числе 4 тыс. ханских, 450 калмыков в составе 18 донских казачьих полков, в Чугуевском полку — 200, Ставропольском — 500, в Павловском отряде — 180 человек. Как отмечал генерал П. Н. Краснов, за семь лет войны успешно воевали 16 тыс. казаков и калмыков, сведенных в 10 полков (И. Грекова, А. Луковкина, Б. Луковкина, Машлыгина, Орлова, Поздеева, Попова, Краснощекова, Дячкина, Бобрикова) под командованием генерал-майора Д. Ефремова. В числе первых вступили на немецкую землю, по словам пастора Тере, *«несколько тысяч казаков и калмыков, с длинными бородами и суровым взглядом, невиданным вооружением — луками, стрелами и пиками — проходили по улице. Вид их был страшен и вместе с тем*

величествен. Они тихо и в порядке прошли город и разместились по деревьям, где им были отведены квартиры». В 1762 г. 10 донских казачьих полков бригадира Ф. И. Краснощекова были отправлены на Дон. По данным К. Н. Максимова, только в полку самого бригадира числились 200 калмыков-казаков, в том числе 2 атамана, 2 есаула, 2 сотника и 3 хорунжих.

В эти же годы в составе 50-тысячной армии генерала П. А. Румянцева, прикрывавшей границы России между Днепром и Доном, успешно действовали против татар 10 тыс. казаков и 20 тыс. ханских калмыков. Помимо того, весной 1764 г. 8 донских казачьих полков, в состав которых входили и юртовые калмыки, срочно отправили через Киев в формируемые корпуса легкого войска к границам Смоленска и Курляндии. В Турецкой и Польской войнах (1764–1774 гг.) приняли участие до 22 тыс. донских казаков (в том числе более 600 калмыков). В 1768 г. на Дону числилось служилых 18667 казаков. В русско-турецкой войне (1768–1774 гг.) участвовали до 6 тыс. донских казаков и калмыков. Кроме того, в это время донские казаки и калмыки несли службу на Днепровской, Царицынской и Сибирских линиях, на миусских заставах, в Кизляре, в Польше, в Черкасске на карауле, в Новочеркасской и Борисоглебской крепостях, в Ростове, на заставах по реке Сал между Кубанью и Доном.

В новой русско-турецкой войне (1787–1791 гг.) приняли участие донские казаки и калмыки, входящие в состав 18 полков. Затем количество донских полков на этом театре военных действий было увеличено до 32. В их составе насчитывалось 20 тыс. казаков (в том числе до 600 калмыков). Эти донские полки во главе с походными атаманами бригадирами В. П. Орловым и М. И. Платовым, Ф. П. Денисовым и И. Исаевым в составе российской армии участвовали в штурме и взятии крепостей Очаков, Паланка, Аккерман, Исакча, Измаил, а также в разгроме турок при Мачине.

В русско-шведской войне 1788–1790 гг. участвовали два донских полка (Леонова и Поздеева), в которых также служили калмыки. В боевых действиях на территории Польши в 1792–1794 гг. в составе российских войск были задействованы 18 донских полков общей численностью до 10 тыс. казаков (в том числе свыше 400 калмыков).

Всего, по мнению К. Н. Максимова, донские калмыки с 1722 г. по 1798 г. участвовали в 108 походах.

К началу XIX в. численность служивых донских калмыков достигла 2 тысяч человек, но, как и прежде, они продолжали нести службу в составе донских казачьих частей. Офицер Генерального штаба Н. Краснов писал, что *«собственно из калмыков никогда не составляются целые полки, а командуются они на службу обыкновенно частями в составе донских полков»*. В истории донского казачества начало XIX в. характеризуется расцветом его воинской славы под руководством атамана М. И. Платова. Калмыки в составе донских полков принимали участие в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., русско-шведской войне 1808–1809 гг., русско-персидской войне 1804–1813 гг., во всех наполеоновских войнах, несли кордонную и пограничную службу буквально от Белого моря и до Черного.

За мужество и героизм в боях с французами донские казачьи полки первыми из иррегулярных войск стали получать награды наравне с регулярными частями. В 1805 г. за отличие в Шенграбенском сражении казачьи полки Сысоева и Ханжонкова были награждены Георгиевскими знаменами. В ходе наполеоновских войн выдвинулась целая плеяда прославленных донских командиров, в том числе калмык-казак Василий Алексеевич Сысоев 3-й. В его боевой биографии значатся сражения *«со шведами, поляками, турками, французами, кавказскими горцами»*. За более чем 30 лет службы Сысоев 3-й попеременно командовал 14 донскими полками. В кампании 1812 г. его подчиненные пленными взяли 52 офицера и более 600 рядовых, захватили 101 орудие и 8 знамен. Сысоев 3-й был награжден несколькими орденами, в том числе — Св. Георгия 4-й и 3-й степеней, дослужился до звания генерал-лейтенанта (III класс «Табели о рангах») и должности походного атамана войска Донского (в 1826–1828 гг. являлся командующим Черноморского (будущего Кубанского) войска).

К началу Отечественной войны 1812 г., по подсчетам К. П. Шоунова, в составе трех Западных армий числилось более 800 калмыков-казаков: 300 — в составе казачьего корпуса генерала М. И. Платова (Белостокщина), 300 — в составе отряда генерала Н. В. Иловайского 5-го (в районе Брест-Литовска), 200 — в составе 3-й Западной

армии (Волынь). Общее количество донских калмыков в составе действующей армии даже превысило количество астраханских калмыков, участвовавших в Отечественной войне 1812 г. Донские калмыки-казаки отличились во многих сражениях: под Миром, у Романово, под Могилевом, Смоленском, Тарутино, Лейпцигом, у Фер-Шампенуаза и др.; прекрасно показали себя в партизанской войне.

После поражения Наполеона донские калмыки продолжали нести кордонную и пограничную службу в составе казачьих полков, участвовали в Кавказской войне 1817–1864 гг., русско-персидской войне 1826–1828 гг., русско-турецкой войне 1828–1829 гг., Крымской войне 1853–1856 гг. В XIX в. казацьи войска все больше начинают обретать черты регулярных войск. Во второй половине XIX в. в составе русской армии в мирный период времени числилось 19 Донских казачьих полков, причем два Донских казачьих полка и конная батарея вошли в состав императорской лейб-гвардии. Калмыки-казаки по-прежнему несли службу в составе различных донских частей, в том числе в составе лейб-гвардии Атаманского полка и артиллерии. Когда Донским полкам стали присваивать почетные наименования, 2-му Донскому казачьему полку 26 августа 1904 г. присвоили имя калмыка-генерала В. А. Сысоева.

22 сентября 1798 г. Павел I все казачьи офицерские чины Войска Донского окончательно приравнял к общеармейским: казачьего полковника — к армейскому полковнику, войсковой старшина стал называться майором и мог быть произведен в подполковники, есаул сравнился с ротмистром, сотник — с поручиком, хорунжий — с корнетом. Все казачьи офицеры и чиновники присутственных мест в соответствии с «Табелью о рангах» получили возможность приобретать статус потомственных дворян. Калмыки-казаки, имевшие офицерские чины, получили возможность пользоваться этим правом лишь с 40-х годов XIX в. В 1801 г. всех военнотружущих казаков, в том числе и служилых калмыков, одели в новую однообразную форму одежды, приобретаемую за свой счет. Вместо различных зипунов и азиатских платьев вводились куртки и чекмени, шаровары с алыми лампасами. Калмык-казак должен был носить военный мундир обыкновенного казачьего покроя, надлежащее вооружение

(два пистолета, саблю, пику) и иметь строевую лошадь. Все это приобреталось за свой счет.

В ходе наполеоновских войн российская кавалерия достигла своего апогея. В этих сражениях прославились и донские казаки, которые изменили представление о себе, как о нестройных и диких ордах всадников, и добились, что их стали воспринимать как сильную конницу, способную на равных сражаться с любой кавалерией в мире.

К началу войны третьей коалиции (1805 г.) в составе российской армии было 32 донских казачьих полка. Донские калмыки были рассеяны в общей массе полков, формировать свой национальный полк им не разрешалось, хотя людей было достаточно для укомплектования даже трех полков. Война 1805 г. хорошо показала значение и важность иррегулярной конницы. Одним из факторов, приведших к поражению русско-австрийских войск, стала нехватка легкой кавалерии: из иррегулярной конницы в Австрии сражалось всего 10 донских казачьих полков. В результате они не смогли постоянно и точно вскрыть все передвижения войск Наполеона и направления его коммуникационных линий. Мало того, они не смогли создать плотную завесу прикрытия от разведки противника, что также сыграло свою роль в поражении третьей коалиции под Аустерлицем. Несмотря на немногочисленность, донские полки достойно показали в этой кампании, многие отличились. Два донских полка впервые в истории получили Георгиевские знамена, в том числе полк А. Г. Сысоева 1-го — выходца из калмыцкого рода.

Эта ошибка была учтена. Поэтому в новой войне, к которой Россия сразу стала готовиться, количество иррегулярных полков увеличилось. В кампании 1806 г. в составе российской армии было уже 14 донских полков (в том числе 8 — в казачьем корпусе М. И. Платова). Кроме того, в армию было вызвано еще 14 донских полков и большое количество других иррегулярных полков. По данным К. Н. Максимова, на тот момент в Донском войске числилось более 46 тыс. казаков, в том числе 1,4 тыс. калмыков. Из них 1064 калмыка служили в строевых полках и командах (в том числе 91 — в Атаманском полку), а 368 — оставались на службе в тылу. В ходе войны четвертой коалиции (1806–1807 гг.) донские полки вновь показали себя

с наилучшей стороны. Они постоянно вели разведку, своевременно выявляя перемещения вражеских сил, закрывали конной завесой свои войска, многократно отличились в сражениях, в том числе в генеральных баталиях. В ходе одного из боев была захвачена даже походная канцелярия маршала М. Нея. В составе 28 донских казачьих полков сражались более 500 юртовых калмыков.

По окончании этой войны большая часть донских полков была переброшена на Дунай, где разгорелась новая война с турками (1806–1812 гг.). В составе 14 донских полков под командованием М. И. Платова общей численностью почти 8 тыс. чел. служило до 350 калмыков. Еще четыре донских полка (включая 73 калмыка) были направлены в Финляндию, где приняли участие в войне со шведами (1808–1809 гг.). Кроме того, донские полки несли службу на Кавказской линии (8 полков), в Грузии (5 полков), Крыму (3 полка). Во всех кампаниях юртовые калмыки служили наравне с донскими казаками. По данным К. Н. Максимова, в 1808 г. в войске числилось 1767 калмыков, в 1810 г. — 1754.

К войне 1812–1814 гг. обе стороны готовились заранее. В Великой армии, направленной против России в 1812 г., были собраны войска почти со всей континентальной Европы. Кроме французских соединений, в Великой армии числились пять германских и один польский корпус (не считая отдельных дивизий и полков), итальянские дивизии, голландские, датские, швейцарские, хорватские, португальские, испанский полки. Неслучайно вторжение войск Наполеона часто именовали нашествием *«галлов с двенадцать языцы»*. Для его отражения Россия мобилизовала огромные силы, в том числе и иррегулярную конницу, включая донские полки. Из 1740 донских калмыков 1475 — находились в строевых полках на западной границе, в Крыму и на Кавказе.

В кампании 1812 г. иррегулярные полки, отличавшиеся легкостью и мобильностью, прекрасно вписались в так называемую «скифскую» стратегию, избранную командованием российской армии в начале войны. Конечно, особенно блестяще в рамках этой стратегии, иррегулярные полки показали себя при ведении «малой войны». Действуя небольшими партиями, отдельными частями или в составе летучих корпусов, иррегулярные полки приняли участие во многих операци-

ях «малой войны»: проведении разведки и прикрытии своих войск и коммуникаций, прерывании снабжения и связи, уничтожении пополнений, запасов продовольствия и фуража, нападениях на гарнизоны, отряды и даже соединения на флангах и в тылу противника. Эти, казалось бы, мелкие акции в сумме складывались в значимые операции, серьезно влияющими на исход войны. Успех в «малой войне» стал ключевым фактором для того, чтобы Великая армия, которая в первые четыре месяца войны не проиграла ни одного крупного сражения и захватила Москву, на пятом месяце проиграла кампанию и, в конечном итоге, всю войну. Помимо действий в «малой войне» иррегулярные полки принимали участие во многих баталиях вместе с регулярными частями и соединениями (в том числе во всех генеральных сражениях), в авангардных и арьергардных стычках, в кавалерийских завесах по прикрытию марш-маневров крупных объединений, осадах и блокадах крепостей и т. д.

Донские казаки и калмыки отличились уже в первых боях с французами. Во время первой победы под Миром, по подсчетам К. Н. Максимова, участвовало более 250 донских калмыков (не считая 500 воинов Ставропольского калмыцкого полка). Более 300 пленных, захваченных в бою, были отправлены в тыл под конвоем калмыков. В последующем, донские полки не раз наносили поражения вражеским частям. Множество казаков были отмечены боевыми наградами. Среди них были и калмыки: хорунжий Илья Ховаев, урядник Санчиков, казаки Кука Джиганов, Бултук Шарапов, Шарап Чурюмов, Улан Аджинов, Чурюм Еренценов и др. получили Знаки отличия Военного ордена, а урядник Сергей Сарынов был представлен к повышению в урядники.

Летом 1812 г. начался тотальный сбор ополчения на Дону, включая стариков и юношей. Аналогичный призыв был направлен и донским калмыкам: *«приставу над калмыками предписано собрать немедленно всех сотенных атаманов и с ними исчислить всех могущих носить оружие калмык, не исключая ни гелюнгов, ни гицулей, ни отставных, ни льготных, ни бедных, ни малолетков, полагая до 17-летнего возраста, кроме сущих калек, равномерно весьма дряхлых и одержимых иногда жестокими болезнями... самому с сотенными начальниками стараться всевозможно всех их вооружить, заимствуясь для неиму-*

щих один у другого оружием». В сентябре 26 собранных полков выступили с Дона. По данным К. Н. Максимова, среди 15,5 тыс. донских казаков было 1268 донских калмыков (61 служилый, 921 отставной, 286 малолеток в возрасте 19–20 лет). Всего в октябре 1812 г. в донских строевых полках и командах служило 1596 калмыков (92 %).

В ходе контрнаступления в преследовании отступающего противника большую роль сыграл корпус М. И. Платова, который двигался по параллельному маршруту с севера, не давая противнику уйти с разоренного пути. В ходе боев отличились многие казаки, в том числе В. А. Сысоев 3-й, произведенный в генералы. В полку Сысоева было 30 калмыков, в том числе Манжиков и Шиханов, отмеченные Знаками отличия Военного ордена.

В ходе Заграничного похода 1813–1814 гг. донские полки вновь были на острие удара, активно участвуя в авангардных и арьергардных стычках, в кавалерийских завесах по прикрытию марш-маневров крупных объединений, осадах и блокадах крепостей. Только по итогам весенней кампании 1813 г. Знаками отличия Военного ордена были отмечены Иван Саранцев, Кивлей Караичев, Иван Чалбан, Чурюм Эренценов и др. В период Плейвицкого перемирия в армию прибыли новые резервы с Дона — 4 казачьих полков 19-летних *«малолетков»*, в том числе 126 калмыков. Не менее громкие подвиги были совершены донскими калмыками и в боях после перемирия. Среди награжденных мы вновь видим сотника Санчикова, отличившегося в составе полка Иловайского 10-го. За отличия в «Битве народов» под Лейпцигом хорунжий Ургапов был представлен к повышению, а Ишля Лузанов и Джембо Гецуль Неминов получили ордена Св. Анны 3-го класса. Всего за отличия в войне 1812–1814 гг. 15 донских калмыков были награждены орденами Св. Анны, в том числе сотник Чукур Джамбинов. В офицерские чины были произведены Земчи Самтонов, Наджику-Самтон Гилдюнов, Нарма Гардииков, Чукур Джамбинов, Улан-Габун Гецулов и др.

Иррегулярная конница (донские, малороссийские, украинские, бугские, черноморские, оренбургские, уральские казаки, калмыки, татары, башкиры, мишари, тептяри и др.) сыграла важную роль в войне 1812–1814 гг., и донские полки внесли достойную лепту в победу

над лучшей армией того времени. Как видно, иррегулярные полки в своих действиях фактически приблизились к регулярной кавалерии, что заметно усилило их боевые качества. Однако война 1812–1814 гг. стала последней, в которой народы России столь массово формировали иррегулярные части. Усиливающееся «опруссачивание» армии, схоластичное заимствование принципов европейской военной школы, приведшие к распространению доктринёрства, не оставляли места для иррегулярной конницы. Даже казачьи войска подверглись значительным реформам, превратившим их в регулярную кавалерию. Тем не менее, донские калмыки в составе казачьих полков продолжали нести службу (в том числе пограничную) и приняли участие почти во всех войнах XIX в. Например, по подсчетам К. Н. Максимова, в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. по неполным данным участвовало 256 донских калмыков, а в Крымской войне 1853–1856 гг. — более 800 донских калмыков, русско-турецкой войне 1877–1878 гг. — до 950 донских калмыков. Ряд воинов были отмечены Георгиевскими крестами, в том числе Макар Манжиков, Габун Чурюмов, Гуче Басанов и др.

Во 2-й пол. XIX в. в российской армии началась серия реформ, проведенных под руководством военного министра Д. А. Милютин, которые также коснулись и донских казаков. Срок службы в армии был сокращен с 25 до 15 лет, а у донских казаков — до 20. Согласно Уставу о военной службе Донского казачьего войска 1875 г., служба у донцов начиналась в 18 лет. Сначала они три года (с 18 до 21 года) находились в «приготовительном разряде» и должны были приобрести коня, обмундирование и шашку, а также пройти военную подготовку на месячных сборах. В 21 год они зачислялись в «строевой разряд» и несли действительную постоянную службу в полках и командах 4 года (с 21 до 25 лет). После этого, казаки отпускались домой, но продолжали числиться в «строевом разряде», разделяясь на две очереди. Казаки «строевого разряда» 2-й очереди (от 26 до 29 лет) обязаны были являться с конем и оружием на сборы ежегодно, 3-й очереди — однократно (от 30 до 33 лет). В случае необходимости (ведения боевых действий) они могли вновь вызываться на действительную службу. После этого казаки переводились в «запасной разряд» (от 34 до 38 лет), после чего отпускались «на льготу» (переводились в ополчение).

Каждый мужчина в возрасте 18 лет получал из станичного запаса пай сенокоса, который менялся каждый год, и надел в 15 десятин земли (земля перераспределялась каждые 6 лет). В случае смерти мужчины надел и пай не наследовались, а возвращались в станичный запас. Исключение делалось для вдов, которым оставляли полнадела земли и полпая сенокоса. В конце XIX — начале XX в. около 50% семейств за долги по снаряжению на службу лишились своих наделов, которые сдавались в аренду ими или станицами. Только 20% хозяйств относились к числу зажиточных.

Изменена была и система набора полков. Теперь они комплектовались казаками с одной и той же территории и получили постоянные номера. Казаки 2-й и 3-й очереди в случае войны комплектовали свои полки, но их территория соответствовала полкам 1-й очереди. Каждая полковая территория в историографии получила наименование полкового звена. Из донских казаков комплектовалось 17 армейских и 2 гвардейских казачьих полка, 8 батарей, 6 отдельных сотен и 12 команд (всего 24 тыс. чел.). Калмыки Сальского округа вполне могли составить целый полк, но атаманы-великороссы были против формирования национальной части из калмыков. Сальский округ единственный на Дону не формировал свои полки, а направлял своих казаков в другие округа.

Калмыки Иловайской (Зюнгарской), Кутейниковской (Кевюдовской), Ново-Алексеевской (Гелендякинской) станиц несли службу в полках 2-го звена (1-й Донской округ): 2-м Донском казачьем генерала Сысоева, 19-м Донском казачьем и 36-м Донском казачьем полках. Калмыки Потаповской (Балдырской), Власовской (Бембдякинской), Граббевской (Цевднякинской), Эркетинской, Чунусовской, Бурульской, Беляевской станиц (а также русских Атаманской и Андреевской станиц) несли службу в полках 5-го звена (2-й Донской округ): 5-м Донском казачьем войскового атамана Власова, 22-м Донском казачьем и 39-м Донском казачьем полках. Калмыки Денисовской (Богшракинской), Платовской (Ики-Бурульской), Батлаевской станиц (а также русской Великокняжеской станицы) несли службу в полках 9-го звена (1-й Донской округ): 9-м Донском казачьем генерал-адъютанта графа Орлова-Денсова, 26-м Донском казачьем и 43-м Донском казачьем полках.

В начале русско-японской войны 1904–1905 гг. почти все Донские полки 1-го разряда находились в европейской части России. Российское командование не захотело ослаблять свои силы на этом театре, поэтому вместо того, чтобы использовать уже обученные и сколоченные части, было принято решение о мобилизации казаков 2-й очереди. 20 июля началась мобилизация 4-й Донской казачьей дивизии, состоявшей из 19, 24, 25 и 26-го Донских казачьих полков. В составе 19-го и 26-го полков на маньчжурский фронт убыли и донские калмыки-казаки. В начале октября дивизия прибыла в действующую армию и вошла в состав Западного отряда. 23 ноября (6 декабря) при реформировании войск 4-я Донская дивизия была включена во 2-ю Маньчжурскую армию.

Калмыки-казаки сражались во многих боях и операциях этого периода, в том числе в рейде на Инкоу, наступлении на Сандепу, несении охранной службы железной дороги в тылу нашей армии. За отличия в боях ряд калмыков-казаков были награждены Георгиевскими крестами 4-й степ.: из 19-го полка — Цебек Джамбинов, Бембет Иванов, Намга Авюсов, Эрдне Чапинов, Санжа Баранов, Иван Даржинов, Бадьма Шалхаков; из 26-го полка — Андрей Бадьмин, Саран Пацынов, Басан Амарханов, Солом Сухаринов, Батыр Манунинов, Эрдне Чунков, Батыр Харкубенев, Эрдне Кумонов, Чонкуш Алцадыков. Казак 26-го Донского Бадма Шаргинов был отмечен двумя Георгиевскими крестами и Георгиевской медалью, казак Баклан Янжинов — двумя Георгиевскими крестами. В ходе войны дивизия потеряла убитыми 57 чел. (в том числе 3 калмыка), ранеными 189 чел. (10 калмыков). В 1912 г. в память о воинах-калмыках, погибших и умерших от ран в «японскую», были установлены мемориальные плиты в станицах Платовской, Денисовской, Иловайской и Кутейниковской.

С 1909 г. срок службы сократился до 18 лет за счет «приготовительного» разряда.

Гораздо более активное участие донские калмыки-казаки приняли в Первой мировой войне. Всего в период войны было сформировано и воевало 60 донских казачьих полков, не считая отдельных и особых сотен. В ходе боевых действий были мобилизованы практически все казаки «строевого» и «запасного» разрядов, даже начали привлекать

отставных более старших поколений. Всего было мобилизовано более 80 тыс. донских казаков (в том числе 3120 калмыков-казаков по данным К. Н. Максимова). Описывать их участие в боях Первой мировой крайне сложно, поскольку донские части участвовали практически во всех операциях и сражениях. Первым из донских калмыков к Георгиевскому кресту 4-й степ. был представлен казак Александр Абушинов из лейб-гвардии Атаманского полка, отличившийся уже 4 августа 1914 г. В числе донских калмыков, отмеченных боевыми наградами, можно выделить ряд «полных» георгиевских кавалеров (т. е. награжденных Георгиевскими крестами всех 4 степеней) — Церена Джувинова, Леонида Анбушинова, Санжу Дентелинова, Авэ Настина, Даржу Буринова, Василия Урхусова, Гулера Нарминова и др. Тремя Георгиевскими крестами были награждены Савелий Архаков, Санжа Илишкин, Андрей Шарапов и др. Среди донских калмыков было 17 офицеров, в том числе полковник Батыр Мангатов, войсковой старшина Николай Мангатов, есаул Азман Батырев, подесаул Гавриил Тепкин, сотник Эренжен Докугинов и др., отмеченные многочисленными боевыми наградами, в том числе Георгиевским оружием, орденами Владимира 4-й степ., Анны 3-й и 4-й степ. и т. д.

Донские калмыки-казаки несли военную службу еще с конца XVII в. и достойно показали себя в войнах Российской империи вплоть до 1917 г.

Вопросы к параграфу 1.4.

1. Сколько калмыцких полков было в составе донского казачества до 1917 г.?

2. Сколько донских калмыков-казаков стало полными Георгиевскими кавалерами в ходе наполеоновских войн?

3. В каких войнах Российской империи XVIII–XIX вв. не участвовали донские калмыки?

Глава 2.

Ставропольские, оренбургские и уральские калмыки

§ 2.1. Переселение калмыков в среднее Поволжье и Поуралье. Образование Ставропольского калмыцкого войска.

В основе процессов, приведших к возникновению города Ставрополь-на-Волге (ныне г. Тольятти) и Ставропольского калмыцкого войска, лежали два процесса. Первый был связан с политикой Российской империи по христианизации инородцев, второй — с междоусобной борьбой внутри Калмыцкого ханства в 1720-х — 1730-х гг.

В XVI–XIX вв. территория России многократно увеличилась в результате присоединения вновь завоеванных территорий, в основном, в Азии. В большинстве случаев основным средством для аккультурации народов, проживающих на вновь присоединенных территориях, и их интеграции в российское общество являлась политика христианизации. В тот период религия играла важную роль в жизни общества, и религиозная самоидентификация зачастую была более важной, чем национальность или гражданство. В начале XVIII в. царское правительство издало даже специальный указ о государственной поддержке выкрестов, что положило начало активной христианизации неправославных окраин Российской империи. Новокрещенные пользовались значительными льготами, помощью государства в виде различных материальных и административных ресурсов. К началу правления Екатерины II в Европейской России некрещеными большей частью оставались евреи, калмыки, татары, башкиры и ненцы. Однако политика христианизации в значительной степени затронула и эти этносы, в том числе и калмыков.

Период 20-х — начала 40-х гг. XVIII в. в истории Калмыцкого ханства характеризуется постоянными междоусобными столкновениями и борьбой за власть. Зачастую группировки и отдельные лица, потерпевшие поражение, пытались укрыться от гнева победителей, обращались за помощью к российским властям, однако последним было запрещено принимать беглецов-калмыков. Единственным выходом в данной ситуации был переход в православие, так как крещеные калмыки в правовой практике того времени выводились из-под юрисдикции калмыцких ханов и нойонов. После разорения селения «выкрестов» на Терешке крещеных калмыков стали направлять на поселение в Чугуев, но после ввода в строй в 1720 г. Царицынской укрепленной линии и формированием сильных гарнизонов в городах Нижнего Поволжья губернская администрация получила широкие возможности для контроля Калмыцкого ханства и противостояния мятежным нойонам. В результате междоусобных столкновений было разорено большое количество калмыцких хозяйств. В 1735 г. в приволжских улусах половина кибиток классифицировались как «скудные и бесскотные». Под защиту поволжских гарнизонов (Астрахань, Царицын, Дмитриевск, Саратов) калмыки стали уходить семьями, аймаками и даже улусами. Многих из них принуждали принять крещение.

Уже в 1728 г. в Царицыне, Дмитриевске (Камышине) и Саратове значилось 278 семей калмыков, причем почти все они были крещеными (за исключением нескольких дербетов из улуса Лабан-Дондука). После битвы у озера Сасыколь и ухода Дондук-Омбо на Кубань численность беженцев-калмыков в этих трех городах к 1734 г. достигла 589 семей. В Астрахани крещеных калмыков было еще больше: на 1734 г. значилось 863 семьи. К середине 30-х годов XVIII в. во всех городах Астраханской губернии было уже 1446 семей (5282 человека) крещеных калмыков. Астраханские губернаторы и чиновники неоднократно обращались в Коллегию иностранных дел с предложениями ввиду «...неполезности в тамошних пограничных местах содержать крещеных калмык» переселить выкрестов в отдаленный от кочевий район.

Среди крещеных оказался и нойон Баксадай-Дорджи (внук Аюки-хана), который активно участвовал в междоусобицах 1720-х —

1730-х гг. и сыграл важную роль в появлении Ставропольского поселения и калмыцкого войска на средней Волге. Баксадай-Дорджи являлся сыном Чагдорджаба — наследника Аюки-хана. Однако калмыцкий хан пережил своего старшего сына: в 1722 г. наследник умер, так и не дождавшись ханского престола. На место наследника стал претендовать старший законный сын Чагдорджаба — нойон Досанг, которого поддержали единоутробные братья от старшей жены Джал, включая Баксадай-Дорджи. Однако все остальные группировки нойонов, включая единокровных братьев от других жен умершего наследника, дед Аюка и местные российские власти выступили против Досанга. В результате возникшей междоусобицы наследник Чагдорджаба потерпел жестокое поражение. Стремясь добиться поддержки от властей, Досанг даже убил своего брата Нитар-Дорджи, который враждебно относился к российским чиновникам, а Баксадай-Дорджи в 1724 г. решил креститься. Для российского правительства крещение ханского внука имело особое значение. Его восприемником стал сам император Петр I. Баксадай-Дорджи принял имя Петра Петровича Тайшина, и ему назначили ежегодное жалование в 1 тыс. рублей и 500 четвертей ржи. Также были крещены 7 зайсангов из его свиты. Их восприемниками стали ближайшие царские сановники (А. Д. Меньшиков, канцлер Г. И. Головкин и др.).

Вскоре Досанг умер, и новым лидером этой группировки стал Петр Тайшин, которого российские власти именовали князем. Однако отказ от дедовской веры не помог властолюбивому нойону, так как многие калмыки-буддисты из-за этого отвернулись от него. Российские власти с недоверием относились к Тайшину, справедливо полагая, что нойон принял крещение по политическим мотивам, так как он не показывал религиозного рвения к православной вере, но при этом участвовал почти во всех междоусобицах в ханстве. В 1731 г. нойон Дондук-Омбо (внук Аюки от сына Гунджаба) поднял мятеж против наместника Калмыцкого ханства Церен-Дондука. Тайшин выступил на стороне мятежников, но был разбит и вскоре сдался российским властям. Однако Дондук-Омбо увел свои и захваченные улусы на Кубань, в пределы Крымского ханства. Постепенно на сторону мятежника стали переходить другие калмыцкие улусы, и к 1735 г. большая часть калмыков оказалась под контролем Дондук-Омбо.

В преддверии русско-турецкой войны правительство Анны Иоанновны, сильно нуждавшееся в калмыцкой коннице, пообещало мятежному нойону ханский престол. Дондук-Омбо согласился вернуться, но одним из условий его возвращения являлась передача крещеных калмыков под управление П. Тайшина. Российские власти вынуждены были согласиться, но хорошо понимали, что возвращение крещеных калмыков в степь обернется их возвращением в буддизм, поэтому затягивали реализацию своего обещания. Астраханская епархия констатировала, что в период стабилизации политической ситуации в правление Дондук-Омбо начался процесс перехода калмыков обратно из православия в буддизм. К 1737 г. отцовскую веру вновь приняли 1594 калмыка (532 кибитки) из улусов Петра Тайшина, Чидана (сына Досанга) и Дондук-Даши (сына Чагдорджаба от жены Габиль).

В этих условиях Тайшин, только недавно освобожденный из-под ареста и за это время фактически лишившийся родового улуса, в 1736 г. обратился к правительству с предложением передать ему крещеных калмыков и поселить их в особом городке на р. Иловля. Однако российские власти решили поселить крещеных калмыков в еще более отдаленную от ханства местность. После долгих обсуждений для поселения крещеных калмыков была избрана местность внутри Закамской укрепленной линии, в среднем Поволжье.

В урочище Кунья Воложка на левом берегу Волги построили крепость, которая 14 мая 1739 г. получила наименование Ставрополь («Святой Крест» в переводе с греческого). В крепости построили 20 лавок для русских купцов, а солдат гарнизона обязали обучать калмыков хлебопашеству. Строительство и содержание кабаков строго запрещалось. Гарнизонам руководил комендант, который помимо прочих обязанностей должен был приглядывать за калмыцкими владельцами. Крещеные калмыки расселились в радиусе 25–100 км к западу, северу и востоку от этой крепости в междуречье Черемшана и Сока (притоков Волги). На этой территории специально нанятые крестьяне построили новые селения для калмыков: Гвардейская слобода (Преображенское), Воскресенская (Ягодное), Благовещенская (Сускань), Богоявленская (Курумочь), Предтеченская (Красное поселение), Калмыцкая Сахча (Верхнее Якушкино) и др.

Здесь было создано особое автономное административно-территориальное образование под управлением П. Тайшина, однако в 1736 г. он умер, не дождавшись этого указа, принятого 7 апреля 1737 г. Новой владелицей переселяющихся калмыков 20 июня 1737 г. стала вдова Тайшина — Церен-Янжи (в крещении Анна Тайшина, ее восприемниками стали императрица Анна I и вице-канцлер граф А. И. Остерман), которая возводилась в княжеское достоинство. Княгиня Тайшина получила землю для строительства крепости и жалование — 500 рублей и 500 четвертей (97,8 т) муки в год.

Весной 1738 г. в этом районе появились первые калмыцкие поселенцы — 630 кибиток (2104 человека). Все переселенцы-калмыки в возрасте от 7 лет и выше получали единовременную помощь: по 5 рублей, 8 пудов (более 130 кг) муки и 1 пуд крупы. Каждая семья получала сенокосный участок в расчете на 100 копен, земельный надел в 20 четвертей пахотной земли (стандартный надел рядовых местной ландмилиции), по 450 квадратных сажений усадебного участка для огородов и под гумно, а также лесной надел. Предполагалось, что ставропольские калмыки, как и казаки других войск, будут содержать себя за счет полученной земли. Однако новые поселенцы являлись скотоводами и не имели опыта земледелия. К тому же они, как правило, были набраны из числа беженцев и находились в тяжелом экономическом положении. Астраханский обер-комендант Юнгер, собирая крещеных калмыков для отправки в Ставрополь-на-Волге, предупреждал Сенат, что им *«сухим путем кочевать не на чем»*. Из 630 кибиток первых переселенцев *«не менее 400 кибиток было убогими»*. Поэтому калмыкам обоего пола старше семи лет стали ежемесячно выдавать по четверику (около 1 пуда) муки и по гарнцу (примерно 4 кг) круп. Ставропольским калмыкам было предоставлено право беспошлинной торговли лошадьми, скотом и другими товарами. На отведенной территории они могли заниматься охотой и рыболовством. В 1739 г. царская администрация решила, *«покаместь они пашнями удовольствуются, хлебом заведутся»*, выдавать на поддержку беднейшим калмыкам дополнительные ассигнования — 500 рублей в год, которые должны были поступать из излишков бюджетов соседних городов. Однако кочевники не желали отказываться

от привычного образа жизни и заниматься хлебопашеством. Весной 1740 г. было засеяно всего 11 полей (рожью и просом) общей площадью около 100 десятин (менее 110 га), причем только на наделах зайсангов. Значительная часть наделов рядовых калмыков сдавалась в аренду за бесценок.

Хотя ставропольские калмыки изначально формально казачьим войском не являлись, они сразу получили войсковую администрацию и структуру. Их разделили на несколько подразделений, которые первоначально планировалось назвать укоренившимся в казачьих войсках термином — сотнями. Однако их командиры именовались ротмистрами, поэтому за этими подразделениями закрепилось наименование рота. Для общего управления калмыками была создана администрация, члены которой получили казачьи чины: войсковой полковник, войсковой есаул, войсковой писарь. При этом все чины, включая княгиню, получали казенное жалование.

Первоначально нойонов-аристократов среди ставропольских калмыков не было, за исключением П. Тайшина. Поэтому в начале все командные посты заняли представители элиты более низкого ранга — зайсанги (управители аймаков — родов). Однако после мятежа ханши Джан в 1741 г. количество беженцев, переселяющихся к ставропольцам, заметно увеличилось. Среди них были и нойоны, которым при крещении получали фамилии в основном по их субэтнической принадлежности: Торгоутские, Дербетевы, Хошеутовы. Детей у четы Тайшиных не было, и княгиня избрала своим наследником единственного близкого родственника мужа, уцелевшего в междоусобицах: нойона Бунчепа — внука Досанга (старшего брата П. Тайшина) и праправнука Аюки-хана. Бунчеп был крещен как Петр Торгоутский и после смерти княгини Тайшиной в 1742 г. готовился стать новым владельцем ставропольских калмыков, однако умер вскоре после прибытия в Ставрополь. После смерти Торгоутского управление передали совету *«из лучших владельцев и зайсангов»* во главе с Никитой Дербетевым (Чиданом). Жалование для нойона и помощь для беднейших калмыков выплачивать перестали.

Тем временем в Ставропольскую крепость продолжали переходить новые группы крещеных поселенцев. В 1741 г. Елизавета I

в связи с восшествием на императорский престол объявила амнистию всем калмыкам, которые после крещения в правление Дондук-Омбо бежали из городов и вернулись в свои кочевья. После разгрома Галдан-Данжина (сына Аюки-хана) и поражения Джан (вдовы Дондук-Омбо) в 1741 г. число беженцев из калмыцких улусов выросло. В 1742 г. в Ставрополь прибыл нойон Тундат (прапраправнук Шукур-Дайчина), который при крещении также получил имя Петра Торгоутского. Небольшой улус его прадеда Мелюша, разделенный между 9 сыновьями и бесчисленными внуками, рассеялся, поэтому Тундат был уже безулусным нойоном. Через 2 года в Ставрополь прибыли с небольшими улусами (200 и 100 кибиток) его старший брат Аюши (в крещении Павел Торгоутский) и их отец Баранг (четвероюродный брат хана Дондук-Омбо), умерший вскоре после прибытия. Есть сведения о том, что в Ставрополе был крещен и брат Баранга — Джал, но следов его службы в войске найти не удалось. В том же 1744 г. в Ставрополе были крещены дети еще одного торгоутского безулусного нойона Ванчук-Дорджи (умершего по дороге в Москву) — Дамба и Цеveg (пятыюродные братья хана Дондук-Омбо). Старший из них в крещении получил имя Петр, но фамилию взял не Торгоутский, а по имени отца — Анчуков. В 1745 г. был крещен родной брат Анны Тайшиной — дербетский нойон Чидан, получивший в крещении имя Никиты Дербетева.

Следует заметить, что эти нойоны не были столь влиятельны, как Тайшин и Бунчеп, но в силу своего происхождения они считались аристократией, «белой костью». Поэтому для них подчинение зайсангам, относившимся, как и простолюдины, к «черной кости», являлось серьезным ущемлением чести. Для сословной Российской империи этот фактор был немаловажным, поэтому для нойонов пришлось изобретать новые должности с более высокими окладами. Петр Торгоутский, крещенный ранее других, был назначен войсковым судьей, а его старший брат Павел — надзирателем улусов. Никита Дербетев являлся все же улусным (пусть даже и мелким) нойоном, поэтому он получил «первенство» над другими нойонами и зайсангом полковником Кириллом Шарапом. Для него была придумана должность «первенствующего» члена войскового суда.

Следует заметить, что нойоны и зайсанги прибывали, как правило, не в одиночку, а со своими подвластными. По данным П. И. Рычкова в период с 1741 по 1747 гг. в Ставропольское войско прибыли следующие группы калмыков: в 1741 г. — 100 кибиток из Астрахани с войсковым писарем зайсангом Ильей Кашкой (Хашхой); в 1743 г. — 200 кибиток, кочевавших в Кизляре, с поручиком Ярцевым; в 1744 г. — 100 кибиток нойона Артемия Торгоутского из Астрахани и 200 кибиток нойона Павла Торгоутского из Астрахани и Красного Яра; в 1745 г. — 78 кибиток из Астрахани с зайсангом Иваном Аджей, 300 кибиток — из Уральска с войсковым писарем зайсангом Ильей Кашкой, 150 кибиток из Черкаска с нойоном Никитой Дербетевым, 150 кибиток — с нойоном Андреяном Хошоутовым; в 1747 г. — 15 кибиток с зайсангом Балдой Ишимовым (умер вскоре после прибытия в Ставрополь и не успел получить православное имя). В результате этого численность ставропольских калмыков к 1745 г. выросла уже до 4283 чел., к 1750 г. — до 5531, к 1754 г. — до 8695 чел.

В 1744 г. была учреждена Оренбургская губерния. Губернатор И. И. Неплюев предложил создать из ставропольских калмыков казачье войско, обязанное нести военную и пограничную службы, и разработал соответствующие штаты. Коллегия иностранных дел, которая явно тяготилась управлением этой группой, согласилась передать контроль новому губернатору. В феврале 1745 г. Сенат утвердил проект Неплюева, правда, официально наименование Ставропольского калмыцкого войска присвоили лишь в 1756 г. При этом ставропольских калмыков перевели *«под присмотр коменданта»* Ставропольской крепости. Комендант должен был осуществлять надзор над соблюдением калмыками церковных обрядов и бороться с тайным исповеданием буддизма, следить за обоседлением калмыков (чтобы они обзаводились домами и овладевали земледелием). Без письменного разрешения коменданта калмыки не могли выходить за пределы войсковой территории.

Войсковая администрация была объединена в Калмыцкий войсковой суд из 9 членов: «градский командир» — комендант Ставрополя на правах генерального старшины (единственный член суда, назначаемый не из калмыков), первенствующий член (владелец), войсковой

полковник, войсковой судья, надзиратель над улусами, войсковой есаул, войсковой писарь, квартирмейстер и войсковой хорунжий. Решения суда принимались коллегиально, велись по *«древним калмыцким обычаям»* и могли быть обжалованы в оренбургской канцелярии. При коменданте была учреждена канцелярия, состоявшая из секретаря, канцеляриста, 3 копиистов, 2 толмачей и 2 сторожей. Сверх указанного штата содержались лекарь и комиссар по торговым делам.

Простолюдины, получившие статус казаков, были освобождены от податей своим владельцам и распределены по 8 ротам: Ягодинской, Сусканской, Авралинской, Курумчинской, Красноярской, Предтеченской, Преображенской и Теневской. В них были учреждены штатные командные должности: ротмистры, хорунжие, есаулы и урядники, получавшие в отличие от рядовых казаков постоянное жалование: ротмистры — 30, хорунжие — 12, есаулы — 10, урядники — 7 рублей в год. Для сравнения войсковой полковник получал жалование 100 рублей в год. При этом командиров офицерских рангов (ротмистры, ротные хорунжие и есаулы) предписывалось набирать из зайсангов. Однако те зайсанги, которые не назначались на командные посты, лишались постоянного жалования и обязаны были *«довольствоваться... своею экономиею»*.

Рядовые калмыки-казаки были обязаны нести службу подобно казакам в определенные периоды посменно, за что получали жалование в период командировок и имели право на земельные и иные угодья. В период командировок им полагалось выдавать провиант и содержание в размере 50 коп. в месяц. При этом, отправляясь на службу, каждый из них обязан был иметь по две лошади, свое вооружение и обмундирование. На деле они получали один рубль в год жалования и четвертак (около 26 кг) муки на провиант. Согласно Положению 1745 г., рядовые калмыки получали наделы по 20 четвертей земли, войсковой писарь — 50, ротные старшины — 80, войсковые старшины — 100. Зайсанги по этому указу получали наделы вдвое больше, чем простолюдины, а нойоны — в 4 раза больше. На командные посты назначали, как правило, нойонов и зайсангов.

С этого времени ставропольские калмыки стали нести казачью службу, в первую очередь, пограничную. Многие ставропольские

калмыки при переселении не имели скота и имущества, поэтому служба на линии была для них тяжелой повинностью. По Положению 1745 г. албан (подать) взимать запрещалось, ставропольские калмыки-простолюдины считались не во владении, а в ведении зайсангов и владельцев, но представители светской аристократии продолжали взимать подати и назначать повинности рядовым калмыкам, причем последние, следуя нормам обычного права, выполняли их. Войсковая администрация, как правило, перекладывала вопросы вооружения и снабжения непосредственно на командиров. В результате первый набор калмыков на Оренбургскую линию в 1744 г. был сорван из-за отсутствия необходимого количества лошадей. В последующем ситуация со снаряжением калмыков на линию наладилась.

Каждый год на крепости и форпосты Оренбургской линии направлялся специальный наряд: сначала из 3 сотен калмыков, затем он был увеличен до 5 сотен. В случае необходимости наряд на линию мог быть удвоен (1000 казаков и 20 командиров), например, так было в 1769, 1770 и 1772 гг. После восстания Пугачева и сокращения численности ставропольцев наряд на границу, возобновленный в 1779 г., уменьшился до 2 сотен, однако вскоре вновь вырос до 5 сотен. С 1800 г. из-за сокращения численности ставропольских калмыков наряд на Оренбургскую линию был уменьшен до 4 сотен, а в период войны 1812–1814 гг. (когда половина войска сражалась с французами) — до 2 сотен. В 1788–1801 гг. ставропольские калмыки также направляли по одной полусотне на год на Деркульскую линию в Слободской Украине. Известно также, что в 1805 г. и 1808–1810 гг. ставропольские калмыки направлялись в командировку в Уральск.

Кроме того, по приказу военного ведомства ставропольские калмыки формировали дополнительные контингенты, которые участвовали:

а) в боевых действиях против внешних врагов Российской империи (об этом подробнее будет рассказано в параграфе 2.4);

б) в подавлении восстаний населения Российской империи, например, башкир (полк из 5 сотен в 1755 г.), крепостных крестьян Сибирского уезда (сотня в 1762 г.), яицких казаков (команда из 6 сотен в 1772 г.), Е. И. Пугачева (20 сотен — почти все войско в 1773–1775 гг.);

в) в несении полицейской службы. Например, в нач. XIX в. команды из 200 рядовых с соответствующим количеством командиров направлялись на Макарьевскую ярмарку. В течение почти всей службы войска небольшие группы калмыков неоднократно направлялись в Симбирский, Пензенский, Самарский и Ставропольский уезды для поиска разбойников, «поджигателей» или успокоения крестьян.

До пугачевского восстания при новых назначениях командного состава Ставропольского войска знатные калмыки имели явный приоритет, невзирая на явные недостатки. Например, в 1761 г. после смерти войскового полковника Павла Торгоутского его малолетних детей зачислили в командный состав: старшего 15-летнего Якова сразу произвели в ротмистры, а младшего 9-летнего Ивана направили сначала учеником в войсковую школу с выплатой жалования, а в 16 лет произвели в хорунжие, хотя войсковая канцелярия считала его «недостойным» для производства в следующий чин, не говоря уже о хорунжии.

До 1760-х гг. численность ставропольцев росла, в первую очередь, за счет калмыков, принявших крещение.

В 1755 г. цинская армия захватила Джунгарское ханство, а восстание ойратов под руководством Амурсаны в 1756–1757 гг. было жестоко подавлено. Гуманитарная катастрофа усилилась болезнями. Тактика «выжженной земли» и массовая резня спровоцировали голод, который привел к гибели еще большего количества ойратов. По донесениям некоторых чиновников из Западной Сибири из каждых 5 тысяч жителей, захваченных китайцами, 4 тысячи умерли от голода. По мнению некоторых китайских историков, в результате завоевания Джунгарии погибло 70% жителей завоеванных земель, около 20% — удалось бежать за границу. Огромное количество беженцев оказалось в плену у киргизов и казахов. Многие «*зенгорцы*» (джунгары), урянхайцы, киргизы, алтайцы, телеуты, бухарцы и др., откочевав на территорию соседних государств, обратились с просьбами о принятии их в подданство.

В крепостях Сибирской губернии большие группы беженцев появились еще до восстания Амурсаны. 9 марта 1756 г. группа из 12 зайсангов во главе с Омбо обратилась с просьбой о принятии россий-

ского подданства, обещая выставлять на службу до 2 тыс. воинов. Осенью 1756 г. в крепостях и на форпостах только Кузнецкой линии числилось 1877 выходцев из Джунгарии, *«не считая тех, кто склонился у Телецкого озера»*. В крепостях и форпостах Кольванской линии на 16 августа 1756 г. числилось 3689 «джунгарцев» с 23 верблюдами, 6982 лошадьми, 1204 головами КРС, 1664 овцами. На самом деле их было намного больше. Тобольский губернатор В. А. Мятлев доносил в Коллегию иностранных дел, что на крепостях и форпостах Кольванской и Кузнецкой линий, а также Усть-Каменогорской крепости значилось 7011 беженцев из Джунгарии, в том числе 2430 *«зенгорцев»*, 2100 урянхайцев, 1426 телеутов, 836 бухарцев. Однако местные офицеры во главе с полковником Детарингом и адъютантом Кочергиным, вымогая у беженцев взятки, отпустили более половины «калмыков», записав их в ведомостях как сбежавших. Многие беженцы, которым нечего было предложить комендантам, умерли с голоду. Их скот, содержавшийся в крепостях, погиб от бескормицы.

Правительство разрешило принимать беженцев в русское подданство, но при условии, что они будут переходить в православие. Тех ойратов, которых не удалось принудить к крещению, отправили в приволжские улусы, к Дондук-Даши. В числе последних были отряды Шеаренга (около 10 тыс. чел.), с боем вырвавшегося из Джунгарии, и вдовы Амурсаны. Всех ойратов, которых удалось крестить, отправили на поселение в Ставрополь. 11 сентября 1757 г. оренбургский губернатор И.И. Неплюев сообщил, что *«из следующих к Оренбургу зюнгорцев»* в пути умерло 557 человек, еще 208 — больные. Непривычная пища, недостаток теплой одежды и одеял, *«весма тяжелый воздух»* в зданиях крепостей Тарской и Иртышской линий, в которых содержались крещенные переселенцы при переходе из Сибири в Оренбург, стали причинами высокой смертности. Тем не менее, 2961 человек добрался до места поселения и вошел в состав Ставропольского войска.

Из них было сформировано еще 3 роты: Кобельманская (при устье р. Большая Кобельная и по р. Кондурча), Чекалинская (по реке Сок между Сергеевском и Елшанкой при урочище Чекалине), Раковская (по реке Сок между Красноярской крепостью и с. Чесноковка, возле

речки Раковка). Теперь калмыцких рот стало 11. Среди джунгаров было выявлено 50 знатных мужчин: 11 нойонов с 12 родственниками, 14 зайсангов с 13 родственниками. Все нойоны получили командные должности в новых ротах, в том числе двое сверх комплекта, а их родственникам и зайсангам, оказавшимся за штатом, установили кормовые выплаты (нойонам по 10 копеек в день, их детям и братьям — по 5 копеек, зайсангам — по 3 копейки). Для джунгаров учредили должность второго войскового хорунжего (которую занял Матвей Дондук), а нойон Норбо-Данжин (двоюродный брат Амурсаны — лидера антикитайского восстания в Джунгарии) стал войсковым судьей. Ставропольское войско было переименовано в корпус.

К 1759 г. общая численность ставропольских калмыков составила более 11,5 тыс. человек. Однако многим кочевникам не понравились условия жизни на новом месте. Они не желали менять привычный образ жизни и переходить на оседлость. К тому времени положение в Калмыцком ханстве в период правления хана Дондук-Даши (единокровного брата П. Тайшина и двоюродного брата хана Дондук-Омбо) стабилизировалось, а тяготы казачьей службы и особенности нового быта (переход на оседлость и наказания за тайное исповедание буддизма) оказались весьма тяжелы. Еще в 1740-х гг. начались побегі ставропольцев, причем в случае успеха добиться их выдачи из улусов было невозможно. Для противодействия побегам вводились круговая порука и строжайший контроль над ставропольцами, по р. Самаре устанавливались форпосты и т.д. Несмотря на это, побегі продолжались. 9 февраля 1764 г. астраханский губернатор Н.А. Бекетов сообщил императрице Екатерине II о том, что до тысячи семей крещеных калмыков бежали из ставропольского поселения, и предложил оставить им свободу выбора. Но побегі продолжались и позже. Например, только в апреле 1767 г. из состава корпуса сбежали 63 калмыка-казака, причем 19 из них с семьями. За семейными калмыками отправили в погоню 28 казаков, но после ожесточенной стычки последние вернулись ни с чем. Кроме того, сокращение численности Ставропольского войска произошло и за счет перевода нескольких сотен калмыков в Оренбургский корпус. По данным войсковой канцелярии на декабрь 1768 г. значилось 8217 калмыков, в том числе

2219 джунгарских. Однако после ликвидации Калмыцкого ханства, когда нижневолжские улусы оказались под строгим контролем, победы ставропольцев прекратились.

Ставропольские калмыки продолжали заниматься кочевым скотоводством и не проявляли интереса к земледелию, хотя полученные огромные наделы могли превратить корпус в богатейшее из всех нерегулярных войск того периода. Оренбургский губернатор князь А.А. Путятин в 1768 г. писал «...калмыки от природы к земледельству не привыкшие да и ныне к тому мало охоты имеют, а большие прилежат к размножению скота и торгов чем себя и содержат». Немалый доход в калмыцкую войсковую казну могла дать продажа вина, которую с 1746 г. стали отдавать на откуп. В 1746–1749 гг. откупная сумма составляла 450 руб. в год. С 1749 г. доход от откупа вина достиг уже 1200 руб., но с 1751 г. по инициативе И.И. Неплюева Сенат взял продажу вина в казенное ведомство, выплачивая ставропольским калмыкам по 500 руб. в год.

Следующей по величине группой в этом регионе были оренбургские калмыки. В сер. XVIII в. Оренбургская губерния являлась огромным и стратегически важным регионом, протянувшимся вдоль юго-восточных границ Российской империи. На ее территории проживали представители нескольких национальностей и религий, некоторые из них в тот период могли враждебно относиться к колонизационной политике России, прежде всего башкиры, неоднократно поднимавшие восстания в XVII–XVIII вв. Опасения у властей вызывали приграничные кочевники, прежде всего казахи, которые хотя и присягнули формально Российской империи, продолжали осуществлять набеги на российские территории. Для контроля над этой территорией в Оренбургской губернии было построено пять крепостных линий: Самарская, Сакмарская, Уйская, Верхне- и Нижне-Яицкие. Центральным узлом всех этих коммуникаций стал город Оренбург.

Для несения службы на этих крепостных линиях и кордонах 12 июля 1748 г. Военная коллегия издала приказ о формировании Оренбургского нерегулярного корпуса общей штатной численностью 4493 чел. Большая часть корпуса состояла из самарских, алексеевских и уфимских казаков. Четверть штата составили крещеные

калмыки, татары и мещеряки. Калмыки в Оренбуржье появились незадолго до создания корпуса. 10 июня 1745 г. зайсанги Цой-Берды и Лорой-Гецюль обратились к губернатору И. И. Неплюеву с просьбой о поселении *«в верхних городках по Яику в качестве своекошных казаков»*. Они обязались нести службу в обмен на разрешение на свободную торговлю, охоту и рыболовство. Неплюев, полагая, что в случае бегства калмыков *«из этого никак убытку не будет»*, добился в Сенате разрешения на их поселение, *«в виду того, что оные крепости казаками оскудевают»*.

В 1750 г. в Ставрополь-на-Волге должна была переселиться группа крещеных знатных калмыков, в том числе крупный хошутский нойон Сербеть (сторонник ханши Джан, после битвы у Болхунов был арестован как мятежник, затем прощен и 15 марта 1743 г. крещен под именем Семен Хошеутов), войсковой старшина Иван Дербетев-младший, зайсанг Василий Дельдеш и есаул Федор Солом. Однако подчинение крупного нойона Семена Хошеутова полковнику Кириллу Шарапу (зайсангу) и судье Петру Торгоутскому (безулусному нойону) было бы ущемлением чести первого. Определенные проблемы представляла и служба братьев Иванов Дербетевых, так как в этом случае старший брат (ротмистр) должен был подчиняться младшему (войсковому старшине). Бывшая мятежница ханша Джан обратилась в Коллегию иностранных дел с просьбой об их переводе из Ставрополя в Оренбург, дабы избежать этой коллизии. Коллегия иностранных дел согласилась с этим, при этом нойона Хошеутова произвели в полковники. Местному начальству предписали сформировать специально для него 1 или 2 роты из крещеных калмыков, *«ныне тамо обретающихся»*. В 1752 г. зайсангу Федору Солому с 30 кибитками разрешили перейти в Оренбург. Губернатор Неплюев сформировал отдельную калмыцкую роту в составе Оренбургского корпуса, однако денежные оклады Сенат не утвердил, поэтому оренбургские калмыки жалования не получали, за исключением владельца (10 руб. в месяц) и зайсангов (3 руб. в месяц). К 1754 г. в составе этой роты числилось 56 кибиток (205 человек). А в ноябре 1755 г. на службу в Оренбургский корпус перешел ротмистр нойон Андрей Анчуков с 300 ставропольскими калмыками.

В 1755 г. было учреждено Оренбургское войско, в состав которого вошли Оренбургский корпус, Ставропольское и Яицкое войска, уфимские и илецкие казаки. Около 30% казаков за свою службу получали жалование (жалованные казаки), остальных обязали нести службу за полученные земельные угодья. Оренбургская войсковая канцелярия, убедившись в том, что калмыки *«...натурально люди военные и воинскому действию легчайшие»* (из рапорта губернатора И. И. Неплюева), стала добиваться переселения крещеных калмыков из Ставрополя в Оренбург, мотивируя тем, что земель для вновь прибывающих поселенцев в Среднем Поволжье не хватает, ибо ставропольские калмыки уже сейчас *«несут некоторый недостаток, и для того принуждены бывать находиться для пропитания своего в разных окольных местах»*.

До 1757 г. оренбургские калмыки проживали в примыкавшей к Оренбургу казачьей слободе Форштадт, летом кочуя вдоль городских стен, играя роль охранения от набегов казахов. В 1757 г. оренбургским калмыкам был выделен большой земельный надел в Бузулукском уезде, по рекам Гусихе, Верхнему и Нижнему Уранам, Красной и Самаре, близ Новосергиевской и Сорочинской крепостей Самарской линии. Эта группа калмыков, которых стали называть бузулукскими, состояла из 11 улусов со своей территорией. В 1765 г. по указу Сената для них было произведено генеральное межевание, по которому они получили более 196 тысяч десятин земли. Столь крупный надел позволил им сохранить полукочевой образ жизни и заниматься скотоводством, а не земледелием. В 1773 г. в числе прихожан Оренбурга значилось 226 кибиток калмыков (895 человек). В 1819 г. среди бузулукских калмыков числилось 483 мужчины, в 1836 г. — 426.

К 1771 г. в составе 10-ротного Оренбургского корпуса несли службу 150 калмыков-казаков, которые составляли примерно 2 роты, но никакого жалования не получали. В последующем они служили в 9 и 10-й ротах тысячного Оренбургского корпуса (затем полка), выставляя ежегодно свыше 170 казаков. В 1818 г. бузулукские калмыки были переданы в 5-й кантон Оренбургского войска. Некоторые командиры из калмыков занимали высокие посты в управлении корпуса, например, в 1766 г. казачьему полковнику А. Анчукову за

его 23-летнюю верную службу было присвоено армейское звание секунд-майора.

В ведомстве Оренбургской губернии находились также уральские (яицкие) калмыки. В Яицком войске калмыки несли службу еще с 20-х годов XVIII в. В конце 1724 г. полковник Захаров сообщил Военной коллегии, что в составе Яицкого войска числились 88 калмыков мужского пола, в том числе 52 — в Черемшанском форпосте, 34 — несли службу на Яике. В 1725 г. Военная коллегия разрешила приписать к войску еще 110 некрещеных калмыков, обязавшихся *«равномерную (с казаками. — У. О.) службу отправлять»*. В 1738–1739 гг. Оренбургская губернская канцелярия с разрешения астраханского губернатора Татищева причислила к Яицкому войску еще 574 калмыка, кочевавших по войсковым землям. Они несли службу без жалования и земельных угодий, но благодаря разрешению на беспошлинную торговлю *«вскоре исправилась как лошадьми, так и скотом»*. В 1746 г. в состав войска приняли еще 62 кибитки калмыков.

Помимо переселения небольших групп в Яицкое войско принимались и одиночные калмыки, бежавшие из казахского плена. В документах того периода отмечалось, что многие калмыки, *«бежавшие из Орды (казахских жузов. — У. О.) и полону на Яик для прокормления вынуждены проситься на службу»* в казачье войско, некоторые при этом крестились. 4 февраля 1736 г. Дондук-Омбо был вынужден напомнить администрации, что защита беглецов на уголовных преступников и убийц не распространяется, даже в случае их крещения. К 1748 г. численность яицких калмыков составила 470 человек. В 1749 г. наместник Калмыцкого ханства Дондук-Даши потребовал вернуть их в улусы. Войсковая администрация согласилась выдать лишь некрещеных и предложила калмыкам-казакам немедленно креститься. Однако на переход в православие дали согласие лишь 24 семьи (84 калмыка), остальные вернулись на Волгу. После этого прием некрещеных калмыков в Яицкое войско был запрещен.

Однако позже численность уральских калмыков вновь стала увеличиваться за счет новых выкрестов, в том числе выходцев из казахского плена. Дондук-Даши даже обвинил яицких казаков в том, что они насильно крестят калмыков, бежавших из казахского плена.

Уральские калмыки, в отличие от оренбургских и ставропольских, не получали ни жалования, ни земельных наделов. В обмен на несение караульной и почтовой службы, подводной повинности им, как и всем яицким казакам, давалось право на свободную беспошлинную торговлю и разрешалось заниматься охотой. Однако возможности заниматься рыболовством (основным доходом яицких казаков) были ограничены, что вызывало у калмыков недовольство.

Таким образом, к 1771 г. в Оренбургской губернии числилось около 9,5 тысячи калмыков, в основном крещеных, которые несли службу на правах казаков в различных иррегулярных корпусах, в том числе в составе 13 национальных рот.

Вопросы к параграфу 2.1.

1. Какие отчества при крещении получили Петр Тайшин и его жена Анна?

2. Почему Ставропольское калмыцкое войско в середине XVIII в. стало крупнейшим среди калмыцких локальных групп за пределами Калмыцкого ханства?

3. Почему ставропольские калмыки стали бежать из мест своего поселения в 1740-е – 1750-е гг.?

§ 2.2. *Участие калмыков Оренбургской губернии в восстании Е. И. Пугачева 1773–1775 гг.*

К началу восстания под предводительством Е. И. Пугачева в Ставропольском войске было 1923 кибитки, в которых проживали 8015 калмыков. Губернская администрация не была заинтересована в сохранении феодальной системы в казачьем войске и стремилась перевести ставропольских калмыков под власть подконтрольных ей органов. Высшая власть в войске принадлежала коменданту Ставрополя: он являлся председателем калмыцкого суда, контролировал работу всех должностных лиц, имел право сменять их. Все калмыки, желавшие выехать за пределы улуса, обязаны были получить у него или его комиссаров паспорт.

Служба на линии для ставропольских калмыков считалась тяжелой. Каждый служилый должен был за свой счет содержать по две лошади, обмундировать себя, приобретать оружие. Такая организация службы для рядовых калмыков, лишившихся ранее своего скота и не успевших приспособиться к новому образу жизни, многих поселенцев привела к полному разорению. Из-за обнищания ставропольских калмыков администрация отпускала большие группы за пределы войска *«для пропитания себя ремеслом и другой какой ни есть работой»*, причем не только зимой, как ранее, а весь год. *«Дурная пища, зимние холода и особенно дурное устройство жилищ»* отрицательно сказывалось на состоянии здоровья калмыков. Средняя продолжительность их жизни не превышала 40 лет. В улусах была высокая детская смертность: 72% умерших составляли дети в возрасте до 3 лет. Росло недовольство и тех, кто считался богачами — командного состава и феодальной знати. Последние с явным неудовлетворением отнеслись к лишению прав на сбор албана и к тому, что их с командных должностей постепенно вытесняют более талантливые простолюдины.

Тяжелой была служба и для калмыков-казаков других войск Оренбургской губернии. Они не имели доступа к рыболовным промыслам на Яике. С повышением боевых качеств и количества крепостей и форпостов на дистанциях тяготы военной службы значительно увеличились, повысилась требовательность к самоснабжению калмы-

ков. Хотя они служили на правах казаков, но на деле «жалованные» казаки жили лучше калмыков, вынужденных добывать пропитание. Яицкий походный атаман И. Кулагин, докладывая о боевых столкновениях в период откочевки Убаши в 1771 г., писал о том, что все крещенные калмыки бежали из крепостей и форпостов. Известно, что яицкие калмыки принимали участие в казацком восстании 1772 г. Из сорока казаков, приговоренных к смертной казни за участие в этом мятеже, четверо являлись калмыками.

Неудивительно, что ставропольские, оренбургские и уральские калмыки приняли активное участие в восстании 1773–1775 гг. Манифесты Е. И. Пугачева провозглашающие наделение бедноты землей, лесами, сенокосами, свободу вероисповедания, равенство всех народов перед законом, нашли среди них горячий отклик.

Калмыки приняли участие в восстании с самого начала. Когда 16 сентября 1773 г. Емельян Пугачев выступил со своим первым манифестом на Толкачевском хуторе, в числе 60 слушателей было 20 яицких калмыков. Когда отряд Пугачева вышел на Нижнеяицкую дистанцию, на его сторону стали переходить ставропольские и оренбургские калмыки. В тот год ставропольские калмыки несли службу по усиленному наряду и послали на Оренбургские дистанции 1020 человек. При этом половина ставропольцев несла службу на Нижнеяицкой дистанции, полностью захваченной повстанцами. Часть калмыков бежала домой, часть перешла на сторону Пугачева. Оренбургских и часть ставропольских калмыков штаб повстанцев включил в состав оренбургского полка Т. И. Падурова. Возглавил их оренбургский калмык Кашиитов (Хошеутов). В конце сентября 1773 г. Пугачев обратился к *«мухаметанам и калмыкам»* с именованным указом, в котором жаловал их *«землю, водою, солью, верою и молитвою, пажитью и денежным жалованьем»*.

На подавление восстания были стянуты дополнительные силы, в том числе новая команда из 500 ставропольских калмыков. Этот отряд набрали с трудом, ибо из примерно 1800 *«способных к службе»* калмыков более тысячи уже служили на дистанциях. На полдороге более 300 калмыков внезапно покинули лагерь и сбежали к своим поселениям.

Ставропольский комендант бригадир И. З. фон Фегезак начал набирать новую пятисотенную команду, в основном из дезертиров первых двух нарядов, которая должна была войти в колонну симбирского коменданта полковника П. М. Чернышева. Этот отряд общей численностью 1500 солдат, казаков и калмыков, при 15 пушках по приказу генерал-майора В. А. Кара должен был прорываться к осажденному Оренбургу по Старо-Московской дороге вдоль Самарской дистанции крепостей. Однако в числе экс-дезертиров оказались тайные эмиссары повстанцев — ротмистр Чекалинской роты Василий Манжи и ротмистр Красноярской роты Андрей Ишеев. Под влиянием их пропаганды 23 октября 1773 г. у Бузулукской крепости 300 калмыков под командованием войскового квартирмейстера Федора Ивановича Дербетева (внука Никиты Дербетева) покинули лагерь правительственных войск и сбежали в лагерь Пугачева. П. М. Чернышев, не имевший боевого опыта и сделавший стремительную карьеру благодаря покровительству императрицы Екатерины, невзирая на потери и известие о разгроме основной деблокирующей группировки В. А. Кара 7–9 ноября у Юзеевой деревни, после некоторых колебаний и метаний решил все же прорваться к Оренбургу. Губернатор И. А. Рейнсдорп выслал ему навстречу отряд майора С. Л. Наумова, но 13 ноября 1773 г. повстанцы перехватили и разгромили колонну Чернышева у Маячной горы. Все оставшиеся калмыки перешли на сторону повстанцев.

На сторону повстанцев продолжали переходить калмыки из первого усиленного набора, служившие на Оренбургской линии. Например, 18 октября команда из 114 калмыков во главе с ротмистрами Михаилом Анчуковым и Василием Дербетевым (сыновьями оренбургского и ставропольского полковников), направленная из Оренбурга за сеном, сдалась пугачевцам без боя. 24 октября сотня калмыков из гарнизона Верхнеозерной крепости перебежала в осадный лагерь А. Т. Хлопуши (Соколова).

С другой стороны, ряд калмыков продолжали сражаться в гарнизонах осажденных крепостей. Например, в той же Верхнеозерной остались служить 18 калмыков, а их командир Шарап Арашиев в ходе вылазок был несколько раз ранен, взял двух «языков», угнал 400 лошадей. Ставропольские калмыки служили в гарнизоне Оренбурга,

выдержавшего почти полугодовую осаду: например, будущие командиры Ставропольского войска — Федор Болотков и Федор Ананда, которые после восстания 1773–1775 гг. из ротных хорунжих были повышены до войскового судьи и войскового есаула соответственно.

Тем не менее большинство ставропольских калмыков оказалось на стороне пугачевцев. По некоторым данным, в ноябре 1773 г. в составе повстанческой армии числилось уже более 1000 ставропольских калмыков. Их атаманом стал Федор Дербетев, который в конце ноября тайно прибыл в ставропольские улусы. Собрав 240 калмыков во главе с войсковым полковником В. Дельдешем, он вернулся под Оренбург, однако оставленный район продолжал полыхать от набегов восставших калмыков. Когда отряды Ивана Арапова и Федора Дербетева в конце 1773 — начале 1774 г. вернулись в этот район для активизации войны, основная масса калмыков уже восстала. Из доклада коменданта И. З. фон Фегезака видно, что в декабре 1773 г. калмыцкие отряды разгромили дворянские имения и подали пример татарам, чувашам, мордве и помещичьим крестьянам, которые сформировали свои отряды против господ.

На первом этапе пугачевского восстания возникли восемь сравнительно устойчивых повстанческих районов, среди которых Ставропольско-Самарский район, населенный преимущественно крестьянами и поселенцами-калмыками, стал третьим по значимости. О масштабах участия ставропольских калмыков в войне можно судить, например, по донесению ставропольской канцелярии в Военную коллегию о том, что число «*бунтующих калмык*» составляет более 5 тысяч. В этот момент правительственные войска начали новый поход для деблокирования Оренбурга, при этом главные силы — отряды генерал-майоров П. М. Голицына и П. Д. Мансурова шли порознь и могли быть разгромлены поодиночке главными силами Пугачева. Дербетев со своей иррегулярной конницей в случае применения партизанской тактики мог серьезно затруднить им продвижение по разоренному войной краю и воспрепятствовать их соединению. Однако пугачевские атаманы избрали тактику захвата городов и прямых столкновений, что в конце концов привело к поражению повстанческих войск.

25 декабря 1773 г. пугачевский атаман И. Ф. Арапов занял Самару. В этот период в край вошли 22-я и 24-я легкие полевые команды под командованием подполковника П. Б. Гринева и майора К. И. Муфеля. Последний в предновогоднюю ночь выбил Арапова из Самары. На помощь походному атаману были переброшены дополнительные отряды калмыков. За несколько дней у Арапова собрались пять калмыцких отрядов: Федора Дербетева, его матери Анны Дербетевой, войскового надзирателя (управителя улусов) Лавра Торгоутского, ротмистра Кобельманской роты Василия Матвеева и войскового хорунжего (из джунгаров) Баян-Дельгира. Однако 7 января 1774 г. после десятичасового сражения у Алексеевска Арапов был разбит.

Ф. Дербетев отделился от него и перешел к Красному Яру. С помощью обманного маневра он выманил из Ставрополя-на-Волге 23-ю легкую полевую команду подполковника Н. Я. Аршеневского и в ночь с 19 на 20 января 1774 года занял город. Перед штурмом Дербетев разделил свой отряд на две части: 600 калмыков вошли в штурмовую группу, а 700 бойцов он оставил атаману Осипу Ломухину из Черкасской слободы для прикрытия тыла. При взятии Ставрополя-на-Волге повстанцы разграбили несколько домов купцов и чиновников и казнили коменданта и нескольких чиновников. Тем временем Ломухин пытался захватить большой продовольственный обоз, шедший из Симбирска в Самару, но был разбит командами подполковника П. Б. Гринева. Последний, преследуя повстанцев, у Красного Яра неожиданно натолкнулся на отряд Дербетева, возвращавшийся после взятия города, и разбил его, отобрав пять пушек из шести, захваченных в Ставрополе.

3 февраля 1774 г. Дербетев, пытаясь разгромить противника по частям, перехватил у Захаркиной деревни отряд капитана Воронина из 3-й колонны секунд-майора Елагина. Повстанцы были близки к успеху, но в решающий момент в бой вступила 2-я колонна полковника Г. И. Хорвата. Дербетев, потеряв еще 150 человек убитыми и последнюю пушку, отошел к Оренбургу. По его приказу стали уходить оставшиеся улусы вместе с женщинами и детьми. Дербетев уверял всех начальников рот, что Пугачев даст калмыкам более выгодные

для поселения земли. Ослушникам дербетевские эмиссары грозили смертью. Еще в декабре 1773 г. по приказу войскового полковника В. Дельдеша под Оренбург перешла часть улусов, из которых набрали 400 воинов. При эвакуации было брошено огромное количество скота. Только в окрестностях Ставрополя-на-Волге и Курумчинской слободы «нарочные» генерала П. Д. Мансурова к середине февраля собрали 700 голов крупного рогатого скота и 1776 овец.

Пугачев задумал дать генеральное сражение войскам П. М. Голицына у Татищевой крепости. В состав его 9-тысячного отряда входило около 600 калмыков Дербетева, 400 — Дельдеша, 500 — Кашиитова из оренбургского полка. 22 марта 1774 г. Голицын в 9-часовом бою разгромил главные силы повстанцев. В ходе битвы погибли атаманы Ставрополь-Самарского края И. Ф. Арапов и Н. Л. Чулошников, калмыцкие ротмистры Василий Дербетев и Василий Манжи. Остатки отряда Ф. И. Дербетева отошли в составе группировки А. А. Овчинникова к Илецкому городку. 1 апреля отряд Пугачева, отходящий от Оренбурга, был перехвачен под Сакмарой и потерял всю свою артиллерию. В этом бою участвовал и отряд полковника Кашиитова, остатки которого потом бежали в Башкирию.

Силы восставших оказались расколоты на несколько частей. Командование южной группировки решило прорываться к Пугачеву. Ф. Дербетев задержался, чтобы собрать своих калмыков, разбредшихся на зимовку по Яику и Илеку. Уже 7 апреля 1774 г. он получил приказ от яицких атаманов о снаряжении на помощь к ним 300 калмыков. Однако 15 апреля отряды яицких казаков были разгромлены Мансуровым у Быковки. Их остатки кружным путем пробрались к Магнитной горе, где и соединились с Пугачевым. Дербетев с 3-тысячным отрядом решил прорваться в Башкирию кратчайшим путем, через Самарскую линию. 27 апреля половина его отряда под командованием управителя улусов Лавра Торгоутского пыталась переправиться через Самару у Воробьевского редута, но была разгромлена. Двумстам калмыкам удалось прорваться, но затем их перехватили бахмутские гусары. Остатки отряда отошли в степь, где часть калмыков во главе с Л. Торгоутским и оренбургскими хорунжими В. Буратовым и К. Шургунцаком добровольно сдалась властям.

После этого отряд Дербетева в составе 4 ставропольских рот и 25 кибиток оренбургских калмыков, к которому присоединились остатки отряда Л. Торгоутского, двинулся к Иргизу двойными переходами. 12 мая 1774 г. он внезапно атаковал крупный обоз, шедший в Яицкий городок. Конвойные казаки, которым Дербетев сохранил жизнь и отпустил в свои станицы, оценили численность дербетевцев в 2 тысячи человек, из которых было 600 конных. Однако их дни были сочтены. Новый главнокомандующий карательными войсками генерал-поручик Ф. Ф. Щербатов писал императрице Екатерине II: *«Реки Иргиз, Узень, течение Волги и г. Сызрань перекрыты. И как нигде нет теперь места к его укрывательству, то если посланные к нему лучшие из казаков, пришедших в повиновение, не убедят его последовать их примеру, тогда силою ея императорского величества оружия познает он свое преступление»*.

Дербетев повернул к Волге с целью раствориться среди улусов Калмыцкого ханства, но противник разгадал его намерения. 18 мая в сражении при Однодеревой подполковник К. И. Муфель захватил 400 кибиток, в которых насчитывалось до 1000 человек. 300 конников Дербетева снова повернули к Самаре. Гусары и драгуны не смогли угнаться за ним, их лошади устали. Отобрав лучших из захваченных коней, Муфель послал в погоню отряд поручика В. С. Байкова. Он совершал переходы по 80–90 верст, но так и не смог догнать калмыков. Дербетев, полагая, что оторвался от противника, 23 мая 1774 г. встал на отдых у реки Грязнуха. Только здесь Байков настиг повстанцев и внезапным ударом атаковал их. 80 калмыков погибло, 93 — попало в плен, в том числе смертельно раненный Ф. И. Дербетев. Остатки отряда возглавил ротмистр Михаил Сайхан, которому удалось прорваться в Башкирию.

После разгрома пугачевцев под Оренбургом и потери Яика значительная часть восставших калмыков явилась с повинной. Среди правительственных агитаторов, уговаривающих калмыков к сдаче, были и бывшие повстанческие лидеры, в том числе надзиратель улусов Л. Торгоутский. К середине июня в специальных сборных пунктах числилось 3958 калмыков, в том числе 3539 ставропольских и 419 оренбургских. Следует отметить, что значительное количество

калмыков, взятых в плен, прежде всего детей, в тот период забирали или продавали как крепостных, и в число учтенных они, как правило, не входили.

Однако многие уцелевшие калмыки-повстанцы продолжили борьбу. 8–9 мая неподалеку от Оренбурга был разгромлен крупный отряд калмыков, который только убитыми и пленными потерял 640 человек. 28 мая другой калмыцкий отряд сумел прорваться в Башкирию. Всего, по оценке М. Л. Кичикова (возможно, завышенной), в Башкирию прорвалось около 2 тыс. калмыков. Только в башкирском отряде Караная Мратова было 300 калмыков. Однако их положение сильно ухудшилось. Некоторые группы калмыков пытались бежать в Джунгарию, как, например, небольшой отряд В. Дельдеша в августе 1774 г.

В ноябре 1774 г. большая часть калмыков, оставшихся в Башкирии, решила откочевать в Джунгарию под руководством М. Сайхана. В отряде насчитывалось до 500 человек, причем вооруженных только 140. Однако 23 ноября у Тобола правительственные войска догнали беглецов. Очень много калмыков, в большинстве своем безоружных, погибли: до 300 убитых, 88 пленных. Остатки отряда во главе с самим Сайханом 27 ноября были захвачены казаками на Ишиме в районе Энгустау. С разгромом этого отряда организованное сопротивление калмыков в Башкирии прекратилось.

Небольшие отряды ставропольских калмыков входили в состав главных сил Пугачева и прошли с ним весь его путь до Узеньских степей. Даже после разгрома у Сальниковой ватаги в составе последнего отряда из 400 повстанцев числились ставропольские калмыки. Однако на завершающем этапе войны они не играли важной роли.

Территория Ставропольского корпуса в ходе боевых действий подверглась страшному разорению. Большинство зданий пришлось отстраивать заново. Мало того, ставропольские коменданты собранный калмыцкий скот стали раздавать для компенсации подвергшимся разграблению пугачевцами. К июлю 1774 г. коменданты выдали пострадавшим 436 лошадей, 4266 голов КРС и 6563 овец калмыцкого скота.

Следует заметить, что руководителями калмыков-повстанцев в пугачевском восстании 1773–1775 гг. были исключительно пред-

ставители знатных фамилий и командного состава: войсковой квартирмейстер Федор Дербетев (внучатый племянник Анны Тайшиной), войсковой полковник Василий Дельдеш, надзиратель улусов Лавр Торгоутский, войсковой хорунжий из джунгарцев Баян-Дельгир, ротмистры Василий Манжи (Чекалинская рота), Андрей Ишеев (Красноярская рота), Василий Матвеев (Кобельманская рота), Василий Дербетев, Михаил Анчуков и др. Почти вся войсковая старшина, которая комплектовалась из родовой знати, перешла на сторону повстанцев. Выступление ставропольских калмыков на стороне Е. И. Пугачева таким образом носило характер не социального, а скорее национального движения.

Вопросы к параграфу 2.2.

1. Почему ставропольские и оренбургские калмыки поддержали восстание Е. И. Пугачева?

2. Какую роль играла в структуре повстанческого движения территория Ставропольского войска с прилегающими районами?

3. В какой регион пытались уйти восставшие калмыки после поражения Е. И. Пугачева под Оренбургом?

§ 2.3. *Калмыки в составе казачьих войск Оренбургской губернии в последней четверти XVIII в. и до нач. 1840-х гг.*

Восстание Пугачева нанесло серьезный урон ставропольским калмыкам, их численность сократилась с 8,0 тыс. (1771 г.) до 5,5 тыс. (1774 г.). Возможностей для увеличения своей численности Ставропольский корпус не имел: в 1776 г. прием новых переселенцев-калмыков был закрыт. После ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. междоусобицы прекратились, над нижневожскими улусами был установлен строгий контроль, поэтому необходимость в отселении крещеных калмыков исчезла. Из-за крайней нужды и отсутствия скота ставропольские калмыки были вынуждены брать паспорта для отходничества. Во 2-й пол. 1770-х гг. более тысячи ставропольцев нанимались на поденные работы. Оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп в своем докладе главнокомандующему генерал-аншефу П. И. Панину от 7 июля 1775 г. писал: *«Кзаки и ставропольские крещеные калмыки в бывшее народное замешание в такую пришли тонкость, что не только служилых своих лошадей лишились и теперь большая часть из них находится пешими, но и пропитание себе с семьями их приобретают с крайней нуждою»*. В 1778 г. Рейнсдорп сообщил в Военную коллегию, что в Ставропольском корпусе состоит 1006 мужчин, способных к службе, 2760 — престарелых и малолетних (без учета женщин). Спустя несколько лет экономическая ситуация вроде бы стабилизировалась, но демографическое положение оставалось сложным. В 1783 г. в войске числилось 5976 чел.: 1069 чиновников (включая нескольких русских) и служащих, 787 отставников, 1754 женщины, 2366 малолетних (в том числе 1084 девочки). При этом наблюдался дисбаланс в гендерном отношении: женщин было явно меньше, чем мужчин, особенно среди детей.

В этот период происходит смена значительной части командного состава корпуса. Хотя часть старшин, участвовавших в пугачевском восстании, была амнистирована, им явно не доверяли. К руководству войском стали продвигать командиров, которые в годы восстания Пугачева доказали свою верность правительству и не последовали примеру большинства. Например, Федор Болоткоев (вожский зайсанг) и

Федор Ананда (джунгарский нойон) достигли чина ротного хорунжего за 6,5 и 10 лет службы соответственно и имели в послужном списке всего один поход — службу в осажденном Оренбурге в 1773–1774 гг. После окончания войны они за это получили следующие чины ротмистров. Болоткоев в 1775 г. стал войсковым судьей, в 1779 г. — войсковым полковником, достигнув высшего на тот момент чина, то есть прошел путь от ротного хорунжего до полковника за 6 лет. Ананда в 1775 г. стал войсковым есаулом, в 1776 г. — надзирателем улусов, в 1780 г. — войсковым судьей, пройдя путь от ротного хорунжего до судьи за 9,5 лет. То есть для получения первого офицерского чина им пришлось потратить больше времени, чем на все последующие, вместе взятые. Мало того, командные должности в ротах стали занимать простолюдины из бывших албату (податных).

В 1779 г. новый войсковой полковник Федор Болоткоев обратился к императрице с просьбой уравнивать в правовом отношении Ставропольский корпус с Донским казачьим войском. Военная коллегия не одобрила этот проект, но в 1780 г. главнокомандующий легкой кавалерией князь Г. А. Потемкин вернул Ставропольскому корпусу наименование войска, которое было выведено из подчинения ставропольскому коменданту и теперь напрямую подчинялось оренбургскому губернатору. Штат Ставропольского войска теперь насчитывал 47 командных чинов и 1020 рядовых казаков. Если отряды ставропольцев откомандировывались в действующую армию, то они должны состоять под начальством полевого генералитета. Войсковой суд преобразовали в Войсковую канцелярию, а чины владельца и первенствующего члена упразднили. Теперь войсковой полковник стал высшим чином у ставропольцев.

Низшие должности в канцелярии (толмачи, писцы, сторож) были заняты простолюдинами. Мало того, на монополию нойонов и зайсангов на командные должности в войске стали претендовать не только калмыки-простолюдины, но и представители других национальностей. В 1775 г. после подавления пугачевского восстания в войсковой суд в качестве переводчика был назначен коллежский регистратор П. Ф. Кадомцев, знавший калмыцкий язык и письменность. Трудно сказать, с какой целью его туда назначили,

то ли из-за нехватки кадров после гибели многих чиновников, то ли для пригляда за амнистированными мятежниками, но он проработал в канцелярии много лет и получил потомственное дворянство. В 1798 г. он добился назначения в войско сверхкомплектным ротмистром своего сына П. П. Кадомцева. Через два года его в обход коллег с большей выслугой произвели в квартирмистры, что вызвало обиду у калмыцких старшин. В 1802 г. новый атаман Ставропольского войска К. К. Баглюнов обратился в Военную коллегию с требованием об удалении Кадомцева из войска *«как к оному не принадлежащего и впредь в оное из других наций определять запретить»*. Жалобу признали справедливой и в конце 1803 г. Кадомцева перевели в Оренбургское войско.

Следует заметить, что чины, которые имели старшины Ставропольского войска, как и в других казачьих войсках, считались служившими зауряд и потому не имели привилегий, полагавшихся по «Табелю о рангах». Полковник Болоткоев, стремясь усилить свой авторитет, неоднократно обращался с просьбами о присвоении армейских чинов себе и своим зауряд-офицерам. В 1779 г. Болоткоеву был присвоен чин секунд-майора. В 1790 г. армейские офицерские чины были присвоены еще шести чиновникам Ставропольского войска: капитана — войсковому судье Федору Барышевскому, подпоручика — войсковому хорунжему Якову Дербетеву и квартирмистру Михаилу Анчукову, прапорщика — ротмистрам Кириллу Баглюнову, Семену Торгоутскому, Дмитрию Домбаеву. В 1791 г. за отличие в войне со шведами армейские чины были присвоены еще нескольким ставропольцам, в том числе Баглюнову, повышенного до подпоручика.

В ноябре 1780 г. четыре роты калмыков, проживавшие при слободах Благовещенской, Воскресенской, Богоявленской и селе Рождественском, были переподчинены вновь образованным Симбирскому и Казанскому наместничествам. В ведомость, составленную Ставропольской канцелярией, было включено 363 служилых, 245 отставных казаков, 404 «малолеток», а всего с учетом членов их семей — 2740 чел. Хотя по военной части эти роты были оставлены

в подчинении Ставропольского калмыцкого корпуса, по уголовным делам — отнесены к общим воинским судам, но гражданские вопросы оказались переданы в компетенцию Сибирского и Казанского наместничеств. В 1796 г. территория Ставропольского войска оказалась включена в состав вновь учрежденной Симбирской губернии, при этом, что в военном отношении калмыки по-прежнему подчинялись оренбургскому военному губернатору. Однако симбирские чиновники к ставропольцам относились как к чужакам и в земельных спорах и тяжбах чаще поддерживали их оппонентов.

10 апреля 1798 г. оренбургский военный губернатор генерал от инфантерии барон О. А. Игельстром провел в крае кантонную реформу. Он разделил все иррегулярные войска, которые несли службу на Оренбургской линии (включая казаков, калмыков, башкир), на кантоны по числу способных к службе мужчин. Ставропольское калмыцкое войско составило 1 кантон при тех же 11 ротах. В войске была введена должность атамана, который являлся кантонным начальником. По ведомости и рапортам, присланным в этот период в Военную коллегию, в войске числились: войсковой атаман (кантонный начальник), войсковой полковник, войсковой судья, войсковой писарь, войсковой надзиратель (управляющий улусами), войсковой есаул, 2 войсковых хорунжих, войсковой квартирмейстер, 11 ротмистров, 11 хорунжих, 11 ротных есаулов, 920 рядовых калмыков, а также 10 других чинов (толмачи, «пищики», учителя и т. д.) и 32 ученика. Сверх комплекта состояло 2 войсковых есаула, 2 войсковых хорунжих, 1 квартирмейстер, 2 ротмистра, 3 хорунжих, 8 ротных есаулов, 19 рядовых, 685 отставных, 1164 малолетних, а всего 2869 человек. Если до введения кантонного управления Ставропольское войско ежегодно посылало на службу 500–600 чел., то с 1800 г. — 400 казаков при 1 войсковом старшине и 12 ротных чинах *«на летнее время в Оренбург и за Урал в степь Киргизскую по тракту к Илецкой защите»*.

Функции внутреннего управления войском по прежним калмыцким обычаям возлагались на войсковой суд, вновь преобразованный из войсковой канцелярии. Позднее в связи с отнесением Ставрополь-

ского ведомства территориально к Симбирской губернии гражданские апелляционные дела калмыцкого населения передали симбирскому губернскому начальству. Дела, связанные с уголовными мотивами, со спорами о земле и об улусных территориях, по-прежнему рассматривались и утверждались в Оренбургской губернской канцелярии.

В 1803 г. войсковой атаман Ставропольского калмыцкого войска армии подпоручик К. К. Баглунов подал на имя императора Александра I прошение, в котором просил уравнивать войско в классах с иррегулярными казачьими войсками. Рассмотрев этот документ военный министр генерал от инфантерии С. К. Вязмитинов подготовил доклад «Об устройстве Ставропольского калмыцкого войска», который 2 ноября 1803 г. был утвержден Александром I. Согласно ему войско образовало один тысячный полк, сокращенный до 10 рот (Ягодинская, Авралинская, Сусканская, Кобельманская, Предтеченская, Преображенская, Теневская, Чекалинская, Раковская, Красноярская), состоявших из 34 улусов, в которых насчитывалось 185 дворов и около 3,3 тыс. чел. Должности ротных командиров были переименованы: ротмистров — в есаулы, ротных хорунжих — в сотники, ротных есаулов — в хорунжих. Штатный состав Ставропольского калмыцкого полка был такой же, как в Оренбургском неперменном казачьем полку: полковой командир, 10 есаулов, 10 сотников, 10 хорунжих, квартирмистр, 40 урядников, 2 писаря и 1000 рядовых (итого 1074 чел.). Изменился и состав войсковой канцелярии: атаман, 2 неперменных членов, выборный ассессор, сменяемый через 3 года, секретарь, переводчик, два толмача и два фельдшера.

Ставропольский полк в административном отношении оставался по-прежнему кантоном. Число калмыков, командируемых на обычную службу, соразмерялось с другими кантонами и не могло превышать более половины штатной численности полка. Только в чрезвычайных случаях по особому повелению полк должен был выступать в полном составе под командой войскового атамана. Этим же документом утверждался штат вновь восстановленной Войсковой канцелярии.

Таблица 2.1.

Штат Войсковой канцелярии по указу 1803 г.

должность	кол-во	жалование в год
непременные члены из советников	2	по 250 руб.
из ассессоров по выбору через 3 года	1	200 руб.
секретарь XIV класса	1	150 руб.
переводчик XIV класса	1	150 руб.
толмачей при переводчике	2	по 30 руб.
фельдшер	2	по 30 руб.

При этом указывалось, что командирам *«всем им быть из природных того же войска и преимущественно из рода владельцев и Зайсангов»*. Председателем канцелярии являлся войсковой атаман, который почему-то в таблице штатов канцелярии не числился, хотя в самом законе его должность упоминалась. При этом власть войскового атамана была ограниченной: он не мог принимать и заставлять исполнять никакие новые постановления, касающиеся воинской части, без предварительного их рассмотрения и утверждения Военной коллегией, причем представление должно было исходить от всей войсковой канцелярии и подаваться через инспектора (командира дивизии). Канцелярия по военным делам подчинялась Оренбургской инспекции (дивизии), а по гражданской части — симбирскому губернскому начальству.

Чиновникам были установлены следующие ранги: войсковому атаману — армейского подполковника, войсковому полковнику и советникам — майорские, ассессору и полковым есаулам — капитанские, сотникам — поручиков, хорунжим — корнетов, квартирмейстеру — квартирмейстера регулярных войск, а урядникам — унтер-офицерские. Однако в реальности поголовно их присвоили лишь однажды — при принятии положения 1803 г. Атаман подпоручик Баглионов получил чин майора, а 33 чиновника — прапорщиков: полковник Иван Анчуков (бывший войсковой хорунжий), два непременных члена Данила Дербетев (войсковой судья) и

Иван Ренцанов (войсковой надзиратель), 10 есаулов, 10 сотников, 10 хорунжих. Еще 3 чиновника — квартирмейстер Михаил Анчуков (бывший хорунжий), секретарь Софрон Батырев (бывший войсковой писарь) и переводчик Андрей Гаданов получили чины XIV класса. После этого производства в армейские чины осуществлялись в основном за военные отличия или для выделения кого-то из чиновников из общей массы зауряд-офицеров (как правило, атамана).

Представления о производстве в действительные офицерские чины отправлялись войсковой канцелярией на утверждение императору через инспектора, а в военное время, когда полк или часть его будут находиться в походе, походным атаманом или полковником через генерала — главнокомандующего армией или командира отдельного корпуса. Назначение старшин зауряд осуществлял войсковой атаман, докладывая о них в Военную коллегию, не превышая положенного в полку комплекта. При этом право на офицерские должности в полку имели только выслужившиеся из его рядов чиновники и преимущественно те, которые свой род вели от нойонов и зайсангов. Прием чиновников со стороны был запрещен. При этом должностные оклады отпускались из государственного казначейства, а не внутренних сумм войска. Так как войско освобождалось от всех государственных повинностей и постоев, за исключением воинской повинности, предельный срок службы для офицеров и нижних чинов войска не устанавливался. Отставка как офицерам, так и нижним чинам давалась только по совершенной старости и дряхлости или из-за неизлечимых болезней и увечий.

По правилам того времени армейский чин XIV класса давал право на потомственное дворянство, но ставропольские старшины не спешили записывать своих детей дворянскими, а называли их по-прежнему: нойонскими и зайсангскими. Дело в том, что в XVIII в. русские чиновники приравнивали титул нойон к княжескому, а зайсангов приравнивали к дворянам. Лишь во 2-й пол. XIX в. российские геральдисты, наводя порядок в запутанной системе дворянства многонациональной империи, стали считать нойонов дворянами, а зайсангов — почетными гражданами. До этого времени

для ставропольских старшин армейские звания являлись лишь предметом личной гордости.

Сосуществование полкового командира и атамана в однополковом войске привело к правовой коллизии, всплывшей в первом крупном походе. В 1807 г. в Пруссию был направлен пятисотенный полк под руководством атамана. В результате полковой командир Анчуков в этом походе оказался вне штата и без жалования, и майору Баглюнову пришлось просить о его включении в штат полка. В следующей войне должности атамана и командира полка совместили.

В последней четверти XVIII — нач. XIX вв. в командном составе Ставропольского войска произошли заметные изменения, как в социальном, так и профессиональном плане. Это можно увидеть, сравнив формулярные (послужные) списки, например, за 1783, 1798, 1812 и 1815 гг. Ввиду того, что названия чинов сотенных командиров менялись при сохранении прежнего функционала, то во избежание путаницы в сравнительном анализе эти чины обозначены как сотенные командиры 1, 2 и 3-го рангов соответственно.

В формулярном списке Ставропольского войска за 1783 г. значится 41 офицер-калмык (без учета русского П.Ф. Кадомцева): 9 представителей войсковой администрации (полковник, судья, надзиратель, войсковой есаул, квартирмистр, двое войсковых хорунжих, войсковой писарь, сверхкомплектный квартирмистр), 10 ротмистров, 11 хорунжих, 11 есаулов. В этом списке также есть сведения о 5 низших чинах канцелярии (2 толмачах, 2 писчиках и стороже), которые в общий анализ не включены.

В послужном списке Ставропольского войска за 1798 г. значится 55 офицеров-калмыков (без учета 2 учителей и сверхкомплектного ротмистра П. П. Кадомцева): 9 представителей войсковой администрации (атаман, судья, надзиратель, войсковой есаул, квартирмистр, двое войсковых хорунжих, войсковой писарь, переводчик), 15 ротмистров (в том числе 3 сверхкомплектных), 14 хорунжих (в том числе 4 сверхкомплектных), 17 есаулов (в том числе 3 сверхкомплектных). В этом списке также были приведены сведения о 52 рядовых воинах знатного происхождения (1 волж-

ский и 5 джунгарских нойонов, 35 волжских и 7 джунгарских зайсангов).

В послужном списке Ставропольского войска за 1812 г. значится 37 офицеров-калмыков (без учета двух учителей, бывших *«не из природных того же войска»*): 6 представителей войсковой администрации (атаман, два советника, квартирмейстер, секретарь, переводчик), 11 есаулов, 10 сотников, 10 хорунжих. В этом списке также есть сведения о 7 низших чинах канцелярии (2 толмачах, 5 писарях) и 39 урядниках, которые в общий анализ не включены.

В послужном списке Ставропольского войска за 1815 г. значится 28 офицеров-калмыков (без учета двух учителей): 5 представителей войсковой администрации (атаман, два советника, квартирмейстер, переводчик), 7 есаулов, 7 сотников, 9 хорунжих. В этом списке также есть сведения о 6 низших чинах канцелярии (2 толмачах, 4 писарях) и 40 урядниках, которые в общий анализ не включены.

Сводный анализ социального происхождения командного состава войска по данным 4 формулярных списков приведен в таблице 2.2.

Из этой таблицы видно, что количество офицеров в войске к 1815 г. заметно сократилось, чуть ли не вдвое по сравнению с 1798 г. Это было вызвано, с одной стороны, наличием большого количества сверхкомплектных старшин в 1798 г. и избытком вакансий в 1815 г., с другой стороны, сокращением должностей в войсковой администрации в 1803 г. Интересно отметить, что в последней четверти XVIII в. в командном составе примерно 30 % составляли бывшие податные, занимавшие в основном руководящие должности в ротах. Несмотря на сокращение количества должностей в 1803 г., доля выходцев из простолюдинов к периоду наполеоновских войн увеличилась до 50 %, при этом они стали занимать должности и в войсковой администрации. Если анализировать происхождение старшин из числа знати, то видно, что в 1783 г. среди них почти нет джунгарских зайсангов. Это было вызвано тем, что должности в джунгарских ротах, где те обычно служили, оказались заняты нойонами. К концу XVIII в. этот «перекос» оказался устранен.

Таблица 2.2.
Распределение командного состава Ставропольского войска по социальному происхождению в 1783–1815 гг.

Происхождение	Администрация				Сотенные командиры 1-го ранга			Сотенные командиры 2-го ранга			Сотенные командиры 3-го ранга			Всего							
	1783 г.	1798 г.	1812 г.	1815 г.	1783 г.	1798 г.	1812 г.	1815 г.	1783 г.	1798 г.	1812 г.	1815 г.	1783 г.	1798 г.	1812 г.	1815 г.					
	от волжских нойонов	2	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	4	5	3	2
	от джунгарских нойонов	3	1	–	–	3	1	–	–	2	1	2	1	–	2	–	–	–	8	5	2
от волжских зайсангов	4	5	2	1	3	7	6	4	5	3	4	2	4	6	2	2	16	21	14	8	
от джунгарских зайсангов	–	1	–	–	–	–	1	–	–	3	–	1	1	3	–	1	1	7	1	2	
от рядовых	–	–	3	3	3	5	4	2	3	7	2	3	6	5	8	6	12	17	17	14	
Итого	9	9	6	5	10	15	11	7	11	14	10	7	11	17	10	9	41	55	37	28	

Сведения о возрастном составе командного состава Ставропольского войска приведены в таблице 2.3.

На первый взгляд средний возраст командного состава за исследуемый период практически не изменился. Но если присмотреться к цифрам более внимательно, то можно заметить три тенденции:

Во-первых, в нач. XIX в. происходит омоложение администрации — явное следствие упразднения в 1803 г. избыточных должностей войсковых есаула, хорунжих и др., которые чаще всего имели возраст от 40 лет и выше.

Во-вторых, средний возраст командного состава рот, который в 1783 г. был почти одинаковым для командиров всех трех рангов, к началу наполеоновских войн стал более дифференцированным в зависимости от ранга. Средний возраст ротных командиров 1-го ранга увеличился, а средний возраст командиров 3-го ранга — уменьшился. Характерно, что средний возраст урядников в 1812 г. составлял 25 лет, меньше, чем у хорунжих. Таким образом, возраст (и, соответственно, опыт) стал прямо коррелироваться с занимаемой должностью. Конечно, были исключения, но большинство офицеров соответствовали этой тенденции. Это свидетельствует о том, что в последние десятилетия XVIII в. в войске была внедрена практика последовательности назначений на эти чины. До этого знатные рядовые могли производиться сразу на должности сотенных командиров 1 и 2-го ранга, минуя чины урядников и командиров 3-го ранга.

В-третьих, в 1783 г. в командном составе явно преобладает группа старшин в возрасте от 26 до 39 лет (70 %). В 1798 г. эта группа «проседает» до 36 %, в 1812 г. вырастает до 57 %, а в 1815 г. — до 71 %. На мой взгляд, преобладание этой группы в 1783 г. было вызвано «чисткой» экс-мятежников после пугачевского восстания и массовым набором новых офицеров из числа перспективных (молодых, но с опытом) рядовых. В 1798 г. эта группа, постарев на 15 лет, переместилась в категорию «от 33 лет и выше» (64 %), но поскольку количество новых вакансий из-за этого было ограничено, приток молодежи в командный корпус оказался незначительным. Возможно, этим же был вызван и переизбыток сверхкомплектных командиров в ротах. К началу войны с Наполеоном соотношение возрастных групп ста-

Таблица 2.3.
Распределение командного состава Ставропольского войска по возрасту в 1783–1815 гг.

	от 19 до 25 лет				от 26 до 32 лет				от 33 до 39 лет				от 40 лет и выше				Средний возраст, лет				Всего, чел.				
	1783 г.	1798 г.	1812 г.	1815 г.	1783 г.	1798 г.	1812 г.	1815 г.	1783 г.	1798 г.	1812 г.	1815 г.	1783 г.	1798 г.	1812 г.	1815 г.	1783 г.	1798 г.	1812 г.	1815 г.	1783 г.	1798 г.	1812 г.	1815 г.	
Администрация	0	2	2	1	3	1	0	1	2	2	2	2	2	4	4	2	1	37	39	35	33	9	9	6	5
Сотенные командиры 1-го ранга	1	1	0	0	2	3	4	0	5	6	1	4	4	2	5	6	3	35	38	40	39	10	15	11	7
Сотенные командиры 2-го ранга	1	1	1	0	3	1	5	4	6	7	2	2	2	1	5	2	1	33	37	35	34	11	14	10	7
Сотенные командиры 3-го ранга	1	7	3	2	6	4	3	5	2	4	4	2	2	2	2	0	0	32	30	29	29	11	17	10	9
Итого	3	11	6	3	14	9	12	10	15	19	9	10	9	16	10	5	34	35	35	33	41	55	37	28	

ло более оптимальным, но увольнение большой группы «пожилых» офицеров в 1812–1815 гг. и их замена молодыми урядниками, а также наличие значительного количества вакансий вновь привели к возрастанию доли старшин в возрасте от 26 до 39 лет.

В этих списках также были приведены сведения о грамотности офицеров на русском и калмыцком языках. Согласно этим данным в 1783 г. грамотными на обоих языках были 7 из 9 старшин войсковой администрации (еще 2 читали и писали только на калмыцком языке), 3 ротмистра из 10 (еще 5 были грамотными только на калмыцком языке), 4 хорунжих из 11 (еще 2 были грамотными только на калмыцком языке, еще 1 — только на русском). 3 ротных есаула из 11 читали и писали только на родном языке. 2 ротмистра, 4 ротных хорунжих и 8 ротных есаулов были неграмотными. Как видно, среди старшин количество грамотных на калмыцком языке было выше, чем на русском языке. Был только один офицер, владевший грамотой только на русском языке (хорунжий Семен Дашицерин). Этот факт очень любопытен, поскольку в единственной войсковой школе было обязательным обучение *«российскому чтению, письму и добрым обычаям»*, а *«учение калмыцкого письма»* требовалось преподавать *«под рукою и время от времени выводить им из обычая»*. Очевидно, что командиры, грамотные только на калмыцком языке, не учились в школе, а получили домашнее образование, скорее всего, от лам, которые нелегально вели свою деятельность.

Однако с прошествием лет ситуация с грамотностью стала меняться. К концу XVIII в. грамотными на русском языке были все 100 % офицеров из войсковой канцелярии, 93 % ротмистров, 44 % ротных хорунжих, 47 % ротных есаулов. В 1812 г. неграмотных среди войсковых старшин не было вовсе. Грамотными на обоих языках были все 6 офицеров войсковой канцелярии, 10 есаулов из 11 (еще 1 был грамотным только на русском языке), 7 сотников из 10 (еще 1 был грамотным только на калмыцком языке, 2 — только на русском языке), 6 хорунжих из 10 (еще 3 были грамотными только на калмыцком языке, 1 — только на русском языке). Любопытно отметить, что среди 39 урядников грамотным на обоих языках значился только 1 калмык, грамотными только на русском языке — 24, грамотными

только на калмыцком языке — 7, неграмотными — 7. Характерно, что из 4 новых хорунжих, произведенных из урядников в 1813–1815 гг., трое были грамотными только на русском языке, один — только на калмыцком языке. Очевидно, что в XIX в. среди старшин стали продвигаться в основном калмыки, владеющие грамотой хотя бы на одном языке.

Следует заметить, что послужные списки за 1812 г. и 1813 г. в целом идентичны (с учетом умерших, уволенных и вновь принятых на службу), но в списках за 1815 г. почему-то появились расхождения, в том числе и в пункте «грамотность». Пять офицеров, которые в списках 1812 и 1813 гг. значились как грамотные на обоих языках, в списках 1815 г. почему-то оказались грамотными только на русском языке. Возможно, что в 1815 г. ошибся составитель списков, допустивший и другие ошибки. Например, он сдвинул почти на два года дату производства в хорунжие Степана Шажинбатуева (правильность сведений из списков 1812 и 1813 гг. подтверждают месячные рапорты тех лет) и пропустил возраст хорошо известного в войске есаула Михаила Бекова. В 1812 г. войсковой секретарь Софрон Батырев сильно болел и, по всей вероятности, вскоре умер, так как в следующем году должность оказалась вакантной. Поэтому списки 1812 и 1813 гг. заполнялись юными и прилежными писарями. В декабре 1813 г. новым секретарем стал Иван Батырев, но через 2 года его повысили до советника, и пост секретаря вновь оказался вакантным. Списки 1815 г. были составлены 47-летним школьным учителем Н. Е. Ягодинским, не имевшим опыта такой работы.

Согласно спискам за 1812 г. женатыми были 4 из 6 офицеров войсковой администрации, 10 из 11 есаулов (еще 1 был вдов), 9 из 10 сотников (еще 1 был вдов), 8 из 10 хорунжих. Трое холостяков были в возрасте от 21 до 24 лет, еще 1 — 26 лет. 10 из 33 женатых офицеров детей не имели (4 из них были в возрасте от 24 до 26 лет, 4 — от 32 до 34 лет, 1 — 29 лет, 1 — 50 лет). Здесь следует иметь в виду, что в списках в составе семьи указывались только дети, находящиеся на иждивении. Дети 50-летнего есаула Петра Батырева давно выросли, двое сыновей уже сами стали офицерами, поэтому его нельзя считать бездетным. На иждивении у 23 женатых офицеров (включая одного

вдовца) числилось 38 детей. У 11 из них было по одному ребенку, у 10 — по 2, у 1 — 3, у 1 — 4 детей. Эти показатели в среднем были заметно меньше, чем в традиционных калмыцких семьях. Очевидно, что на них оказала влияние высокая детская смертность, зафиксированная чиновниками и исследователями в 1-й пол. XIX в. и вызванная *«несоответствием между местностью и образом жизни»*.

К сожалению, в списках не приводятся сведения о времени брака. Но это можно определить по косвенным данным. Для этого мы обратимся к более «молодежной» и многочисленной группе урядников Ставропольского войска. Согласно послужным спискам 1812 г. из 39 урядников (средний возраст которых составлял 25 лет) холостыми были 18 калмыков (все в возрасте от 18 до 24 лет). 12 женатых урядников не имели детей (9 из них было в возрасте от 21 до 26 лет). Исходя из этого, можно предположить, что большая часть калмыков женились в возрасте 23–26 лет, что частично коррелируется и с данными о холостых и бездетных офицерах.

Таким образом, очевидно, что на социальный портрет командного корпуса Ставропольского калмыцкого войска в начале последней четверти XVIII в. огромное влияние оказало пугачевское восстание. Часть старшин погибла, часть — сдалась в обмен на амнистию. Несмотря на это, губернские власти с подозрением относились к экс-мятежникам и постарались в течение нескольких лет продвинуть к руководству войском тех немногих офицеров, которые во время восстания сохранили верность правительству, прежде всего из числа переживших осаду в Оренбурге вместе с губернатором И. А. Рейнсдорпом. Именно поэтому ротные хорунжие Федор Болоткоев и Федор Ананда сделали после войны стремительную карьеру и возглавили войско. Мало того, несколько рядовых из числа участников «оренбургской обороны» были также произведены в офицеры. Например, джунгарский нойон Василий Даба, который 13 лет служил школьником и рядовым, имел в своем послужном списке 5 походов на линию, включая оборону Оренбурга, после окончания мятежа был произведен в есаулы, а через год — в хорунжие. Неграмотный волжский зайсанг Гаврила Сосоев после 7 лет службы и 4 походов на линию (включая оренбургскую блокаду) был произведен сверхкомплектным хорун-

жим, через 3 года помещен в штат. Еще один неграмотный волжский зайсанг Андрей Джаб после 23 лет службы и 7 походов (включая Семилетнюю войну) еще в период пугачевского мятежа был произведен в есаулы. В администрации еще оставались некоторые экс-мятежники, как, например, надзиратель Василий Дербетев, но им было отказано в аттестации на новый чин.

Кроме того, на командные посты стали назначать молодежь, которые в силу возраста не могли участвовать в мятеже. Конечно, предпочтение по-прежнему отдавалось выходцам из нойонских и зайсангских семей, даже ни разу не бывавшим в походах. Например, в списках 1783 г. значатся 20-летний волжский нойон и сын амнистированного мятежника Семен Торгоутский (заявший должность сверхкомплектного хорунжего в 14 лет и штатного хорунжего в 18 лет) и 22-летний джунгарский зайсанг Яков Цаганов (начавший службу рядовым в 18 лет и произведенный в есаулы в 22 года). Неудивительно, что средний возраст волжских нойонов, занимающих командные посты в 1783 г., составил всего 28 лет. Если вычесть из них 41-летнего экс-мятежника надзирателя В. Н. Дербетева, то этот показатель снизится и вовсе до 24 лет.

Наконец, на командные посты в ротах стали назначать простолюдинов. В некоторых случаях повышение произошло еще в ходе пугачевского мятежа, когда награждали отличившихся рядовых. Например, неграмотного Василия Чидана (в 1783 г. ему было уже 52 года) после 24 лет службы рядовым (в ходе которых он совершил 11 походов, включая подавление восстания башкир и Семилетнюю войну) генерал-майор П. Д. Мансуров произвел сразу в ротмистры. Еще одного неграмотного Ивана Замсоева (в 1783 г. ему было уже 42 года) после 10 лет службы рядовым (в ходе которых он совершил 7 походов) генерал-поручик И. А. де Колонг произвел сразу в хорунжие, минуя два чина. Савелий Шарапов в 1773 г. в 16 лет был принят на службу комендантом Ставрополя полковником И. Я. Адлербергом сразу есаулом. Это был, пожалуй, первый случай производства простолюдина в офицерский чин, минуя звание рядового.

Ряд простолюдинов получили повышения уже после пугачевской войны. Некоторые назначения выглядят вполне логичными, как, на-

пример, грамотного на русском языке хорунжего Семена Дашицелина, участвовавшего в 5 походах и пережившего осаду Оренбурга, или грамотного на калмыцком языке есаула Макара Цорипова, прослужившего 16 лет и участвовавшего в 3 походах. Однако некоторые назначения вызывают недоумение. Например, неграмотный простолюдин Василий Аршиев был принят на службу в 33 года сразу урядником, а через 4 года произведен в ротмистры, после которого осуществил единственный поход в биографии. Еще один неграмотный Иван Акимов был принят на службу в 26 лет (в 1777 г.) сверхкомплектным хорунжим, а через 2 года произведен в есаулы. При этом до 1783 г. ни в одном походе он не был. Характерно, что из 12 ротных офицеров-простолюдинов лишь один был грамотным только на русском языке, пять — грамотными только на калмыцком языке, шесть — неграмотными (в том числе оба ротмистра). Очевидно, что нужда в лояльных кадрах заставила забыть, как о повелении комплектовать командный корпус из представителей знати, так и о требовании И. И. Неплюева «*прежде других производить*» выпускников войсковой школы.

Продолжалась практика приема на службу выходцев из знатных семей еще с подросткового возраста, причем некоторые сразу получали офицерский чин. Разумеется, такие подростки имели преимущество в карьере. Например, в 1789 г. на службу рядовым был принят 10-летний Владимир Барышевский из волжских зайсангов — сын войскового судьи. Уже через год он стал ротным есаулом, через 4 года — ротным хорунжим, а в 19 лет был произведен в войсковые писари. После смерти отца карьера пошла медленнее, но он породнился с родом атамана В. Н. Дербетева и благодаря его поддержке через 13 лет стал войсковым атаманом. В том же 1789 г., месяцем позже, был принят на службу сразу ротным хорунжим (минуя чин рядового, урядника и ротного есаула) 15-летний Данила Дербетев — сын надзирателя и будущего атамана. За следующие 13 лет он получил чины: ротмистра, квартирмистра, войскового есаула, надзирателя, судьи. После реорганизации канцелярии Д. В. Дербетев стал советником.

К концу XVIII в. численность командного состава Ставропольского войска заметно выросла, как за счет сверхкомплектных коман-

диров, так и за счет явного превышения штатного расписания. По всей видимости, это было связано с деятельностью нового атамана — экс-мятежника Василия Дербетева. Несмотря на то, что начальство отказывалось аттестовать его на повышение в чин *«по неприлежности к должности»*, в 1791 г. он сменил войскового судью армии капитана Федора Барышевского, а в 1795 г. — атамана Болоткоева. По всей видимости, упрек *«в неприлежности»* имел под собой основание. Это видно хотя бы по небрежно оформленным послужным спискам 1798 г., в которых у большинства ротных командиров даже не были указаны их походы. При этом все офицеры, включая неопытную молодежь, рекомендовались к повышению в чине. Интересно отметить, что в списки 1798 г. не включили низших чинов канцелярии и урядников, но добавили рядовых из знатных семей. Очевидно, что нойон Дербетев являлся сторонником продвижения представителей знати. О *«неприлежности»* атамана говорит и сам факт переизбытка сверхкомплектных и даже штатных офицеров (хотя количество рот не изменилось), что ложилось тяжелым бременем на бюджет войска. Мало того, несмотря на отсутствие вакансий и наличие «лишних» командиров-калмыков, атаман включил в войско (причем сразу на пост ротмистра) русского чиновника Павла Кадомцева, а затем начал продвигать его в обход более опытных и имеющих большую выслугу коллег, что вызвало их резкое недовольство.

Несмотря на отсутствие вакансий, Дербетев продолжал практику набора подростков из знатных семей на командные должности. Согласно послужным спискам 1798 г. в войске несли службу 21-летний ротмистр Иван Анчуков (сын бывшего квартирмистра и будущий полковой командир), 21-летний хорунжий Михаил Баянов (сын надзирателя улусов), 22-летний есаул Владимир Алтаев (сын бывшего войскового есаула), 22-летний есаул Николай Торгоутский (сын бывшего надзирателя), 18-летний есаул Афанасий Хасанов (сын бывшего ротмистра), 17-летний есаул Дмитрий Барышевский (сын бывшего войскового судьи). Параллельно с этим в войске продолжали служить и пожилые старшины, что препятствовало смене поколений и создавало «затор» для продвижения молодых и активных командиров, лучше подготовленных к тяготам полевой службы. В 1798 г. помимо

58-летнего атамана в войске числились 53-летний надзиратель улусов Иван Баянов, 56-летние ротмистры Федор Бузгаев и Семен Дашицеренов, 50-летний ротмистр Гавриил Сосоев, 46-летний хорунжий Федор Соломов, 47-летний есаул Алексей Бюрбеев. Все это привело к тому, что, несмотря на значительную разницу в количестве старшин по сравнению с 1783 г., средний возраст и социальный состав (в процентах) командного корпуса практически не изменились.

Сложившаяся ситуация требовала принятия решительных мер, и новый атаман Кирилл Баглюнов взялся за дело практически сразу после назначения. Он добился перевода из войска Кадомцева и обещания не назначать в войско представителей других национальностей. В 1803 г. по рекомендации Баглюнова была осуществлена реорганизация войска. Количество рот сокращено до 10, а в канцелярии упразднены бесполезные sineкуры типа войсковых хорунжих и есаула, придуманные в свое время для нойонов, чтобы они не попали в подчинение простолюдинам. Новый атаман «перетасовал» командный состав в ротах, продвинув в сотенные командиры 1-го ранга наиболее достойных, на его взгляд, старшин. Кроме того, Баглюнов стал жестко внедрять в практику последовательное прохождение всех ступенек карьерной лестницы. Теперь все калмыки, вне зависимости от знатности происхождения, должны были начинать службу рядовым, урядником или «писчиком». Назначения «минуя чин» были запрещены. Повышения осуществлялись только в следующий чин при обязательном наличии вакансий. При этом предпочтение отдавалось не знатным, а имеющим отличия по службе.

Благодаря этому к 1812 г. средний возраст офицеров в ротах стал более дифференцированным: сотенные командиры 1-го ранга стали заметно старше, а сотенные командиры 3-го ранга — заметно моложе. Продвижение не по знатности, а за отличия по службе привело к увеличению в командном корпусе доли простолюдинов и практически полному исчезновению неграмотных среди старшин. Слишком «пожилые» или юные офицеры стали исключением: в послужных списках 1812 г. только один есаул был в возрасте 50 лет, один сотник — 53 лет (притом, что он в урядники был произведен через 24 года службы и участвовал в прусском походе). Самые молодые

есаулы были в возрасте 30–32 лет (причем их произвели уже в походе из-за нехватки кадров), самые молодые сотники — 24 и 29 лет, самые молодые хорунжие — 24 и 26 лет. При этом почти все офицеры участвовали в походах, включая кампанию 1807 г. Урядники, две трети которых составляла молодежь в возрасте от 18 до 24 лет, фактически стали резервом для пополнения командного состава войска.

Баглюнов, стремясь к уравниванию ставропольцев с другими казачьими войсками, добился в 1803 г. присвоения армейских чинов всем зауряд-офицерам, что означало обретение ими статуса дворян. Впрочем, как и ранее ставропольские старшины (включая простолюдинов) оценили эти производства как почетное звание, а не сословную привилегию.

В 1807 г. Ставропольский полк во главе с Баглюновым участвовал в войне с французами. Это была не первая война в Европе, но впервые ставропольские офицеры были награждены орденами Российской империи. Однако по возвращении из похода начался конфликт, приведший к серьезному кризису. Три офицера самовольно покинули полк и подали жалобу в Петербург на атамана, обвинив в притеснениях, жадности и корыстолюбии. Еще три офицера были арестованы в самом полку. В итоге три есаула, один сотник и наиболее опытный и авторитетный урядник оказались под следствием, которое затянулось на долгие годы, даже несмотря на назначение нового атамана — Владимира Барышевского. Однако пока эти командиры не были осуждены, их должности считались занятыми, новые кандидатуры на эти вакансии назначать не разрешалось, в результате чего возросла служебная нагрузка на остальных офицеров.

Когда стала надвигаться новая война с Наполеоном, этот кризис еще больше обострился. В 1811 г. Ставропольский полк под командованием атамана вновь был отправлен на запад. Во время перехода произошло несколько конфликтов с местными жителями. Не особо разбираясь, военное руководство возложило вину на калмыков. Атаман и один из есаулов были отстранены от должности. Еще один есаул умер в пути, а еще один есаул (брат атамана) и хорунжий подали в отставку. Таким образом, из 10 есаулов четверо были отстранены от службы, еще двое остались в Ставрополе. В полку требовалось иметь

пять есаулов, поэтому в виде исключения квартирмейстер Михаил Бекков (11 лет выслуги, три похода, включая прусский) был назначен 11-м есаулом. Эти перипетии в походе привели к заметным передвижкам в штате полка и путанице. В результате в полку оказалось 5 есаулов (трое назначены в походе), 7 сотников (5 назначены в походе) и 4 хорунжих, повышенных из урядников в 1810–1811 гг.

В Ставрополе с половиной войска остались:

два есаула — опытный Иван Жимбаршиев (19 лет службы и 6 походов, включая прусский) и только что произведенный Иван Батырев (выслужившийся из канцеляристов и не участвовавший ни в одном походе);

два сотника — «штрафованный» Павел Анчуков и только что произведенный Григорий Дакбаев (еще два года назад служивший урядником);

пять хорунжих, произведенных в начале 1812 г.

Таким образом, нагрузка на оставшихся офицеров возросла многократно. В мае 1812 г. две сотни калмыков были отправлены на Макарьевскую ярмарку для охраны правопорядка, в августе сотню калмыков направили в Пензу для сопровождения ополчения, в сентябре — сотню в Симбирск с той же целью. В этих условиях руководству пришлось вернуть на службу атамана Барышевского и 4 арестованных есаулов.

В ходе войны 1812–1814 гг. воины Ставропольского полка многократно отличились. Из 17 офицеров-калмыков (без учета командира-грека) 10 получили армейские чины (еще 3 имели их до войны), 7 были награждены орденами Св. Анны 3-го класса (в том числе Василий Даржаев — дважды, по ошибке), 1 — также орденом Св. Владимира 4-й степ., а Даржаев получил монаршее благоволение. Характерно, что из 7 награжденных орденами только 1 был нойоном, 1 — зайсангом, 5 — простолюдинами. Неудивительно, что в послужных списках 1815 г. начинают преобладать офицеры, имеющие армейские чины, и кавалеры орденов Российской империи. Из 28 чиновников 14 имели армейский чин или орден: 4 из 5 высших чина канцелярии, 6 из 7 есаулов, 4 из 7 сотников, 1 из 9 хорунжих. Еще 1 хорунжий имел Знак отличия Военного ордена («солдатский Егорий»). Почти половина хорунжих получила свои чины во время войны, находясь на

внутренней службе, то есть во время кризиса с «нехваткой командиров». Все старшины (за исключением двух чиновников канцелярии) имели опыт военной, пограничной или внутренней службы.

Доля простолюдинов в командном корпусе войска по сравнению с 1812 г. выросла с 46 до 50 %. Среди них мы уже не видим аристократических фамилий Торгоутских, Хошеутовых, Анчуковых, лишь однажды встречается фамилия Дербетева. Заметно чаще упоминаются фамилии простолюдинов, прежде всего, Батыревых. В списках 1812 г. встречается шесть чиновников Батыревых: три брата Иванovichа (секретарь Софрон, переводчик Матвей и есаул Петр), есаул Иван Федорович (ни разу в походах не бывавший и с самого начала службы работавший в канцелярии) и два сына Петра Ивановича — хорунжий Иван и квартирмистр Петр.

Таким образом, командный корпус Ставропольского калмыцкого войска в последнюю четверть XVIII — начале XIX века пережил заметную эволюцию в социальном плане, превратившись из элитарного клуба для знати с элементами nepoтизма в профессиональную корпорацию, функционирующую по имперским стандартам. Вскоре после наполеоновских войн началась практика назначения войсковыми атаманами командиров, направленных извне.

После подавления пугачевского восстания численность ставропольцев продолжало сокращаться. Динамика населения ставропольских калмыков-мужчин в 1-й половине XIX в. приведена в таблице 2.4.

Таблица 2.4.

**Численность калмыков-казаков Ставропольского полка
в 1805–1840 гг.**

Год	Количество служащих	Всего мужчин (включая отставных и малолеток)
1805 г.	1030	2554
1810 г.	978	2303
1815 г.	787	1984
1820 г.	953	1960
1825 г.	891	1922
1830 г.	831	1797

1835 г.	770	1798
1840 г.	783	1749

Убыль населения в первые десятилетия XIX в. объясняется последствиями наполеоновских войн, особенно кампаний 1812–1814 гг., когда из 560 калмыков-казаков вернулась едва ли половина. В последующие годы, по мнению современников тех лет, сокращение населения объяснялось несоответствием *«между местностью и образом жизни»*, которое оказалось заметным препятствием *«в развитии народонаселения»*.

Ставропольские калмыки продолжали вести кочевой образ жизни. Количество домов, построенных в слободах, почти не увеличивалось, к тому же многие из них летом пустовали. На летовках у калмыков были построены так называемые лачуги, сильно напоминающие юрты: срубы без окон, дверей и печей, крытые соломой, и с дымовым отверстием над очагом (без трубы). Проживание в таких душных и сырых домах провоцировало распространение болезней, прежде всего, туберкулеза. В 1835 г. состоявший при оренбургском военном губернаторе для особых поручений полковник Н. А. Мансуров провел обследование Ставропольского полка. Помимо всего прочего он осуществил демографический анализ посемейной переписи. По данным этой переписи в 969 семьях родилось 3689 детей (то есть в среднем 3,8 детей на семью), однако из последних выжило лишь 1765 чел. (в среднем 1,8 детей на семью). Такие показатели не обеспечивали даже воспроизводства прежней численности ставропольских калмыков (даже без учета военных потерь и смертности взрослых от болезней). В результате в 1-й пол. XIX в. в войске пресекались такие знатные нойонские фамилии, как Анчуковы, Баглионовы, Болоткоевы, Дербетевы, Торгоутские. По данным анализа посемейной переписи Мансурова в 1835 г. в войске было 8 нойонов и 174 зайсанга, причем их образ жизни ничем не отличался от образа жизни простолюдинов.

Тем не менее политика по обоседлению калмыков стала давать плоды. Малые размеры наделов заметно препятствовали кочевому скотоводству, поэтому ставропольские калмыки были вынуждены продавать скот или уходить на заработки. В 1830-х гг. началось фор-

сированное освоение земледелия, а к началу 1840-х гг. большинство ставропольских калмыков обзавелись собственными домами в слободах (зимовниках). Судя по экономическим отчетам, у них стало сокращаться количество лошадей и овец, но увеличивается число коров, выгодных как при оседлом, так и при кочевом хозяйствах. Если в 1839 г. поголовье крупного рогатого скота составляло 4080 голов, то спустя пять лет — 5530 (больше, чем овец). Появились свиньи и домашняя птица, «о которых прежде не было и помина». В 1842 г. было засеяно 3 тыс. десятин калмыцких наделов, в основном арендаторами. К 1844 г. в аренду было сдано более одной трети калмыцкой земли. Если вспашка производилась в калмыцких хозяйствах, то почти наверняка наемными батраками. Благодаря земельной аренде у ставропольских калмыков с 1836 г. появился общественный капитал (до 200 тыс. рублей).

К концу 1830-х гг. Ставропольское войско имело следующие структуру и численность (см. табл. 2.5.).

Таблица 2.5.

Состав Ставропольского войска в 1836 г.

Рота	Улус	Дворов	Людей		
			мужского пола	женского пола	всего
Чекалинская	Подстепной	27	37	23	60
	Менкоев	24	44	46	90
	Колошнов	18	36	35	41
	Цагантугский	24	54	43	97
Ягодинская	Дубровинский	52	85	62	147
	Хапчинский	24	25	28	53
Сусканская	Сусканский	?	?	?	?
	Средний	30	92	87	179
	Черный	15	23	40	63
	Курумчинский	22	41	65	106
Красноярская	Сосновский	29	61	64	125
	Вислудубовский	25	49	50	99
	Солонцовский	31	74	66	140

Раковская	Хотонский	11	30	28	58
	Чесноковский	36	78	66	144
	Потапьевский	31	49	59	108
Кобельманская	Черный	40	79	70	149
	Средний	30	44	58	102
	Чесноковский	36	70	60	130
Предтеченская	Анчуковский	7	21	20	41
	Турдуевский	14	37	30	67
	Архипов	14	42	32	74
	Ашвановский	19	53	40	93
	Чистаев	31	53	52	105
	Тукшунский	12	30	30	60
Авралинская	Авралинский	40	100	106	206
Преображенская	Лузанов	16	?	?	?
	Цибиков	4	8	3	11
	Емелькин	13	27	20	47
	Улюмжиев	23	64	53	117
	Чедырев	20	40	46	86
Тенеевская	Тростянский	23	58	55	113
	Супоневский	22	46	43	89
	Черный	22	38	38	76
Всего		785	1588	1518	3076

К сожалению, данные имеются не по всем улусам, поэтому реально численность войска была немного выше.

Незначительные изменения произошли в войсковой канцелярии. Должности советников и квартирмистра были заменены должностями столоначальника и казначея. Восстановлена была должность командира полка, хотя атаман по-прежнему командовал полком в случае его выхода на службу в полном составе.

Следует заметить, что на всем протяжении существования Ставропольского калмыцкого войска с 1737 г. по 1842 г. почти все его население тайно продолжала исповедать буддизм, а на территории рот отправляли свои службы калмыцкие ламы. Помимо религиозных треб они обучали ставропольцев калмыцкой грамоте и основам рели-

гии, лечили больных лекарствами и методами тибетской медицины. Такие явления в войске официально считались вероотступничеством, за которое грозили тяжелые наказания. По этому направлению постоянно велся контроль, но, несмотря на это, ламы оказались хорошо законспирированы и не были обнаружены властями. Это выяснилось лишь в начале XX в., после выхода указа о веротерпимости, когда ставропольские калмыки находились уже в составе Оренбургского войска.

Вопросы к параграфу 2.3.

- 1. В чем причина сокращения численности ставропольских калмыков в последней четверти XVIII — 1-й пол. XIX вв.?*
- 2. Какая рота Ставропольского войска была ликвидирована в нач. XIX в.?*
- 3. Почему в командном составе Ставропольского войска возрастает доля простолудинов?*

§ 2.4. Ставропольские калмыки в войнах Российской империи

Помимо несения пограничной и полицейской службы ставропольские калмыки призывались также и для участия в войнах России: внешних и внутренних. Первый указ о призыве имел место весной 1749 г., когда Коллегия иностранных дел постановила сформировать 5-тысячное иррегулярное войско: 4 тыс. донских казаков, 800 «ханских калмыков» (то есть из Калмыцкого ханства), 200 ставропольских калмыков. Однако их выступление не состоялось. К сожалению, до сих пор неясно, куда они должны были выступить. Известно, что в этот период крупные иррегулярные контингенты (в том числе донских казаков и калмыков) направлялись в два района: в Лифляндию и Западный Прикаспий (Низовой корпус).

При подготовке призыва ставропольцев в 1749 г. губернатор И. И. Неплюев обратил внимание на отсутствие у них огнестрельного оружия и предложил Коллегии иностранных дел исправить этот недостаток за счет государства. После нескольких месяцев раздумий ставропольским калмыкам решили отдать арсенал огнестрельного оружия, отобранного у ойратов, пересекавших российскую границу. По реестру Коллегии им передали: 90 ружейных стволов, 29 пищалей, фузей, сложных турок, 4 пистолета и 2 пистолетных ствола. Качество этих разнокалиберных стволов, которые *«многие годы ржавеют»* в арсеналах, по всей видимости, оказалось крайне низким. Впрочем, за несколько лет ставропольцы изыскали возможности для вооружения огнестрельным оружием. Уже в 1755 г., когда 500 калмыков под командованием судьи Павла Торгоутского выступили на подавление «соляного» бунта башкир, они имели на вооружении 430 ружей, по фунту (около 410 г) пороха и фунту свинца на каждое. При этом в походе ставропольцы получали все положенное им жалование и провиант. Сначала калмыки прибыли в Уфу, а после начала второго этапа восстания, разгоревшегося вокруг Исетского тракта, перешли ближе к Оренбургу. 200 калмыков под командованием поручика Луцкого (позже замененного на калмыцкого ротмистра Хашху) были направлены на Орскую дистанцию и повернули домой 1 декабря аж с Воскресенского завода. 300 калмыков под руководством Торгоутского и майора Амочкина закончили свою службу 23 ноября в крепости Переволоцкой к западу от Оренбурга.

В 1753 г. 500 ставропольских калмыков вместе с 2 тыс. ханских калмыков были отправлены на службу в Лифляндию.

21 мая 1756 г. Правительствующий сенат по предложению оренбургского губернатора И. И. Неплюева, поддержанного Военной коллегией, пожаловал Ставропольскому калмыцкому войску войсковое знамя: «с изображением... крепости Ставропольской, и над ней крест в сиянии, а по сторонам их нерегулярной арматуры (т.е. орнамента иррегулярных войск. — У. О.)», и 8 сотенных (ротных) значков.

С началом Семилетней войны ставропольские калмыки впервые приняли участие в боях с регулярной армией, причем на тот момент являвшейся лучшей в Европе — великолепно вымуштрованными прусскими войсками Фридриха Великого.

По прибытии в армию С. Ф. Апраксина Ставропольский пятисотенный полк был включен в состав одного из передовых отрядов, которые первыми пересекли прусскую границу. Легкая конница, действуя в отрыве от основных сил, вела активную разведку и диверсии, в ходе которых они рассеяли конные отряды противника. Например, ставропольские калмыки отличились в сражении под Пиллау, в том числе и Ф. И. Дербетев — будущий вождь пугачевских повстанцев. Население Восточной Пруссии, деморализованное слухами об «ужасных казаках и калмыках», покидало города, в том числе Инстербург, где 4 августа 1757 г. было принято решение о движении российской армии вдоль Прегеля. Ставропольский полк вошел в состав авангардного 3-тысячного отряда иррегулярной конницы Костюрина, состоявшего из донских казаков, ставропольских калмыков, казанских татар и башкир и наступавшего по правому (северному) берегу Прегеля. Пройдет немногим более полувека, и ставропольские калмыки снова будут сражаться в этих же самых местах с еще более грозным противником — Великой армией Наполеона.

7 августа после подхода еще одной дивизии состав авангардных отрядов был перекомплектован. Ставропольский полк вошел в состав отряда донского походного атамана бригадира Ф. И. Краснощекова (4,5 тыс. казаков), который прикрывал развертывание армии С. Ф. Апраксина с севера. Вскоре командование вновь произвело перераспределение сил и сформировало три отдельные дивизии и

авангард. Ставропольские калмыки были включены в 3-ю дивизию генерал-поручика Ю. Ю. Броуна (ирландца Джорджа Брауна), в составе которой они приняли участие в основных сражениях кампании 1757 г. 15 августа командующий прусской армией в Восточной Пруссии фельдмаршал Х. фон Левальд пытался произвести разведку крупными силами конницы, в первую очередь, на участке правофланговой 3-й дивизии, но в серии стычек пруссаки были отброшены казаками и калмыками. Следует отметить, что Апраксин не стал проводить разведки, хотя имел для этого большие массы иррегулярной конницы, поэтому о положении и движении прусских войск он имел весьма смутное представление, что вскоре поставило его в крайне сложное положение.

Фон Левальд решил атаковать ранним утром 19 августа лагерь армии С. Ф. Апраксина, который, в свою очередь, наконец решился выступить к Гросс-Егерсдорфу. Пруссаки за счет внезапности заняли более лучшую позицию и первоначально добились немалых успехов, особенно на левом фланге, атаковав 2-ю дивизию генерал-аншефа В. А. Лопухина. Некоторых успехов Левальд достиг и на правом фланге, когда гусарские полки и 30 драгунских эскадронов Шорлемера, сбив передовые отряды 3-й дивизии, обрушились на бригаду Н. М. Леонтьева. Тем не менее, российским войскам удалось удерживать позиции, а затем внезапным ударом разорвать фронт пруссаков, в результате чего противник в панике бежал с поля боя. Свой вклад в победу внесли и ставропольские калмыки. За 3 месяца боев полк получил 9 рублей на бойца *«не в зачет жалованья»*. Позже Апраксин писал: *«Я обойтись не могу об отменной храбрости сразившихся казаков, калмыков и гусар не донести»*. Вся Восточная Пруссия оказалась беззащитной перед российской армией, но вскоре С. Ф. Апраксин узнал о тяжелой болезни императрицы Елизаветы и, опасаясь скорого восшествия на престол наследника Петра III — известного германофила, остановил победное шествие российской армии и бежал обратно в Россию.

Новый главнокомандующий В. В. Фермор был сторонником «правильной» войны и перед кампанией 1758 г. отправил домой большую часть иррегулярной конницы, в том числе и Ставропольский полк.

Все это время ставропольские калмыки ежегодно направляли отряды на пограничную службу на Оренбургскую линию, причем общая численность зачастую могла превышать цифру в 300 воинов, определенную Положением 1745 г. Например, в 1769–1770 гг. на границу послали 1020 ставропольских калмыков, причем с этого времени разрешили привлекать на эту службу джунгарских калмыков из числа наиболее преданных новому отечеству. При этом направлять на линию калмыков, побывавших в казахском плену, запрещалось. Помимо пограничной службы, ставропольцы привлекались к полицейской службе и подавлению восстаний местного населения. Например, в 1767 г. группа калмыков по требованию казанского гражданского губернатора была направлена в Симбирский уезд против бунтовавших крестьян. В 1772 г. 600 ставропольских калмыков в составе 5-тысячного корпуса генерал-майора Ф. Ю. Фреймана участвовали в подавлении восстания яицких казаков.

После пугачевского восстания ставропольцев на некоторое время перестали призывать на Оренбургскую линию из-за сильного разорения. Однако в 1779 г. их пограничная служба возобновилась. Кроме того, калмыки по-прежнему использовались на полицейской службе. Например, в 1781 г. для борьбы с местными шайками в Бугульминском ведомстве был выслан отряд из 50 воинов во главе с есаулом В. Н. Дербетевым. В начале XIX века ставропольцы стали направлять команды для охраны общественного порядка на Макарьевской ярмарке.

В 1790 г. ставропольские калмыки вновь приняли участие в боевых действиях на западной границе: в русско-шведской войне 1788–1790 гг. В составе 3-тысячного иррегулярного отряда, направленного из Оренбургской губернии в Финляндию, числились 1000 башкир (1-й и 4-й башкирские полки), 500 мишарей (1-й мишарский полк) и 150 ставропольских калмыков. Последними командовал поручик Осип Улин. Из офицеров-калмыков в боевых действиях со шведами участвовал Кирилл Баглюнов, произведенный в подпоручики. После заключения Верельского мирного договора оренбургский отряд был переброшен в Двинскую армию, в составе которой нес службу до октября 1792 г.

К сожалению, официальных документов до 1803 г., касающихся одежды и вооружения войска, обнаружить не удалось. Существует цветная акварель неизвестного художника, на которой, по мнению С. Е. Калинина, изображен воин в мундире Ставропольского калмыцкого войска XVIII века: *«На этом рисунке калмык одет в тёмно-синий чекмень с красной выпушкой по воротнику и перепоясан красным кушаком. Шаровары из-под чекменя не видны. Шапка казачьего образца красная с чёрным околышем. Чепрак и чулки зелёные с красной обкладкой. Древяк пики зелёного и красного цветов, флюгер двух цветов: сверху красного, внизу зелёного».*

В 1803 г. с уравнием Ставропольского полка с другими казачьими войсками была осуществлена унификация обмундирования и вооружения. Ставропольские калмыки получили форму, подобную той, что имелась у донских казаков. При этом указывалось, что нижних чинов *«к построению новых мундиров не принуждать, а делать их тогда, когда придёт в ветхость нынешнее их одяние».* Вот описание обмундирования ставропольских калмыков, сделанное С. Е. Калининым: *«Рядовым калмыкам — кафтан и полукафтан общего казачьего покроя из тёмно-синего сукна, застёгивавшиеся на груди на крючки. Воротник красный стоячий скошенный спереди; обшлага тёмно-синие с красной выпушкой. Галстук чёрный. Кушак чёрный. Шаровары тёмно-синие широкие, на выпуск, с однорядной красной выкладкой (лампасом) вдоль боковых швов. Шапка из чёрной смушки высотой 5 вершков (22,25 см) с красным суконным шлыком, свисавшим на правую сторону; с кожаным подбородным ремнём. При парадной форме к шапке полагались белые нитяные шнуры с кистями и султан (носился с левой стороны) из белых, а к корню из чёрных и оранжевых перьев. Сапоги короткие, без шпор. Портупея, лядунка и лядуночная перевязь были из чёрной кожи. Вооружение — пика с чёрным древяком и флюгером, имевшим верх красный, низ чёрный, темляк в виде ремня из красной юфти с кистью на конце; сабля произвольной формы с темляком из красной юфти с красной кожаной кисточкой на конце; пара пистолетов, носившихся в ольстрах или в кобурах на поясе, и карабин. Конское снаряжение — казачьего образца, чепрак и подушка тёмно-синие, с красной обкладкой по краю.*

Урядникам — то же, что и рядовым, но со следующими отличиями: шнуры и кисти на шапке белые с примесью оранжевых и чёрных нитей; султан белый с верхом из оранжевых и чёрных перьев; с прибивными к каблукам шпорами. Вооружение состояло из сабли произвольной формы; пары пистолетов, помещавшихся в ольстрах или в кобурах на поясе.

Офицерам — такое же обмундирование, как у нижних чинов, но со следующими отличиями: шнуры и кисти на шапке серебряные; султан из белых, а к корню из чёрных и оранжевых перьев; сапоги с привинчивающимися шпорами. Поясная портупея, лядунка и лядуночная перевязь из чёрной кожи, украшенная серебряными бляхами и цепочками. Вооружение состояло из сабли произвольной формы и пары пистолетов, помещавшихся в ольстрах. Темляк на эфесе сабли из чёрной тесьмы с серебряной прострочкой по краям; кисть плоская серебряная, с канителью и с примесью чёрного и оранжевого шёлка в середине. Чепрак как у нижних чинов, но с серебряной обкладкой по краю.

До 1827 года никаких постановлений относительно обмундирования Ставропольского калмыцкого полка обнаружить не удалось, но можно с большой степенью достоверности предположить, что полк заимствовал изменения в обмундировании, которые происходили в Оренбургском неперменном казачьем полку.

В 1809 г. офицерам на чекмени и куртки даны, на оба плеча, серебряные шнуры, свитые вдвое, на подобии жгута, а нижним чинам даны погоны из тёмно-синего сукна с красной выпушкой. Перьевые султаны как у офицеров, так и у нижних чинов заменены белыми, волосяными: у офицеров и рядовых с чёрным и оранжевым к корню, а у урядников с чёрным и оранжевым верхом. Шнуры на шапках заменены этишкетамы такой же формы, как в регулярных войсках: у рядовых белый, у урядников белый с кисточками оранжевого, чёрного и белого цветов, у офицеров серебряный.

4 февраля 1811 г. введён остриженный волосяной султан на проволочной основе высотой 9,5 вершков (42,28 см), шириной у основания 1 вершок (4,45 см), вверху — 2,25 вершка (10,01 см). Султаны рядовых и офицеров были белые, а к корню чёрные с оранжевым; у урядников султан с чёрным верхом.

В начале 1812 г. вместо высокого скошенного воротника введён низкий и прямой, застёгивавшийся на крючки и петли. С этого же времени урядникам повелено иметь серебряный галун на воротнике и обшлагах».

Была произведена и унификация вооружения, в первую очередь, огнестрельного. Например, в феврале 1805 г. правление Тульского оружейного завода сообщило, что вольные тульские оружейники Роман и Федор Гнидины, Андрей и Егор Вешняковы *«подрядились сделать из собственных своих материалов для Ставропольского калмыцкого полку»* большую партию оружия по заказу есаула Якова Тандукатаева и сотника Дмитрия Барышевского 2-го (оба армии прапорщики). Тульским мастерам ставропольцы заказали: 634 ружья *«на вид гусарских карабинов с крючками железными, шемполами, трещетками, пыжевниками и погоны с кольцами»*; переделку 108 старых карабинов по новому образцу; 542 пары *«пистолет на вид гусарских с приборниками»*; 500 железных шомполов для пистолетов; 31 пару офицерских пистолетов *«в ареховых ложках с железным прибором и деревянным шемполом»*; 1042 отвертки; 10 форм для литья пуль; 500 *«дротиков казацких»*; 517 *«казацких сабель»*; переделку 85 старых сабель; 190 *«гусарских крюков»*.

В 1805 г. началась война, открывшая череду конфликтов России с наполеоновской Францией. Российское командование поначалу недоценило значение иррегулярной конницы и направило в Австрию всего 10 Донских казачьих полков. Нехватка легкой конницы не позволила командованию российской армии организовать плотную завесу прикрытия и вскрыть все передвижения противника, что сыграло свою роль в проигрыше войне третьей коалиции. Однако Россия сразу же включилась в создание четвертой коалиции. В кампании 1806 г. в составе российской армии было уже 14 Донских полков (в том числе 8 — в казачьем корпусе М. И. Платова). Осознав значение и полезность иррегулярной конницы, командование стало активно ее усиливать: в армию было вызвано еще 14 Донских полков, а в ноябре 1806 г. вышли указы о наборе 10 Башкирских, Тептярского, 10 Калмыцких, Ставропольского, 2 Уральских и 2 Оренбургских казачьих полков.

Ставропольский полк во главе с атаманом майором К. К. Баглюновым уже 18 декабря 1806 г. выступил в поход. 24 мая 1807 г. полк вместе с двумя Башкирскими полками прибыл в армию Л. Л. Беннигсена. В одном из документов, хранящихся в РГВИА, в числе других офицеров, награжденных за Гейльсберг и Фридланд, указаны и воины Ставропольского калмыцкого полка, однако в описаниях сражений национальные полки не упоминались. После разгрома при Фридланде армия Беннигсена начала отходить, прикрываясь корпусами П. И. Багратиона и М. И. Платова. В состав последнего 4 июня влились Ставропольский калмыцкий, 1-й и 2-й Башкирские полки, которые в тот же день приняли участие в сражении под Велаяу. Башкиры засыпали противника стрелами, а затем конники обрушились на французов копейной атакой. 31 июля, после заключения мира башкирские и Ставропольский полк направились домой. Атаман майор К. К. Баглюнов, полковой командир прапорщик И. М. Анчуков и есаул В. Ф. Барышевский были награждены орденами Св. Анны 3-го класса. Сведений о других награждениях в Ставропольском полку у нас нет и, скорее всего, учитывая короткий срок командировки, их и не было.

К следующей войне с Наполеоном Российская империя готовилась заранее. Ставропольский калмыцкий полк был мобилизован по указу от 7 апреля 1811 г., и уже 25 мая выступил в Серпухов. В его составе насчитывалось 578 бойцов, в том числе 17 офицеров (командир, квартирмейстер, по 5 есаулов, сотников и хорунжих), 20 урядников, 1 писарь, 540 рядовых. Сначала полком командовал атаман подпоручик В. Ф. Барышевский 1-й (ветеран кампании 1807 г.). Однако в пути произошла потрава лугов. Вины атамана в этом не было, но М. Б. Барклай-де-Толли, не дожидаясь результатов расследования, отстранил Барышевского и зауряд-есаула прапорщика А. А. Лузанова. 3 августа 1811 г. новым командиром полка стал капитан П. И. Димидий, грек по национальности.

К тому времени Ставропольский полк испытывал серьезные трудности с подбором командного состава. Три есаула и один сотник находились под следствием еще с 1807 г., но до его окончания их вакансии занимать было нельзя. Отстранение есаула Лузанова, смерть есаула Габунова и увольнение есаула Барышевского 2-го (брата ата-

мана) создали дефицит командных кадров. В Ставрополе остался всего один опытный есаул и один опытный сотник, которым пришлось нести все тяготы пограничной и внутренней службы. Все остальные офицеры, включая хорунжих, были произведены из урядников или канцеляристов в 1810–1812 гг. Поэтому командование стало заполнять вакансии путем повышения служащих в полку ветеранов. В результате почти все сотники в походе были произведены в есаулы, почти все хорунжие — в сотники, а новых хорунжих назначили из числа урядников.

К началу войны 1812–1814 гг. Ставропольский полк имел следующий командный состав:

полковой командир — капитан Павел Диомидий;

зауряд-есаулы — Андрей Баглюнов, Яков Тандукатаев (оба — армии прапорщики с 1803 г.), Василий Даржаев, Николай Дандаров, Михаил Беков (последние трое произведены в есаулы уже в походе);

зауряд-сотники Сидор Харчисов (армии прапорщик с 1803 г.), Григорий Ильцхаев, Степан Медечиев, Иван Харабатаров, Федор Шарапов, Василий Лекбедондоков, Герасим Соломов (последние пятеро были произведены уже в походе: трое — 28 августа 1811 г. и двое — 8 февраля 1812 г.);

зауряд-хорунжие Прокофий Нармаев, Потап Зундуев, Трофим Бюргетов, Иван Батырев 4-й (первые двое были произведены 9 мая 1810 г., а последние двое — уже в походе, 28 августа 1811 г.).

В марте 1812 г. Ставропольский полк был направлен из Московской губернии в 1-ю Западную армию М. Б. Баркляя-де-Толли, где поступил в состав казачьего корпуса М. И. Платова. На военную службу полк прибыл без своих знамен, которые в период пугачевщины пришли в негодность. Атаман Платов приказал изготовить для ставропольцев одно полковое знамя и семь хоругвей белого, зелёного, голубого, жёлтого, алого цветов с изображением по обеим сторонам различных святых: Георгия Победоносца, апостолов Петра и Павла, архангела Михаила, Святой Троицы, Христа Спасителя и Божьей Матери и др.

Начало войны Ставропольский полк встретил на берегу Немана. Вместе с корпусом Платова, временно переданного во 2-ю армию,

полк участвовал в боях 16 июня у д. Лососня, 21 июня — у д. Закревщицна, 27 и 28 июня — у м. Мир. В первый день боев под Миром 2,5 казачьих и 3 национальных (в том числе Ставропольский) полка Платова разбили 29-ю (польскую) легкую кавалерийскую бригаду Казимира Турно. На следующий день к полю боя подошли еще бóльшие силы, но к вечеру Платов вновь разбил поляков, на сей раз 4-ю легкую кавалерийскую дивизию А. Рожнецкого, потерявшую почти треть своего состава. Это была первая победа в Отечественной войне 1812 г., и командование в наградах не скупилось. Багратион назначил в сотню каждого полка, участвовавшего в сражении 27 июня, по 3 Знака отличия Военного ордена, а в сотню каждого полка, участвовавшего в сражении 28 июня, — по 4 Знака отличия. Теоретически Ставропольскому полку полагалось 35 «солдатских Георгиев», но он так и не получил их. Награды офицерам до полка хоть и с опозданием, но дошли: Диомидий был произведен в следующий чин (но узнал об этом, когда уже был майором, поэтому 28 января 1813 г. он стал подполковником), зауряд-есаулы Даржаев, Дандаров, зауряд-сотники Лекбедондоков, Медечиев и Соломов получили действительный чин хорунжего.

Тем временем, Барклай-де-Толли, сильно нуждавшийся в иррегулярной коннице, приказал Багратиону вернуть корпус Платова. 17 июля казаки, пройдя под самым носом французов, присоединились к 1-й армии.

21 июля Ставропольский полк в составе бригады И. Д. Иловайского 4-го был включен в летучий корпус генерал-майора Ф. Ф. Винцингероде, в составе которого сражался почти до конца кампании 1812 г. 27 июля в ходе боя за Велиж полк Диомидия атаковал итальянских конных егерей и далматинских вольтижеров со стороны Витебска и *«неожиданным нападением привел неприятеля в расстройство»*. Затем корпус Винцингероде действовал на коммуникациях противника между Витебском и Смоленском, а с 13 по 30 августа — в окрестностях городов Белый и Руза, осуществляя разведку, срывая фуражировку противника, захватив сотни пленных. Для борьбы с ним Наполеон направил значительные силы, в том числе 15-ю итальянскую дивизию Доменико Пино. Благодаря этому последняя на день опоздала

к «Битве у Москвы-реки». Таким образом, ставропольские калмыки, не участвуя в Бородинском сражении, внесли свой посильный вклад в эту битву.

31 августа полк в составе корпуса Винцингероде сражался с авангардом 4-го армейского корпуса вице-короля Е. Богарне при Звенигороде, а затем до 3 сентября — в стычках на подступах к Москве. За отличия в боях от Велижа до Звенигорода 18 ставропольцев были награждены Знаками отличия Военного ордена. Зауряд-сотник хорунжий Медечиев был награжден Анненским оружием (единственный орден, полученный ставропольцами за кампанию 1812 г.), а зауряд-сотники Ильцхаев и Шарапов получили XIV класс по «Табели о рангах».

После оставления Москвы корпус Винцингероде прикрывал северное направление на Петербург и Ярославль, при этом *«полк калмыков»* находился *«на дороге из Клина в Дмитров»*. Одновременно с этим в окрестности Москвы направлялись конные партии, которые вели налеты на вражеские обозы, фуражиров и мародеров. 25 сентября «летучий корпус» имел стычки с 13-й дивизией А. Ж. Дельзона, а в ночь с 1 на 2 октября Винцингероде, узнав об отходе Дельзона из Дмитрова, с лейб-казачьим и Ставропольским калмыцким полками, двумя эскадронами драгунов и двумя эскадронами гусаров атаковал неприятеля и захватил более 100 повозок обоза и 38 пленных. Через 2 дня Ставропольский полк был направлен в Волоколамск, а затем в ходе серии стычек очистил от противника Рузу. 9 октября Винцингероде выехал на переговоры в Москву, во время которых был захвачен в плен. Новым командующим «летучего корпуса» стал генерал-майор П. В. Голенищев-Кутузов (племянник главнокомандующего).

12 октября ставропольцы в составе авангарда В. Д. Иловайского 12-го были направлены через Гжатск и Духовщину для преследования неприятеля, нависая над наполеоновской армией с севера. В ходе преследования Ставропольский полк участвовал в непрерывных стычках с врагом, в том числе 27 октября близ Духовщины (с 4-м корпусом Е. Богарне). В ходе этого боя вице-королю пришлось бросить застрявший на переправе через р. Вопь обоз и 87 орудий. За бои с 9 октября по 8 ноября 1812 г. Голенищев-Кутузов представил к Знаку

отличия Военного ордена урядника Андрияна Шармакова, который *«находясь во многих сражениях, всегда впереди охотником, действовал отлично, очень храбро и неустрашимо, чем самым подавал пример своим сотоварищам»*. 20 марта 1813 г. управляющий Военным министерством А. И. Горчаков сообщил Голенищеву-Кутузову, что император утвердил это представление, но к тому времени Ставропольский полк действовал в другом соединении, и награда не нашла своего героя.

В начале ноября полк Диомидия в составе бригады Иловайского 12-го был направлен в группу корпусов П. Х. Витгенштейна. Главная армия, в течение долгого времени преследовавшая Наполеона, нуждалась в отдыхе, поэтому преследование остатков противника возложили на более «свежие» войска П. В. Чичагова и П. Х. Витгенштейна, которых усилили летучими корпусами М. И. Платова и П. В. Голенищева-Кутузова. В период с 17 по 28 ноября калмыки в авангарде Витгенштейна преследовали остатки баварских войск генерала К. Ф. Вреде. В одном из боев под Вильно ставропольцы разгромили большую колонну, захватив в плен 7 офицеров и 120 нижних чинов. Генерал-майор Ф. В. Ридигер представил к наградам капитана Диомидия (к ордену Св. Владимира 4-й степени) и зауряд-есаула (хорунжего) Дандарова, но эти представления не были реализованы. С 29 ноября по 4 декабря полк Диомидия преследовал французов по дороге из Вильно в Ковно и далее до Немана, к началу декабря в составе авангарда генерал-майора Д. Д. Шепелева вышел к границе, а уже 14 декабря в составе отряда Голенищева-Кутузова участвовал в бою с войсками маршала Э. Ж. Макдональда у Тильзита. 22 декабря Ставропольский полк пересек границу, а 26 — вошел в Тильзит. 16 декабря 1812 г. капитан Диомидий был произведен в майоры (через месяц, как уже говорилось выше, он стал подполковником за отличия, показанные полгода назад).

Заграничный поход Ставропольский полк начал с нехарактерного для иррегулярной конницы занятия — блокады крепостей: с 4 января по 2 февраля 1813 г. в составе корпуса Ф. Ф. Левиза он участвовал в осаде Данцига, 20 февраля в составе авангарда Г. Н. Репнина вошел в Берлин, с 1 марта в составе отряда Б. Б. Гельфрейха участвовал

в блокаде Кюстрина, а 24 марта был переведен в отряд Э. Ф. де Сен-При, блокировавшего крепость Глогау.

Лишь весной 1813 г. полк Диомидия вернулся в Главную армию Витгенштейна. Калмыки смогли заняться более привычными занятиями: лихими налетами и действиями в авангарде и арьергарде. С 20 апреля по 22 мая полк Диомидия был в отряде генерал-майора Г. А. Эммануэля корпуса генерала от инфантерии М. А. Милорадовича. 20 апреля Наполеон выиграл генеральную битву при Люцене, в которой корпус Милорадовича не участвовал, но в наградных документах офицеров Ставропольского полка обозначено их участие в битве под Люценом в составе отряда Эммануэля. Главная армия начала отход на укрепленные позиции за Шпрее под прикрытием арьергарда Милорадовича. В ходе отступления ставропольцы участвовали в боях 29 апреля при Вейссиге, 30 апреля у Штольпена, 6 мая при Нейкирхене. 11 нижних чинов были представлены к Знакам отличия Военного ордена, но лишь три младших урядника получили эту награду.

8–9 мая произошло генеральное сражение под Бауценом, вновь выигранное Наполеоном. Левофланговому корпусу Милорадовича пришлось два дня отражать сильные атаки корпусов Н. Ш. Удино и О. Ф. Мармона. Отряд Эммануэля, прикрывавший левый фланг Милорадовича, неоднократно ходил в контратаки против вражеской конницы. В ходе одной из атак группа из 14 калмыков уничтожила 24 солдата неприятеля, а 52 (в том числе 2 офицеров) — взяла в плен. По итогам сражения 24 ставропольца были награждены Знаками отличия Военного ордена: 10 — за бой 8 мая, 14 — за бой 9 мая. Главной армии, которую теперь возглавил Барклай-де-Толли, вновь пришлось отступать, при этом необходимо было форсировать ряд рек. Ставропольцы вновь сражались в арьергарде, прикрывая сложный марш, в том числе на переправе через Нейсе 11 мая у Радмерица, 14 мая при Лаубане, 18, 19 и 20 мая у г. Яуэр. 19 ставропольцев были представлены Эммануэлем к награждению Знаками отличия Военного ордена, но они их так и не получили (часть представленных оказалась награждена за другие бои).

По итогам всей серии боев четыре старших урядника были представлены к наградам, но двое из них уже имели «Георгиевские кре-

сты», поэтому наградили только Андрияна Шармакова (не знавшего о своем награждении за бои осенью 1812 г.) и Лавра Анчукова. Всего за бои весной 1813 г. в Ставропольском полку Знаками отличия были награждены 29 человек. Следует отметить, что эти 29 крестов прислали уже после окончания войны — 27 июня 1814 г., причем не по именному списку, а на весь полк. Ответ Диомидия старшему адъютанту 1-го корпуса подполковнику Яковлеву с приложением списка награжденных и номеров наград датирован 10 ноября 1814 г. Видимо те, кто был представлен в мае 1813 г., но не награжден, погибли или умерли (в документах эти фамилии более не встречаются), а их награды передали другим отличившимся. Что касается офицеров, то представления на них по итогам впечатляющей серии боев Витгенштейн утвердил без изменений. Диомидий был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, зауряд-есаулы (и хорунжие) Даржаев и Дандаров, хорунжий Шарапов, чиновники XIV класса зауряд-есаул Беков и зауряд-сотник Ильцхаев — орденами Св. Анны 3-го класса.

В июле 1813 г. в период Плейвицкого перемирия Ставропольский полк был включен в состав корпуса А. Ф. Ланжерона Силезской армии Г. Л. Блюхера. К началу августа полк, не имевший пополнений в течение всей войны, имел в своем составе 11 обер-офицеров, 18 урядников, 320 казаков и 380 лошадей. После завершения перемирия Наполеон, стремясь разбить союзников по частям, обрушил все силы на армию Блюхера, которой пришлось отступать. Иррегулярная конница вновь сыграла большую роль в прикрытии отхода. С 6 августа по 3 сентября (до своего ранения) подполковник П. И. Диомидий командовал казачьей бригадой, а временно командующим Ставропольским полком стал есаул В. А. Даржаев. В составе летучего отряда генерал-майора П. С. Кайсарова калмыки 6, 8, 9 и 11 августа принимали участие в боях под Леном. За проявленную храбрость и мужество в этих боях есаул Василий Даржаев был повторно (по ошибке) награжден орденом Св. Анны 3-го класса, а урядник Федор Кёдесенов произведен в хорунжие.

Тем временем Наполеон, поняв бесперспективность преследования Блюхера, отошел с гвардией и несколькими корпусами в Саксонию, оставив против Силезской армии Бобрскую армию маршала

Э. Ж. Макдональда. С 13 по 16 августа ставропольцы участвовали в бою при м. Гиршберг и стычках при переправе противника через р. Бобр. 14 августа Блюхер в битве на Кацбахе наголову разбил неприятеля, а затем организовал активное преследование армии Макдональда. С 28 августа по 1 сентября полк Даржаева сражался при Лебау и Хохкирхене, 3 сентября — при Пуцкау. За отличия в боях в Силезии в августе–сентябре 1813 г. генерал Ланжерон с разрешения Блюхера наградил Знаками отличия урядника Андрияна Шармакова (№ 36093) и казака Василия Егемелова (Эмгенова, № 36094), которые 10 ноября 1814 г. получили аналогичные награды за весенние бои (хотя повторные награждения одними и теми же наградами в то время не разрешались).

После поражений у Гросс-Беерена, Кульма и на Кацбахе Наполеон все свои силы сконцентрировал вокруг Дрездена. Союзники приняли решение обойти его и перерезать в Лейпциге основную коммуникационную линию, связывающую Дрезден с Францией. Богемская и Польская армии начали обход с юга, а Силезская армия должна была соединиться с Северной армией и обойти Наполеона с севера. Во время марш-маневра на левом фланге Силезской армии была выстроена кавалерийская завеса против разведывательных поисков и набегов вражеской кавалерии. В составе этой завесы был и Ставропольский полк, который в период с 21 по 28 сентября числился в кавалерийском корпусе барона Ф. К. Корфа и был командирован с летучим отрядом Д. М. Юзефовича по дороге к Торгау. 22 сентября полк участвовал в бою при Доличе и захвате редута, 23 сентября — в боях у Пидны, Цинны, Заптица и захвате еще трех редутов, 26 сентября сражался при Кельчау, под стенами крепости Торгау, при занятии Эйленбурга, 27 сентября — у Шильды. Бои были весьма тяжелыми. Например, в ходе боя у Шильды 4 драгунских и 1 калмыцкий полк сражались с 10 кавалерийскими (в том числе 2 карабинерными и 4 кирасирскими) полками из 2-го кавалерийского корпуса О. Ф. Себастьяни и нанесли им поражение. Кавалерийская завеса справилась со своей задачей и обеспечила движение Силезской и Северной армий к Лейпцигу. За отличия в этом рейде Ланжерон в январе 1814 г. представил сотника Медечиева к званию есаула, а урядника Шарма-

кова, который «*в аванпостях и в ударах был примером храбрости и деятельности*» (и уже трижды по ошибке награжденного «солдатскими Егориями»), — к званию хорунжего. Однако представление на Медечиева было отклонено Барклаем-де-Толли 8 апреля 1814 г. с незаслуженно резкой резолюцией «*Пустое дело оставить без уважения*».

4–7 октября ставропольцы сражались в «Битве народов» под Лейпцигом, действуя в составе корпуса Ланжерона на северном направлении, однако какие-либо подробности их участия неизвестны, кроме того, что весь состав полка показал «*пример служения воинскому долгу*». Не удалось пока найти и сведения об их награждениях за участие в «Битве народов», за исключением рядового И. И. Байжихаева, получившего Знак отличия Военного ордена.

После сражения при Лейпциге полк преследовал французов до Рейна. Наполеон, вернувшись во Францию, развернул большую часть своих сил вдоль Рейна, пытаясь выиграть время для набора новых войск. Ключевым узлом обороны участка 4-го корпуса Ш. А. Морана стала крепость Майнц, осаду которой поручили корпусу Ланжерона. С 24 декабря 1813 г. в блокаде Кастеля и Майнца участвовал и Ставропольский полк Даржаева (в составе казачьей бригады Диомидия). Однако Блюхер полагал, что отвлекать корпуса ветеранов на осаду крепостей бессмысленно, и заменил корпус Ланжерона на более слабый 5-й Германский корпус Ф.Э. Саксен-Кобургского, усилив его казачьей бригадой Диомидия. Гарнизон Майнца почти вдвое превосходил осаждающих, и в этих условиях роль конницы, способной быстро перемещаться вдоль ретраншементов, оказалась весьма заметной. Майнц сдался лишь 11 апреля 1814 г. (уже после отречения Наполеона и завершения войны). По итогам блокады командир полка есаул В. А. Даржаев был удостоен монаршего благоволения (вид награды того времени), а хорунжий И. П. Батырев — награжден орденом Св. Анны 3-го класса.

Еще одним ставропольцем, награжденным за кампанию 1814 г., стал сотник С. А. Медечиев, который был назначен адъютантом командира кавалерийского корпуса барона Ф. К. Корфа. 23 февраля он участвовал в сражении при Краоне, а 13 марта отличился в сражении

у Фер-Шампенуаза, за что и был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

Сведений о выбывших офицерах у нас нет, но в ведомостях по итогам кампании 1812 г. указано, что убитых офицеров не было (трое получили ранения). В сохранившихся месячных рапортах между мартом и июнем 1813 г. исчезает зауряд-хорунжий Бюргетов, которого уже летом сменил повышенный из урядников Кёдесенов. В августе 1813 г. прапорщик Баглюнов был направлен в вагенбург и на службу обратно не вернулся. В 1814 г. из списков офицеров исчезли прапорщики Тандукатаев, Харчисов и хорунжий Лекбедондоков. В послужном списке войска за 1815 г. никого из убывших пяти офицеров нет.

Война 1812–1814 гг. стала последней, в которой принял участие Ставропольский калмыцкий полк. После этого он нес только пограничную и полицейскую службу, вплоть до ликвидации войска в 1842 г.

Вопросы к параграфу 2.4.

1. На какую службу чаще всего направлялись ставропольские калмыки?

2. В какой европейской войне дебютировал Ставропольский калмыцкий полк?

3. Кто из офицеров-калмыков Ставропольского полка дважды был награжден боевыми орденами за войну 1812–1814 гг.?

§ 2.5. Оренбургские и уральские калмыки в 1842–1917 гг.

В декабре 1840 г. прошла очередная кардинальная реорганизация Оренбургского войска: кантоны и дистанции заменили военные и полковые округа. Все войско теперь делилось на два военных округа, в каждом из которых было по пять полковых округов. В его состав были дополнительно включены: белопехотные солдаты, ставропольские калмыки, нижние чины линейных Оренбургских батальонов, башкиры и мещеряки, несколько групп крестьян. Округ, из которого комплектовался казачий полк, состоял в среднем из 2500 семейств. Общее руководство войском осуществлял атаман с учрежденным при нем войсковым дежурством. Гражданскими делами стало ведать войсковое правление. При этом значительная часть казаков, белопехотные солдаты и ставропольские калмыки должны были переселиться на так называемую Новую линию (вдоль границы) и построить там новые станицы.

В мае 1842 г. был издан указ об упразднении Ставропольского калмыцкого войска и переселении калмыков в Оренбургское войско. При этом строго указывалось: *«Объявить калмыкам, что они должны все беспрекословно переселиться на новые места. И без всякого отлагательства и снисхождения старались устроить переход на новые места заблаговременно в удобное время»*. В 1842 г. у ставропольских калмыков было 5100 лошадей, 5530 голов КРС, до 5500 голов овец, 350 свиней, до 2000 голов домашней птицы. Заметно увеличились посевные площади ставропольских калмыков: в 1840 г. они засеяли 1741,5 десятин, в 1842 г. — 2925 десятин. Предусматривалась также выдача им пособий из казны. Калмыцким семьям предоставлялось незначительное количество времени на продажу домов, хозяйственных построек и громоздких вещей. Предложение оренбургского войскового атамана Н. Ф. Цукато о переносе переселения на 1844 г., чтобы ставропольцы успели продать свои постройки по выгодной цене, губернатором В. А. Перовским было отвергнуто.

Калмыкам предложили земли между Старой и Новой линиями в расположении 4, 5, 6, 7 и 10-го полковых округов Оренбургского казачьего войска. В первую очередь переселили кочевую часть на-

селения, не связанную с оседлым хозяйством. В эту партию, состоявшую из 14 улусов и вышедшую в период с 20 по 29 апреля 1842 г., входили 390 семей (1524 чел.), имевших 1439 лошадей и 207 коров. Во вторую партию, вышедшую в период с 15 по 25 мая, вошли оставшиеся 20 улусов (1680 чел.). Распределение переселяемых улусов по новым станицам дано в таблице 2.6.

Таблица 2.6.

Распределение ставропольских улусов по станицам Новой линии

Номер полкового округа	Название станицы	Кол-во семей	Названия поселяемых улусов	
4-й	Кацбах	20	Белый	
	Аландская	11	Колошнов	
	Бриен	46	Авралинския	
	Кваркен	16	Лузановский	
	Адрианополь	10	Хотонов	
	Кульм	51	Чесноковский	
	Измаильская	44	Курумчинский	
	Браиловская	29	Ашванов, Улюмжиев	
	5-й	Кассель	14	Подстепинский
		Остроленская	12	Средний
Париж		16	Верхнедубровский	
Велико-Петровская		14	Менкоев	
Полтавская		9	Ашванов	
Варшавская		40	Средний, Турдуев	
Краснинская		24	Чесноковский	
Орск		38	Черный	
Куликовская		21	Белый	
Иные станицы Новой линии		26	Черный	
6-й	Березинская	40	Краснопоселенский	
	Бородинская	43	Солонцовский, Верхнедубровский	
	Чесменская	22	Солонцовский	
	Тарутинская	17	Емелькин	
	Лейпциг	19	Чедыровский	

	Варна	29	Тростянский
	Берлинская	21	Черный
7-й	Софийская	18	Цохоровский
	Натальинская	25	Цагантугский
	Кирилловская	24	Потаповский
10-й	Надежинская	26	пригород Ставрополя
	Веренская	26	Вислодубовский
	Варваринская	26	Сосновский

Окончательно калмыков расселили в двадцати четырех вновь учрежденных станицах 4, 5 и 6-го полковых округов и шести существующих станицах 7 и 10-го округов. Один из трех черных улусов рассеяли по существующим станицам 5-го округа. Основная масса калмыцких семей была рассредоточена в 4, 5, 6-м округах. В каждой станице поселили, за небольшим исключением, от 10 до 40 семей. Целостность прежних улусов Ставропольского калмыцкого войска в основном была сохранена, однако малочисленные улусы объединялись в станицах. В эти же станицы переводились белопахотные солдаты с семьями. В те станицы, где белопахотных солдат не хватало (Кассель, Остроленская, Париж, Велико-Петровская, Полтавская, Кацбах), переводили русских казаков Нагайбацкой, Бакалинской, Уфимской, Сорочинской и Табынской станиц 3-го и 5-го кантонов.

Войсковая администрация стремилась к тому, чтобы калмыки в этих станицах составляли меньшинство по сравнению с русским населением. Например, в Аландской станице поселили 98 белопахотных солдат, калмыков — 23, в Бриене соответственно — 237 и 112, в Кваркене — 66 и 39, Кульме — 333 и 117, Браиловской — 214 и 36 и т. д. Исключением стали только станицы Адрианопольская (25 белопахотных солдат Бугурусланского уезда и 25 калмыков Хотонова улуса) и Берлин (24 белопахотных солдата Мензелинского уезда и 42 калмыка Черного улуса). А. М. Позднеев в 1911 г. писал, что *«сделано было это в виду определения правительства всячески содействовать по переселению калмыков Оренбургской губернии, скорейшему их обрусению»*.

Переход был весьма тяжелым, значительная скота пала по дороге, другую часть пришлось продать, чтобы обеспечить переход. Сразу же после переселения всех поселенцев обязали засеять не менее трех пудов зерна на душу населения, а также заняться заготовкой сена. По окончании этих работ калмыки приступили к заготовке леса для строительства домов и его вывозу в станицы. Бывшие кочевники были совершенно не приспособлены к этим видам работ.

За три года переселенцы построили 2780 домов, 41 землянку, освоили 15340 десятин земли, засеяли 150467 пудов хлеба, накосили 20564 стога сена. Однако в 1846 г. больше половины посевов погибло от ранних морозов, значительное количество скота пало из-за бескормицы и холодов. Население новых станиц долго оправлялось от последствий этой зимы, численность калмыков вновь стала сокращаться.

На Новую линию также переселялись и бузулукские калмыки, причем на добровольной основе, в отличие от ставропольских. Первоначально согласие дали только 226 бузулукских калмыков-мужчин, причисленных к Александровской станице и основавших выселок Кулевча. Оставшиеся 216 калмыков были переселены на местный конезавод, где стали работать табунщиками, получив освобождение от казачьей службы и землепашества. Однако в 1854 г. конезавод был переведен в Уральск, а оставшихся калмыков (163 чел. мужского пола и 151 — женского пола) сначала поселили в новообразованной Донецкой станице 1-го округа, а в 1855 г. перевели (по их просьбе) на Новую линию.

В первые годы после переселения калмыки были поставлены под строгий надзор. Они подвергались наказаниям за склонность к кочевому образу жизни, за неисполнение христианских обрядов. Им запрещалось ставить юрты и палатки даже на собственных дворах. Несмотря на строгий контроль, принудить переселенцев перейти к оседлости удалось не сразу. Это видно по полковым отчетам конца 1840-х гг.: *«оседлость имеют неудовлетворительную, а хозяйство, против прошлого 1844 г., пришло в совершенный упадок и находится в самом бедственном состоянии»; «домашнюю оседлость имеют посредственную и хозяйства..., исключая самой малой части, в упадке, потому что лошади, пригнанные ими из прежнего жительства,*

от перемены климата подверглись надежу. Претерпевали неурожай хлеба и трав». Почти целое десятилетие после переселения выдалось неурожайным. Недостаток хлеба в какой-то мере мог компенсировать забой скота. Но у оренбургских калмыков после переселения оказалось всего 557 коров, которые не смогли перенести перемену климата и корма. Лишь к середине 1850-х гг. почти все оренбургские калмыки освоили хлебопашество и заготовку сена. Примерно треть из них (включая почти всех офицеров и урядников) уже имели избы с пристройками, лошадей и быков. Однако другие две трети хозяйств были бедняцкими, их хозяевам приходилось наниматься в батраки или на пограничную службу, которая приносила даже больший доход, чем батрачество.

На начало 70-х годов XIX в. калмыки в административном отношении распределялись по трем отделам Оренбургского войска:

1-й отдел (преимущественно Троицкий уезд) — 303 человека;

2-й отдел (Верхне-Уральский уезд) — 1736 человек;

3-й отдел (Орский уезд) — 548 человек.

В начале 1877 г. в Оренбургском войске прошла частичная реорганизация для уравнивания численности казаков в военных отделах. Станицы с населением Ставропольского войска передали в состав 2-го отдела. Калмыков, проживавших в Оренбургском войске издавна, определили в 3-й отдел; из бывших ставропольских сюда также был причислен один поселок.

В результате политики аккультурации ставропольских и оренбургских калмыков от двух этнических групп, имевших в своем составе к 1760 г. более 12 тысяч калмыков, через 120 лет осталось не более 10%. В 1882 г. первая перепись оренбургских калмыков зафиксировала всего лишь 1204 человека, по данным 1893 г. — 1288 человек, в том числе войскового сословия — 1141. По данным Первой всеобщей переписи 1897 г. в Оренбургской губернии осталось всего 1204 калмыка. А в 1915 г. осталось всего 978 оренбургских калмыков. Резкий переход от полукочевой жизни к оседлой и связанные с ней изменения в пище, домашнем быту, характере трудовой деятельности и т. д. тяжело отразились на всем калмыцком населении. Некачественное питание, стесненные бытовые условия и изменения

в трудовой деятельности влекли за собой сокращение рождаемости. Многие из них в душных избах страдали легочными заболеваниями и часто умирали от туберкулеза. От тяжелых условий жизни некоторые калмыцкие селения вообще исчезли.

Следует заметить, что ставропольские и оренбургские калмыки, официально считаясь православными более полутора столетий, в реальности оставались буддистами. По свидетельству современника, *«несмотря на исповедание ими христианской религии, они тайно исповедывают ламаизм, скрытно содержат своих бурханов»*. Станичные священнослужители и казаки, прожившие полсотни лет бок о бок с калмыками, ничего определенного не могли сказать об их религии и обрядах, хотя о самом факте калмыцкого двоеверия неоднократно упоминалось в периодической печати. В новых станицах, несмотря на преобладание русских казаков, калмыки чаще всего селились в отдельных кварталах или даже выселках и поселках. Такой образ жизни, неуклонное соблюдение национальных традиций и обычаев способствовал духовной консолидации оренбургских калмыков.

С другой стороны, молодые поколения оренбургских калмыков, особенно из числа тех, кто учился в станичных школах, уже освоила оседлый образ жизни и земледелие. Абсолютное большинство калмыков к началу XX в. владело русским языком, а четверть из них умели читать и писать по-русски. Молодые калмыки уже быстрее адаптировались в войсковой среде, получали назначения на должности, даже избирались станичными атаманами.

Уральские калмыки, в отличие от своих оренбургских собратьев, буддизм исповедовали открыто, хотя и были поголовно крещены в свое время. Им разрешалось иметь свои хурулы. Войсковое начальство, недовольное большими штатами хурулов, сократило их в 1835 г., а священнослужителей, выведенных за штат, обязало нести казачью службу. К середине XIX в. в Уральском войске имелось 10 хурулов, в которых числился 21 представитель духовенства (8 гелюнгов, 8 гецюлей и 5 манжиков). По данным на 1845 г. при этих хурулах значились 1095 уральских калмыков. Самая крупная группа была в Лбищенском форпосте, где числилось 226 калмыков. Подавляющая часть ураль-

ских калмыков вела кочевой образ жизни, но сроки перекочевков были ограничены периодом с 15 мая по 15 сентября. К середине XIX в. войско делилось на 10 отделов, подразделявшихся на округа. Общая численность калмыцкого населения составляла 1013 человек (460 семей), которые расселялись по отделам:

1-й (Уральский) отдел — 109 человек в 1-м и 3-м округах;

4-й (Верхняя дистанция) отдел — 201 человек (10 форпостов, которые охранялись в основном калмыками);

5-й (Средняя дистанция) отдел — 223 человека;

6-й (Нижняя дистанция) отдел — 87 человек;

8-й (Внутренняя Уральская линия) отдел — 381 человек (здесь помимо 7 форпостов и 3 хуторов значились 174 калмыцкие кибитки);

9-й (Чижинская дистанция) отдел — 99 человек.

В 1862 г. на территории Уральского войска было зарегистрировано 1184 калмыка. Однако в результате высокой смертности их численность сокращалась. Например, в период с 1876 по 1885 гг. родилось 450, а умерло 574 человека. Позже уральских калмыков, по всей видимости, переселили из внутренних дистанций (кочевья на Узеньях, между Волгой и Уралом) в станицы по Уралу. По данным 1885 г. в Уральском войске числилось 934 калмыка (517 мужчин и 417 женщин), что составляло 0,9 % ко всему населению края. Основная масса калмыцкого населения проживала в Калмыковском отделе — 710 человек. В Уральском отделе числилось 128 калмыков, в Гурьевском — 93 и только 3 калмыка относились к городским жителям.

К концу XIX в. 30 станиц Уральского войска, в которые входили 163 хутора, скита и других населенных пунктов, свели в 3 военных отдела. В 1-м отделе в трех поселениях значилось 44 калмыка (14 дворов). Во 2-м отделе средоточием калмыков являлась станица Кармановская, состоявшая из трех поселков: Кизил-Убинский (31 двор, 143 калмыка), Пятимарский (38 дворов, 176 калмыков) и Кисык-Камышенский (43 двора, 138 калмыков). В поселке Подтяжинский станицы Чижинской числилось 120 калмыков (32 двора). В 3-м отделе насчитывалось всего 4 калмыцких двора, размещенных в станице Кулагинской. Всего к концу XIX в. в составе Уральского казачьего войска значилось 167 калмыцких семей (706 мужчин и женщин).

Перепись 1897 г. зафиксировала на территории войска 968 калмыков, включая тех, кто не принадлежал к войсковому сословию. Калмыки-казаки, как правило, занимались скотоводством, однако к началу XX в. калмыки Калмыковского (2-го) отдела начали переходить к земледелию. Например, площадь посевов калмыка-середняка Пятимарского поселка в период с 1906 до 1909 г. увеличилась с 4 до 14 десятин (более 15 га). Богатый калмык-казак Тушмаков к 1909 г. за 4 года увеличил площадь посевов с 8 десятин до 46 десятин (более 50 га), получив урожай более полутора тысяч пудов хлеба (24,5 тонны).

В 1905 г., в разгар первой революции в России, император Николай II принял Указ о веротерпимости. Благодаря этому сотни тысяч иноверцев и сектантов, ранее вынужденных имитировать свою принадлежность к православию, теперь могли спокойно исповедовать ту религию, в которую верили. В их числе были и оренбургские крещеные калмыки. Уже к лету 1917 г. 511 из 978 казаков-калмыков Оренбургского войска официально считали себя буддистами.

Таким образом, к началу XX в. группа оренбургских калмыков, рассеянная среди казаков, в значительной степени подверглась ассимиляции. Калмыки были вынуждены формально исповедовать православие и совершили переход к оседлости, но пока еще сохранялись как этническая группа. Уральские калмыки, также начавшие переход к оседлости, имели больше возможностей для сохранения привычного образа жизни и этнической идентичности, поэтому ассимиляционные процессы здесь были не столь заметными.

Вопросы к параграфу 2.5.

- 1. Почему было упразднено Ставропольское калмыцкое войско?*
- 2. Каково было экономическое благосостояние оренбургских калмыков в середине XIX в.?*
- 3. Почему в начале XX в. среди оренбургских крещеных калмыков столь резко увеличилось количество буддистов?*

Глава 3. Калмыцкие локальные группы в других регионах России

§ 3.1. Калмыцкие группы на территории Слободской Украины и Новороссии

Почти одновременно с образованием этнической группы донских калмыков возникли поселения калмыков на Украине, сначала в Слободской, а с конца XVIII в. на территории так называемой Новороссии. Первая этническая группа калмыков в Слободской Украине возникла в Чугуеве. Это поселение на берегу Северского Донца являлось крепостью Белгородской черты — укрепленной линии вдоль южных рубежей Русского государства, построенную в 1635–1654 гг. для противодействия татарским набегам. В 1658 г. на базе этой укрепленной линии был создан Белгородский разряд (также именовавшийся полком). В состав Белгородского полка входили отряды поместной (дворянской) конницы, стрельцы и полки «нового строя», а также черкасы — выходцы из Малороссии, сбежавшие из Польши и получившие статус городских казаков. Вскоре из черкасов было сформировано несколько слободских казачьих полков, поселенных в верховьях Дона и Северского Донца и подчинявшихся Белгородскому приказу.

Уже в конце 1650-х гг. в Белгородском полку зафиксированы новокрещенные казаки, которые стали селиться вокруг Чугуева. Скорее всего, это были татары, однако вскоре здесь появились калмыки, бежавшие от своих нойонов и вынужденные для защиты принять крещение. По мнению Т. И. Беликова, приход калмыков в эти места следует относить к концу 60-х — началу 70-х гг. XVII в. Однако К. П. Шовунов, ссылаясь на данные Ф. И. Гумилевского, датирует

время поселения калмыков в Чугуеве 1679 г. Эта группа несла постовую службу, за которую получала от местных жителей «хлеб, скот и вино». В 1679 г. эта группа калмыков во главе с зайсангом Алексеем Кобиным приняла крещение и была поселена в слободе Осиновка. В 1699 г. по распоряжению Петра I в этом районе поселили группу новокрещеных калмыков из числа участников Азовского похода. В 1700 г. в районе Чугуева числилось уже 47 семей калмыков. В 1700 г. городовые казаки, проживавшие в Чугуеве, Курске, Орле и других городах, а также местные православные калмыки и татары были выделены в особое казачье войско, подчиненное чугуевскому воеводе. Для несения службы казаки обязаны были выставлять Чугуевскую казачью команду из 200–300 чел.

Калмыцкие ханы и буддийское духовенство, обеспокоенные нарастающими темпами христианизации калмыков, старались воспрепятствовать этому процессу. В 1704 г. эркетени (из улуса Аюки-хана) напали на поселение крещеных калмыков на реке Терешка (в районе Саратова) и разорили его, а всех поселенцев вернули их бывшим владельцам. Во избежание повторения таких эксцессов было принято решение всех крещеных калмыков направлять на поселение в Чугуев, подальше от ханских кочевий. В результате численность чугуевских калмыков стала расти быстрыми темпами, причем не только за счет принявших православие, но и некрещеных поселенцев: в 1712 г. их было уже 287 чел. (50 семей), в 1730 г. — 385 чел. По данным известного картографа и историка того времени И. К. Кириллова в 1725 г. калмыцкое подразделение в Чугуевской команде состояло из 214 воинов: мурзы, трех ротмистров, четырех хорунжих, двух есаулов, писаря и 203 рядовых. Они получали годовое жалование деньгами на сумму 3281 руб. 84,5 коп. и продовольствие общим объемом 1360 четвертей ржи и столько же овса. В 1735 г., после того как в Чугуев прибыло 118 донских калмыков, приведенных ротмистром Чугуевской команды калмыком Александром Зарей, здесь оказалось 165 семей калмыков.

До 1748 г. за свою службу рядовые калмыки получали жалованье по 25 руб. и по 6 четвертей (1173,6 кг) ржаной муки и овса в год. Командный состав (мурза, ротмистр, хорунжий, есаул) получал еще

больше: например, мурза (старший чин у чугуевских калмыков) получал 50 руб. и по 10 четвертей (1956 кг) ржаной муки и овса в год. По сравнению с другими полками, где несли службу калмыки-казаки, это было довольно высокое жалование, однако среди чугуевских калмыков, которые, как правило, комплектовались из беглецов, преобладали бедняки. Бывали случаи, когда калмыки, получив неожиданный приказ, уходили в поход, даже не успев построить своим семьям жилье. Поэтому правительство помимо жалования выделяло им дотации. Долгое время жалование деньгами и продуктами за службу были единственным источником доходов для чугуевских калмыков, не засевавших свои земельные наделы.

В первой половине XVIII в. Чугуевская команда принимала активное участие почти во всех войнах России. В период Северной войны 1700–1721 гг. чугуевские калмыки сражались в лесах Прибалтики и степях Украины, отличились в сражениях под Дерптом, у Лесной и под Полтавой. В 1734 г. чугуевская команда в составе корпуса П. П. Ласси участвовала в войне за польское наследство и блокаде Данцига. В русско-турецкой войне 1735–1739 гг. чугуевцы в составе армии фельдмаршала Б.-Х. фон Миниха отличились при штурме Перекопа и Очакова, в Хотинском походе и сражении при Ставучанах. В этот период командиром Чугуевской команды был калмык Семен Авксентьев, который в 1740 г. получил чин премьер-майора (VIII класс «Табели о рангах»). В русско-шведской войне 1741–1743 гг. Чугуевская команда прошла через всю южную Финляндию, участвовала в сражении при Вильманстранде в 1741 г. В одном из боев в августе 1742 г. полковник Семен Авксентьев погиб. Во время войны за австрийское наследство (1740–1748) в 1748 г. Чугуевская команда в составе корпуса В. А. Репнина участвовала в Рейнском походе для поддержки англо-голландской армии. Командиром Чугуевской команды был полковник И. В. Булацель. Однако, когда корпус Репнина прибыл на Рейн, французская армия Морица Саксонского захватила Маастрихт и вынудила союзников начать переговоры по заключению мира. По возвращении из похода Чугуевская команда несла пограничную и гарнизонную службу в Низовом корпусе в Западном Прикаспии (1748–1749 гг.).

В 1748 г. был заведен реестр на всех чугуевских казаков и калмыков. Указом Сената был установлен штат и жалование для чугуевской команды, При этом жалование казакам и калмыкам было уравнено. Поскольку рядовые казаки получали по 10 руб. в год и по 5 четвертей ржаной муки и овса, то для калмыков уравнивание жалования обернулось понижением жалования. В результате этого некрещеные и часть крещеных калмыков (всего около сотни чел.) покинули Чугуевское войско и вернулись в родные степи. По мере роста численности Чугуевского войска увеличивался и штат команды. В 1735 г. штат Чугуевской команды по предложению Миниха был увеличен до 367 человек. В 1749 г. по предложению фельдмаршала П. П. Ласси эту часть преобразовали в Чугуевский конно-казачий полк (544 человека) пятиротного состава, причем две роты комплектовались из калмыков. В состав двух калмыцких рот входили: 1 мурза, 1 ротмистр, 2 хорунжих, 2 есаула, 8 капралов, 200 рядовых.

В середине XVIII в. во время инспекции всех казачьих войск России Чугуевский полк был признан одним из лучших. В ходе Семилетней войны 1756–1762 гг. этот полк полностью оправдал вывод инспекторов и заслужил репутацию *«самого лихого из казачьих войск»*. Чугуевцы отличились в сражении при Гросс-Егерсдорфе (1757 г.), Цорндорфа (1758 г.), Пальциге и Кунерсдорфе (1759 г.), при взятии Кюстрина и Берлина. На завершающем этапе войны Чугуевский полк участвовал в малой войне в Померании и вокруг укрепленного лагеря прусской армии в Бреслау, блокируя подвоз припасов и уничтожая легкие команды противника.

Следует заметить, что при реорганизации в полк в 1749 г. значительное количество чугуевских казаков и калмыков не вошло в штат полка. Проект об увеличении численности Чугуевского полка до 800 казаков был представлен в Военную коллегия еще накануне Семилетней войны, однако из-за военных действий его принятие отложили. Только в 1769 г. из числа свободных казаков и калмыков дополнительно сформировали Чугуевскую легкоконную команду (389 человек), а также половину казачьей команды Санкт-Петербургского легиона. Последний участвовал в первой русско-турецкой войне (1768–1774 гг.) и отличился в боях на Дунае. При этом казачья ко-

манда легиона настолько выделялась своей удалью и стойкостью, что обратила на себя внимание Г. А. Потемкина, который помимо всего прочего с 1774 г. являлся командующим всей иррегулярной конницы империи. Он реорганизовал чугуевскую полукоманду легиона в Чугуевскую придворную команду и направил ее в столицу для включения в царский конвой. Забегая вперед, скажем, что в 1796 г. Чугуевская придворная команда вместе с двумя другими казачьими командами была включена во вновь сформированный лейб-гвардии Гусарский казачий полк, а в 1798 г. казачьи команды выделены в лейб-гвардии казачий полк. Что касается Чугуевского казачьего полка, то уже в 1770 г. он был переведен на положение регулярного, а его офицеры, служившие зауряд, как и в остальных казачьих полках, получили патенты на армейские чины.

С началом второй русско-турецкой войны (1787–1791 гг.) возникла необходимость в усилении военного контингента в юго-западной Новороссии. В 1787 г. Г. А. Потемкин учредил из однодворцев Екатеринославской губернии (бывших солдат ландмилиции Украинской оборонительной линии) Екатеринославский корпус передовой стражи для кордонной службы по Днепру и берегу Черного моря. Вскоре в его состав было включено и Чугуевское казачье войско — 3684 чел., в том числе 2400 казаков и 1014 чугуевских калмыков, после чего корпус стал именоваться казачьим. В конце 1787 г. в корпус включены 1-й и 2-й Бугские казачьи полки, Екатеринославский конно-казачий полк, старообрядцы и мещане Екатеринославской, Вознесенской и Харьковской губерний. В 1789 г. из Чугуевской легко-конной команды был создан Конвойный полк для конвоя Г. А. Потемкина. Всего Екатеринославские войско выставляло до 20 пятисотенных полков, при этом управление им осуществляли донские казачьи офицеры. Наказным атаманом войска был М. И. Платов. Неслучайно Екатеринославские войско иногда называли Новодонским. В ходе второй русско-турецкой войны чугуевские полки участвовали во взятии Аккермана, Килии и Измаила. В 1793 г. указом императрицы для чугуевских полков был установлен штат в 800 чел. При этом Чугуевский полк стал 1-м Чугуевским, Конвойный — 2-м Чугуевским. К ним был присоединен также Малороссийский казачий полк Екате-

ринославского войска, получивший наименование 3-го Чугуевского полка.

По Ясскому миру 1791 г. граница отодвинулась от Южного Буга к Днестру, и необходимость в казачьем войске на Днепре исчезла. Войско было создано в чрезвычайных условиях войны, без учреждения законоположений о несении службы. Поэтому донские офицеры Екатеринославского войска (находившегося большей частью на самообеспечении) управляли им по своему разумению, исходя из выгод сиюминутной ситуации, но не думая о перспективе и благосостоянии подчиненных. Это приводило к значительным экономическим потерям для рядового состава. Поэтому часть казаков обратилось с просьбой о возвращении «*в первобытное состояние*». В 1796 г. Екатеринославское войско было расформировано, часть бывших мещан и однодворцев вернулись в прежние сословие, часть — в 1802 г. переселилась на Кубань, в состав Черноморского войска. Бугские и Чугуевские казачьи полки сохранили казачий статус и стали автономными образованиями. 3-й Чугуевский (бывший Малороссийский) полк был расформирован. 1-й и 2-й Чугуевские казачьи полки управлялись своей канцелярией, но в военном отношении подчинялись донскому атаману.

В 1800 г. оба Чугуевских полка сведены в Чугуевский казачий полк 10-эскадронного состава. В 1803 г. полк получил новый штат и устройство. В том же году чугуевские калмыки были переселены в состав войска Донского, где основали отдельную сотню (аймак), которая получила наименование Балдырской. Небольшая часть калмыков осталась в Чугуеве, и была быстро ассимилирована.

Помимо чугуевских калмыков, небольшие группы крещеных калмыков с конца XVII в. кочевали также в Приазовье и Восточной Украине. Как правило, это были донские калмыки, которые по тем или иным причинам покинули территорию казачьего войска. Почти все эти группы несли «государеву службу» в составе различных казачьих полков.

После второго Азовского похода для охраны пограничных городков в низовьях Дона и Приазовье «из охочих людей» сформировали Николаевский казачий полк. Он нес постоянную патрульную службу

в низовьях Дона на границе Крымского ханства. Кроме того, на него возлагались традиционные обязанности по почтовой службе и охране торговых караванов. После неудачного Прутского похода 1711 г. и передачи Азова туркам Николаевский полк перевели в крепость Святой Анны. Однако «охочих людей» на Дону для столь тяжелой службы в этот период не хватало, поэтому полк постоянно считался неукомплектованным. В 1729 г. в Николаевский полк сверх штата зачислили 51 калмыка. За период полевой службы и военных походов они получали жалованье по 3 рубля и 3 четверти (586,8 кг) муки в год (за счет средств Украинского корпуса). Калмыки, привыкшие к кочевой жизни, не считали постоянные разъезды и патрулирование тяжелой службой и легко адаптировались к ней. Вслед за этим командование полка стало привлекать на службу другие группы донских калмыков. Войсковая администрация, обеспокоенная начавшимся оттоком юртовых калмыков, потребовала запретить их переход в состав украинских полков. 14 января 1734 г. Сенат ограничил численность калмыков в штате Николаевского полка 101 человеком с постоянным жалованием 3 рубля в год.

После взятия Азова русскими войсками в 1736 г. Николаевский полк вернулся на прежнее место дислокации, а с 1737 г. официально получил наименование Азовского казачьего. В последующие годы штат полка был увеличен с 364 казаков до 572, однако численность калмыков оставалась неизменной — одна сотня. Калмыки в этот период неоднократно пытались перейти на службу в Николаевский полк. Например, в 1743–1744 гг. комендант крепости Св. Анны И. М. Вырубов уговорил 650 кибиток донских калмыков перекочевать в пределы Николаевского полка, но по требованию Донского атамана Д. Ефремова их пришлось вернуть.

В 1762 г. после возведения крепости Святого Дмитрия Ростовского Азовский полк перевели в гарнизон будущего города Ростова-на-Дону (в 1769 г. полк переименовали в Дмитриевский). Казаки этого полка жили в Долмановском форштадте крепости Святого Дмитрия из-за чего и получили прозвище «долмановских», под которым они наиболее известны в истории. Всего к Дмитриевскому полку причислили около 200 кибиток «долмановских» калмыков,

кочевавших вдоль рек Тузлов, Миус, Самбек, Мокрый и Донской Чулеки.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. российские границы отодвинулись к реке Ея, а Крымское ханство и кубанские татары, которые *«от обеих империй имеют быть признаны вольными»*, лишились покровительства Османской империи. Низовья Дона утратили характер пограничной территории, а содержание слободских казачьих полков на территории войска Донского стало лишней тратой средств. По настоянию вице-президента Военной коллегии и командующего иррегулярной конницей князя Г. А. Потемкина Дмитриевский полк в числе других расформировали. Калмыков из этого полка было решено передать в состав войска Донского. Однако доломановские калмыки самовольно перешли к крещеным калмыкам, кочевавшим на реках Берда и Каратыш. Происхождение этой группы калмыков из 15 кибиток (54 человека), по всей видимости, следует вести от беляевских калмыков, которые поселились в Восточной Украине еще в первой четверти XVIII в. у местечка Беляево на реке Самара, впадающей в Днепр.

Государство в этот период нуждалось в добровольцах-казаках для обслуживания Новой Днепровской линии, проходившей через маловодные и безлесные степи Юго-Восточной Украины. Азовский губернатор В. А. Чертков (бывший командир Днепровской линии) обратился к князю Г. А. Потемкину с просьбой оставить «доломановских» калмыков на этой линии. Несмотря на возражения донского атамана А. И. Иловайского, «светлейший» разрешил желающим перейти на службу на Новую Днепровскую линию. Перепись выявила 195 кибиток «доломановских» калмыков, в которых проживали 855 человек обоого пола. На Новую Днепровскую линию пожелала перейти 161 семья, насчитывавшая 708 человек (мужчин — 378, женщин — 330), в том числе 73 служилых, а в войско Донское — 34 семьи (147 человек, из них 9 служилых). К новопоселенцам причислили и 54 беляевских калмыка. На этой линии беляевские (доломановские) калмыки обслуживали форпост Токмак-Могила. По IV ревизии (1782 г.) численность калмыков, проживавших в Новороссийской губернии, составляла 968 человек, в том числе 899 — в Алексан-

дровском уезде, 24 — в Бахмутском, 32 — в Павлоградском. После присоединения к России Крымского ханства в 1783 г. необходимость в сторожевых линиях в Юго-Восточной Украине отпала и в 1803 г. беляевских калмыков перевели в состав войска Донского, где они образовали отдельную Беляевскую сотню (аймак).

В 1720-х годах возникла еще одна группа калмыков, поселившаяся в Слободской Украине. В марте 1726 г. группа из 90 кибиток во главе с владельцем Чурюмом, недовольная методами управления тайши Четеря, бежала из Дербетовского улуса, который в этот период *«кочевал около Дону и близ Волуек»*. В мае 1727 г. эта группа перешла на территорию Острогжского слободского казачьего полка, где владелец Чурюм обратился к фельдмаршалу М. М. Голицыну (командующему войсками на Украине) с просьбой разрешить ему кочевать на реке Оскол при условии сохранения буддийской веры. Когда Голицын отказал ему, то Чурюм решил креститься, дабы избежать возвращения к Четерю. Поначалу администрация пыталась убедить Чурюма вернуться к Четерю, но затем, опасаясь, что беглец *«может откочевать в турецкую область и сыскать протекцию у крымцев или кубанцев»*, разрешила ему кочевать по Черной Калитве, близ города Павловск. В этом районе базировался Павловский слободской «компанейский» полк, который после русско-турецкой войны 1735–1739 гг. перевели в крепость Святой Анны. По данным К. П. Шовунова, в 1739 г. в составе Павловского полка значилось 180 служилых калмыков (общая численность этой группы калмыков составляла более 700 человек), которые участвовали в русско-турецкой войне 1735–1739 гг., в том числе в походе на Очаков. Скорее всего, это и есть группа Чурюма. Однако в более поздних переписях и ревизиях сведения об этой группе уже отсутствуют.

С упразднением института ханской власти и установлением контроля над улусами практика поселения крещеных калмыков на отдаленных окраинах в полках Слободской Украины утратила смысл. В результате победоносных екатерининских русско-турецких войн граница России отодвинулась на сотни верст и необходимость содержания казачьих полков для несения кордонной и пограничной службы отпала. В конце XVIII — начале XIX вв. царская администрация

расформировала ряд казачьих полков на территории Слободской Украины и Новороссии, а калмыков из этих частей стала переселять на Дон. В 1803 г. беляевские и чугуевские калмыки, кочевавшие под Мариуполем, были переведены в состав войска Донского. По данным за 1819 г. аймак беляевских калмыков насчитывал 672 человека, а аймак чугуевцев — 1454.

Таким образом, почти все калмыки, проживавшие и несшие службу в Слободской Украине и Новороссии, к началу XIX в. переселились на Дон. Оставшиеся группы были очень малочисленны и в скором времени оказались ассимилированы окружающим населением, утратив свою этническую идентичность.

Вопросы к параграфу 3.1.

1. Когда образовалась самая первая калмыцкая локальная группа за пределами Калмыцкого ханства?

2. В каких регионах и какую службу чаще всего несли чугуевские калмыки в XVIII в.?

3. Почему почти всех калмыков из Слободской Украины и Новороссии в нач. XIX в. переселили на Дон?

§ 3.2. Исламские калмыцкие группы на Северном Кавказе

Калмыки в течение нескольких столетий жили рядом с мусульманскими (прежде всего, тюркскими и кавказскими) народами, взаимодействовали с ними, в том числе путем войн и набегов. Следствием этого стал активный культурный обмен, заимствование различных элементов одежды, пищи и т.д. Кроме того, это привело к обмену людьми, из которых иногда складывались целые группы. Пути их вхождения в состав тех или иных народов могли быть разными, но в целом сводились к двум путям. В первом случае они захватывались в плен, затем каким-то образом обретали свободу и оставались жить на новых местах, иногда даже сохраняя дедовскую религию и образ жизни. Во втором случае они по тем или иным причинам покидали родные места и, прибывая в места обитания других народов, добровольно входили в их состав.

Например, в Калмыцком ханстве проживали отдельные улусы туркменов¹, хабучинов (по всей видимости, хатай-кипчаки — улус больших ногайцев), иштюттов (башкиры), а также различные родовые подразделения мангад (татары), хара мангад (ногайцы), хасгуд (казахи), улын мангад (карачаевцы и балкарцы), шеркеш (черкесы), зёты (по имени главы рода — татарина) и др.

Аналогичным образом мы фиксируем различные калмыцкие родовые подразделения у соседних народов. Например, среди башкир было целое племя калмак, которое судя по родовым сказаниям вошло в состав соседей ориентировочно в нач. XVII в. При этом они в течение длительного времени исповедали свою веру (добуддийскую), поэтому назывались «кяфер-калмак». Лишь в XIX в. они приняли ислам и стали именоваться «сарт-калмаками». В нач. XVIII в. в Башкирии существовала Калмыцкая волость, созданная «аюкинскими калмыками» из улуса Санджаба (сына Аюки), откочевавшего в это

¹ Туркмены в большинстве своем переселились в состав Калмыцкого ханства тремя волнами в 1-й пол. XVIII в. После ликвидации Калмыцкого ханства они были отделены от калмыцких улусов и поселились на территории, которая сегодня входит в состав Туркменского района Ставропольского края. Ныне известны как ставропольские туркмены.

время с Нижнего Поволжья в Джунгарию. По подсчетам башкирских этнографов в составе 37 родов было 43 родовых подразделения калмыцкого происхождения. Родоплеменные группы калмак фиксируются среди казахов, узбеков, туркмен (галмык), сибирских татар и др. В составе крымских татар были зафиксированы этнонимы «чонус», «баян», «бурул» и др. Хорошо известна группа сарт-калмыков среди киргизов. Правда, эта группа по своему происхождению относится не к волжским калмыкам, а к джунгарским. Следует заметить, что почти все указанные группы после нескольких десятилетий проживания в иноэтничном окружении сменили идентичность и не считали себя калмыками, сохранив лишь память о родовом происхождении.

Конечно, многие калмыки, захваченные в плен, пытались бежать, но были и такие, кто привык к жизни на новом месте. Например, калмык Яман Зургатаев в 1680-е гг. попал в плен к башкирам и стал ясырем. В начале 1700-х гг. он был захвачен казахами, но бежал от них к калмыкам. Однако Зургатаев, испросив разрешения, вернулся к башкирам и вскоре выкупил себя и семью, с которой основал новую деревню. При этом они не платили ясак и не несли повинностей, ссылаясь на то, что не являются башкирами.

Бывали случаи, когда калмыкам не удавалось выкупиться, особенно, если их продавали в крепостное рабство. Например, одного калмыка, который попал в плен к казахам во время откочевки Убаши в 1771 г., продали на одном сибирском рынке курскому дворянину И. Л. Голикову. Затем он вместе с ним уехал сначала в Курск, а потом к Г. И. Шелихову, в Русскую Америку. За несколько лет этот калмык, имя которого документы не сохранили, посетил Азию, Европу и Америку. Во время все той же откочевки 1771 г. яицкими казаками был захвачен 6-летний калмык, которого затем подарили императрице Екатерине II как вещь. Та, в свою очередь, передала мальчика (в Петербурге он был крещен) сестре своей невестки, которая забрала юного калмыка с собой. В Германии он показал художественные способности и был направлен на обучение живописи. Вскоре он стал известным художником Федором Калмыком. Однако за прошедшие десятилетия он полностью ассимилировался и забыл калмыцкий и русский языки. Когда в 1813 г. художник увидел калмыков из рос-

сийской армии, то мог лишь с грустью наблюдать за своими соплеменниками издалека, стесняясь своего незнания языка.

Самой старой группой калмыков на Северном Кавказе, по мнению И. В. Борисенко, следует считать так называемых нашху, проживавших в Кабарде. Их история берет начало еще с XVII в., со времени первых контактов калмыков и кабардинцев. В 1644 г. во время разгрома войска Хо-Орлёга большая группа калмыков попала к кабардинцам в плен. Часть этих калмыков, принявших образ жизни горцев, включая смену религии, сформировали род, получивший название «нашху» (узкий глаз), и вошли в состав кабардинского этноса. Однако к концу XVIII в. группа «нашху» подверглась ассимиляции и растворилась среди кабардинцев.

Еще одна калмыцкая группа, связанная с пленными, появилась уже в составе Калмыцкого ханства. В калмыцких улусах было немало пленных мусульман (в основном, казахов и башкир), которые вели вместе с калмыками привычный кочевой образ жизни и женились на калмычках. Их потомки образовали особую группу, получившую наименование томуты. По утверждению Н. Н. Пальмова слово «тума» означает «метис». Как и калмыки, они носили калмыцкие одежды и головные уборы с красными кистями («улан зала»), в быту практиковали двуязычие: говорили по-калмыцки и по-татарски. Большинство томутов исповедовали ислам, но некоторые из них приняли буддизм или практиковали в быту калмыцкие религиозные ритуалы. Они вошли в состав «сборного» улуса цохоров. При разделе улусов Аюка передал томуты вместе с цохорами своему третьему сыну Гунджабу. От него томуты перешли к его старшему сыну Дондук-Омбо — ной-ону бага-цохуров, при котором их численность выросла до 600 кибиток. У последнего томуты играли роль личной гвардии, а в период конфронтации с калмыцким ханом даже палачей, из-за чего среди калмыков к ним сложилось неприязненное отношение. После смерти Дондук-Омбо в борьбе за наследство томуты поддержали ханшу-вдову — кабардинку Джан и ее сыновей (будущих князей Дондуковых). В битве у Болхунов (1741 г.) они сыграли важную роль в победе Джан над коалицией Галдан-Данжина, к которому явно благоволило российское правительство.

Опасаясь наказания и мести, большая часть томутов бежала вместе с ханшей Джан в Кабарду, затем на Кубань. В 1744 г. эта группа перешла на Дон. Они были поселены у нижнего течения Северского Донца и считались юртовыми татарами. При этом они держались подальше от местных калмыков-бузавов. В 1822 г. в войске числились 936 юртовых татар, поселенных в основном в Татарской станице. Если учесть, что численность томутов в первой половине XIX в. составляла приблизительно 600–700 человек, то можно прийти к выводу, что большинство тогдашних юртовых татар происходило из калмыков. Позже томуты перестали идентифицировать себя с калмыками и в переписях стали обозначаться как татары.

Меньшая часть томутов, оставшаяся после бегства ханши Джан в составе Калмыцкого ханства, почти в полном составе ушла в 1771 г. в Джунгарию, за исключением 30 кибиток, которых астраханский губернатор Н. А. Бекетов причислил к астраханским аульным татарам.

В 1733 г., в период противоборства между дербетскими тайшами и ханом Церен-Дондуком от улуса Четеря отделилась группа в 127 кибиток, откочевавшая во владения Османской империи. Они приняли ислам и получали вознаграждение — 25 копеек в день. В Крыму их называли «хазляры» (ангельский народ). У калмыков они носили имя «шереты» или «шаряды», от слова «шариат». В 1777–1779 гг. корпус под командованием А. А. Прозоровского и А. В. Суворова заняли территорию Крыма и Кубани и установили контроль над Крымским ханством. Шереты по договоренности с Суворовым ушли из-под опеки турок, за что им якобы было обещано право кочевать в любом месте. Эта группа сначала перекочевала в Приазовье, на Молочные Воды, а оттуда перешла в Дербетовский улус.

После смерти Ценден-Дорджи и распада Дербетовского улуса шереты перешли к кочевникам-единоверцам — ставропольским туркменам, а затем к джембулукским и едисанским ногаям. В 1800 г. Большедербетовский улус вернулся в калмыцкие кочевья, и дербетские нойоны стали заявлять свои претензии на шеретов. 40 семей мусульман-калмыков перешли к Чучею Тундутову, но в 1810 г. они откочевали к своим сорочичам, раскинувшим юрты у подножия Бештау. На

1836 г. численность шеретов составляла 937 человек (146 кибиток). Они старались не задерживаться на одном месте и кочевали по всей территории Кавказской губернии. Все это время Тундутовы не оставляли надежды вернуть «ангелов» под свою власть. В конце концов приставы решили разрубить «гордиев узел» и провели опрос среди шеретов: «С кем они желают кочевать: с малодербетами или магометанами?», по итогам которого Управление калмыцким народом приказало 27 марта 1846 г. вывести всех шеретов из калмыцких улусов и передать их в подчинение Ордынской палате.

Шереты стали кочевать частью с калаусскими и бештаускими ногайцами, частью со ставропольскими туркменами. В начале 1850-х гг. у подножия Калмыкаевской горы (хребет Бештау) находился целый аул калмыков-мусульман. После ухода калаусских ногайцев в Турцию часть шеретов перешла к туркменам, которые к тому времени вышли из-под контроля малодербетовского нойона. В 1873 г. почти все шереты, которые еще кочевали с ногайцами, перешли к туркменам. К тому времени насчитывалось уже 638 «туркменских» шеретов, проживавших в 140 кибитках. Они вошли в состав ставропольских туркмен как родовая группа, а при переходе к оседлости поселились в одном из их аулов — Кучерли, основанном в 1863 г. По данным на начало XX в., в Кучерлинском ауле проживали 529 человек в 98 домах. Согласно переписи 1897 г., в Ставропольской губернии за пределами Большедербетовского улуса в Ставропольском и Новогеоргиевском уездах проживали 1323 калмыка. Какие-то группы калмыков кочевали в районе Пятигорья, но для идентификации их как шеретов нет достаточных оснований.

Ставропольские туркмены после почти двухвекового совместно проживания с калмыками имели схожий образ жизни, пищу и т. д. Многие туркмены на протяжении нескольких веков брали в жены калмычек, поэтому их расовый тип стал близким к монгольскому. Однако у калмыков и туркмен были разные стереотипы поведения, что объяснялось различиями в религии, языке и культуре. К концу XIX в. туркменские калмыки, исповедовавшие ислам, разучились говорить на своем языке, что свидетельствует о завершении процесса ассимиляции шеретов туркменами.

По переписи 1897 г., на территории области Кубанского войска значилось 378 калмыков в Ейском, Лабинском и Кавказском отделах, которые по причинам, как правило, экономического характера откочевывали из родных мест в приграничные регионы, в том числе и в «Черноморию». Однако кубанские калмыки были рассеяны по всей Кубани и не составляли устойчивой этнической группы. Большинство этих калмыков были отходниками, временно нанявшимися на работы.

Вопросы к параграфу 3.2.

- 1. Каково было происхождение калмыцкой этнической группы «иштют»?*
- 2. Какую роль играли томуты в Калмыцком ханстве в правление Дондук-Омбо?*
- 3. Почему в середине XIX в. шеретов вывели из калмыцких улусов в подчинение Ордынской палате?*

§ 3.3. Терские и кумские калмыки

После откочевки 1771 г. в Калмыцкой степи начались следственные мероприятия, которые привели к аресту ряда зайсангов и вызову на допрос в Петербург трех владельцев. 15 декабря 1772 г. один из них — нойон Яндык умер в станице Островской. Яндыковский улус до особого решения отдал его жене Битюке, которая передала управление над ним группе доверенных зайсангов. В результате зайсанги оказались бесконтрольны и в аймаках стали проводить самовластную политику. В Аха-цатановском аймаке простолюдины, возмущенные беспричинными поборами и нарядами, высекли своего зайсанга, что не встретило одобрения у других зайсангов, управляющих улусом. Опасаясь наказания за свой поступок, провинившиеся аха-цатаны обратились за защитой к астраханскому епископу Мефодию.

Согласно материалам, найденным Н. Н. Пальмовым, в 1773 г. с просьбой о крещении обратились 90 кибиток из аймака зайсанга Балгату Басанова (Яндыковский улус). Крещение столь крупной группы калмыков астраханская епархия, ведущая миссионерскую деятельность, готова была поддержать, но губернатор Н. А. Бекетов, обвинив «неофитов» в стремлении уклониться от кордонной службы в разгар русско-турецкой войны, рекомендовал консистории отказаться от этой акции. К беглым аха-цатанам примкнули семьи из других родов: Гецеленкинского, Шараманганского и Цоросского. Общая численность беглецов достигла 200 кибиток. Астраханский архиерей, опасаясь за судьбу калмыков, попросивших у него убежища, обратился за помощью к своему крестнику — походному атаману Волгского войска Дмитрию Николаевичу Савельеву.

Согласно решению Военной коллегии, в этот период Волгское казачье войско переводилось на Терек. После русско-турецкой войны 1768–1774 гг. выяснилось, что укрепленная линия по Тереку недостаточно обеспечена казаками. От Кизляра до Моздока на протяжении более 200 верст несли службу 1063 терских (семейных) и гребенских казака. Для укрепления южной границы России в 1770 г. сформировали Моздокский полк, в который включили помимо других и Волгское казачье войско (1057 семей). Однако не все казаки были готовы

покинуть спокойные и привычные места и подвергать свои семьи постоянному риску в случае войн и горских набегов, некоторые из них дезертировали. Кавказское линейное войско решили пополнить за счет других источников.

Первая группа волгских казаков под командованием полковника И. Д. Савельева (сына походного атамана) в 1770–1771 гг. перешла под Моздок. В 1777 г. к ним перевели оставшихся казаков, которых возглавил Д. Н. Савельев. Вместе с этой группой вышли и 200 семей калмыков. В 1777 г. по указу Потемкина 495 калмыков были причислены к Моздокскому казачьему полку сверх штата. А. В. Бурдуков, внимательно изучавший эту проблему и имевший свои источники информации, не сохранившиеся до наших дней, полагал, что в 1777 г. на Терек перешли только 80 кибиток, а оставшиеся 120 причислили к Моздокскому полку только в 1780 г. Эти 200 семей И. Д. Савельев расселил на хуторах между станицами Мекенская и Калиновская. В конце XVIII в. Савельев вышел в отставку и стал помещиком. Хутора, на которых он поселил калмыков, получили название Савельевских (позже они объединились в одноименную станицу). Сами себя эти калмыки стали называть «*Яван Митричен кэрэстен*» («крестьяне Ивана Митрича»). Позже, когда они потеряли контакты с Савельевыми, они стали называть себя «*хальмг кристен*», что обычно переводили как «крещеные калмыки».

В литературе и официальных правительственных документах о моздокских калмыках утвердилось представление как о крещеных. Например, К. И. Костенков утверждал, что аха-цатаны (будущие моздокские калмыки) были крещены еще в 1764 г., за 13 лет до переселения на Терек. Однако из-за архиерея, который не насаждал «слово Божье» среди новокрещеных, моздокские калмыки вернулись к дедовской вере. По мнению К. П. Шовунова, крещение имело место в 1774 г., так как это был «единственный канал для легального выхода из улуса», но оно носило формальный характер, так как тайно калмыки продолжали исповедовать буддизм. Суворицкий полагал, что крещение калмыков Моздокского полка произошло после их переселения. А. В. Бурдуков не нашел никаких свидетельств массового крещения. Он не исключал того, что некоторые калмыки доброволь-

но крестились, но после переселения они все вернулись к дедовской вере. Н. Н. Пальмов также отрицает саму возможность их крещения, ссылаясь в том числе и на данные К. И. Костенкова, который, исследуя кумских калмыков спустя 60 лет после тех событий, не нашел среди них не только ни одного крещеного, но даже и памяти о своих предках-христианах. Пальмов полагал, что родовые сказания представляют собой достаточно надежный источник: ведь акт крещения — это неординарный поступок, который должен был остаться в памяти калмыков, помнящих 7 колен предков. Все исследователи сходятся в одном: спустя несколько лет после переселения моздокские калмыки исповедовали буддизм. Все попытки моздокской епархии крестить переселенцев успеха не имели.

Поначалу калмыков, кочевавших на Тереке, как уже упоминалось, отдали под управление казачьего офицера и помещика И. Д. Савельева. Непривычные природно-климатические условия на землях Савельева вызывали массовые заболевания и большую смертность. В 1799 г. большая часть калмыков перешла на земли помещика Всеволожского (район к югу от Кизляра, вдоль морского побережья). Однако и там они не прижились, поэтому откочевали на север, к реке Куме. Оставшаяся часть стала «бродяжничать», нанимаясь на работу на хуторах. К концу XVIII в. моздокские (терские) калмыки разделились на три группы: Верхний (расположенный ближе к Моздоку), Нижний (у Кизляра) улусы и кумские калмыки, поселившиеся между реками Кума и Гайдук. Верхний и Нижний улусы кочевали по станичным землям, а калмыков из этих групп называли хуторскими или терскими.

В 1809 г. численность калмыков, приписанных к Моздокскому полку, достигла уже 1058 человек, в том числе 502 мужчин. За свою службу калмыки Моздокского полка никакого жалования из казны не получали и служили за счет своих средств. Они не несли военной службы, но обязаны были направлять на охрану Можарского и Гайдукского соляных озер по 25 человек в месяц, предоставлять подводы для командированных чиновников и доставлять казенную почту. Кроме того, каждой весной они направляли по 40 человек в Наурскую станицу на заготовку сена для полковых лошадей. Общественные повинности калмыки не несли, но должны были вносить в полковую каз-

ну плату за выпас скота: за каждого верблюда — по 10 коп., за лошадь — по 7,25 коп., за КРС — по 4 коп. и за мелкий скот — по 1,75 коп. Постепенно моздокские калмыки стали уклоняться от несения службы на соляных озерах и исполнения подводной повинности. Из-за этого в 1822 г. полковое начальство увеличило плату, взимаемую за выпас скота более чем в 2,5 раза: за лошадь и верблюда — 25 коп., за КРС — 15 коп., за мелкий скот — 5 коп. В результате терские калмыки были вынуждены платить в казну довольно большие суммы (более 1,5 тыс. рублей), не получая от государства льгот и вольностей, сопоставимых с казачьими. Это вело к обнищанию терских калмыков.

Для местной администрации бесконтрольные перекочевки достаточно крупных групп иноверцев по землям казачьего войска доставляли немало проблем. Начиная с 20-х годов XIX в., различные чиновники, включая генерала А. П. Ермолова, пытались решить эту проблему, но их многочисленные проекты успеха не имели. Выход они видели в переводе моздокских калмыков на оседлость, выделении им земельных наделов и включении их в состав казачества с несением регулярной военной службы. Например, в 1834 г. начальнику штаба Кавказского отдельного корпуса генерал-лейтенанту Петрову предложили проект, согласно которому 358 семей моздокских калмыков должны были поселиться в станицах семи казачьих полков. Предполагалось, что калмыки, будучи расселены среди казаков почти 40 станиц, быстрее перейдут к оседлости, ассимилируются и смогут нести службу наравне с другими казаками. Данный проект с небольшими изменениями (из списка полков, где должны были поселить калмыков, исключили Горский полк, соответственно, уточнив количество семей в других полках) встретил в Военном министерстве полное одобрение. Предполагалось, что уже весной 1839 г. 358 семей моздокских калмыков будут расселены в станицах Моздокского (50 семей в 6 станицах), Волгского (43 семьи в 5 станицах), Хоперского (55 семей в 5 станицах), Ставропольского (40 семей в 4 станицах), Кубанского (80 семей в 6 станицах) и Кавказского (90 семей в 7 станицах) полков. Однако калмыки отказались переселяться на новые места, мотивируя тем, что переход к оседлой жизни приведет к их массовой смертности и гибели всего калмыцкого скота из-за изменения

климата и непригодности воды. Командующий войсками на Кавказе генерал-лейтенант П. Х. Граббе разрешил калмыкам сохранить кочевой образ жизни при условии возобновления ими несения прежних повинностей. Новый проект, составленный на основании прошения моздокских калмыков, 13 мая 1839 г. был утвержден императором.

К 1845 г. значительная часть моздокских калмыков перешла за Куму, где кочевала на землях Эркетеневого улуса, выплачивая за это арендную плату, то есть, оказавшись на территории Астраханской губернии, исполняли при этом повинности Кавказского войска. Кумские калмыки ежемесячно направляли на соляные заставы 31 человека (21 — на Можарское озеро, 10 — на Гайдукское). С 1850 г. на кумских калмыков наложили еще одну повинность: содержать пристава, назначаемого из офицеров Моздокского полка (123 рубля серебром в год). В 1853 г. из 2916 моздокских калмыков 1253 кочевали на Куме. Однако местная администрация не оставляла попыток перевести моздокских калмыков на оседлость. В 1849 г. кумских калмыков переподчинили ставропольскому губернатору, а хуторских (терских) калмыков расселили в станицах Терского войска. К 1855 г. почти все хуторские калмыки снова стали кочевать, выполняя при этом прежние повинности. Попытки перевода на оседлость калмыков, кочующих по территории всего войска, по-прежнему не имели успеха. В 1869 г. хуторским калмыкам предложили переселиться в Ставропольскую губернию, в район села Дербетовка и озера Маныч (на бывших землях Большедербетовского улуса). Однако кочевники отказались от переселения, полагая, что выделенных земель для кочевого скотоводства недостаточно.

В 1871 г. Терское войско подверглось реорганизации: полки как структурные части упразднились, а вместо них учреждались округа с полицейскими управлениями. Все терские калмыки были подчинены начальнику Грозненского округа. Согласно предписаниям начальника Терской области генерал-адъютанта графа М. Т. Лорис-Меликова от 12 февраля и 28 марта 1874 г., среди них учреждались аймачные общественные управления и суд применительно к положению об общественном управлении в казачьих войсках. Была установлена должность аймачного старшины с правом поселкового атамана, аймак де-

лился на хотоны во главе со старостами. В 1888 г. терских калмыков передали в ведение Кизлярского отдела. Такое устройство просуществовало до 1892 г., когда вступило в силу Положение об общественном управлении станиц шести казачьих войск.

Убедившись в тщетности попыток расселения калмыков по станицам, администрация решила сконцентрировать их в одном районе. Целесообразность отвода отдельной территории для терских калмыков признавалась в местных и высших правительственных кругах вплоть до императора на протяжении нескольких десятилетий. Десятки подобных крупных и мелких проектов повисали в воздухе, но этот вопрос, хотя и в половинчатом виде разрешился только в 1911 г.

На протяжении всего XIX в. численность терских калмыков не отличалась большой устойчивостью. Например, в 1840 г. общая их численность достигла 2133 человек (1064 мужчин и 1069 женщин), но в 1869 г., по данным К. И. Костенкова, в составе 254 семей было всего 1507 человек (820 мужчин и 687 женщин). Н. Н. Пальмов объяснял такие демографические перепады влиянием экономического положения Калмыцкой степи. По его мнению, внезапный рост численности терских калмыков в начале 40-х гг. XIX в. был вызван сокращением скотоводства в улусах Астраханской губернии с 804,2 тыс. до 453,5 тыс. голов скота, что и привело к откочевке групп калмыков на Куму и Терек. И наоборот, стабилизация и рост поголовья калмыцкого животноводства в 1850-х — 1860-х гг. привели к оттоку кочевников с Кавказа в Нижнее Поволжье. Это предположение Пальмова подтверждает следующий факт: в период с 1869 по 1897 г. численность терских калмыков выросла на 138,6%, в то время как рост населения астраханских улусов составил 20,6%. Состояние калмыцкого скотоводства за этот период пострадало от падежей скота (1880, 1885, 1891–1893 гг.). Только в начале 1890-х гг. астраханские улусы потеряли из почти полутора миллиона голов скота более 622 тыс. Перекочевки к терским калмыкам кочевников из улусов Астраханской губернии подтверждает и анализ этнического состава кумских калмыков. В начале XX в. Кумский аймак по этническому составу отличался от группы моздокских калмыков конца XVIII в., когда она переселилась с Волги на Терек: среди на-

званий родов Кумского аймака упомянуты кереты и меркиты, входившие в состав Эркетеневского улуса.

В начале XIX в. в Моздокском полку значилось всего 1058 человек (502 мужчины и 556 женщин), к концу XIX в. численность калмыков в Терской области достигла 3595 человек (1942 мужчины и 1653 женщины), проживавших в основном в Пятигорском (2147) и Кизлярском (1417) округах. В начале XX в. вновь наблюдается сокращение численности терских калмыков: в 1900 г. в Терской области их значилось 2139 (в Пятигорском округе — 26, в Кизлярском — 1716, в Моздокском — 386, во Владикавказском — 3, Георгиевском — 8), в 1913 г. осталось 1900 калмыков (все в Кизлярском отделе). Последние данные приведены уже без учета кумских калмыков, которые к началу XX в. выделились в отдельную группу.

Кумские калмыки после реформы Лорис-Меликова в 1874 г. составляли одно аймачное общество. Во главе его стоял аймачный старшина, избираемый населением и утверждаемый войсковым начальством. Все население аймака тогда составляло 1778 человек, объединенные в 404 кибитки. На содержание общественного управления собирали особый покибиточный сбор. К началу XX в. его сумма достигала 1570 руб. К уплате привлекались только 240 кибиток из 404, на каждую из которых приходилось по 6 руб. 60 коп. Остальные 164, будучи крайне бедными, освобождались от уплаты, но должны были находиться в работниках в зажиточных семьях. Бедняков освобождали от всяких повинностей, к тому же снабжали продуктами, шерстью, кошмами для кибиток и одеждой.

Кумские калмыки, как потомки моздокских «митричен кэрэстен», формально входили в состав Терского войска, но к началу XX в. они уже не несли караульной и курьерской службы, не платили аренды и не выполняли никаких повинностей, если не считать особого покибиточного сбора на содержание своего же общественного управления. Однако из-за неблагоприятных природных условий возможности для безбедного существования были небольшими. К началу XX в. до 40% жителей аймака не могли заплатить даже покибиточный сбор, что из-за круговой поруки тяжелым бременем ложилось на оставшихся домохозяев. Помимо этого, кумские калмыки вносили и другие платежи, например, за выпас скота.

С другой стороны, они не имели от статуса казаков никаких сословных привилегий, если не считать выделения земельного участка. Уровень жизни кумских калмыков, определявшийся количеством скота, был вдвое ниже, чем у соседних кочевых народов. Почвенно-климатические условия здесь не способствовали увеличению численности скота. Половина территории, на которой кочевали кумские калмыки, представляла собой сыпучие пески. На другой половине почва была солончаковая, поросшая полынью. Эта местность не отличалась богатой травянистой растительностью, в отличие от Калмыцкой или Караногайской степи, и кумские калмыки неоднократно обращались с просьбой о переселении.

Помимо общественных платежей, они тратили довольно крупные средства на аренду земли между Гайдуком и Кумой. Когда кумские калмыки получили разрешение кочевать на землях Эркетеневого улуса, то платили в общественный капитал улуса сначала 150, а затем 180 руб. Однако в 1860 г. при разграничении губерний междуречье Кумы и Гайдука отошло к Ставропольской губернии, администрация которой передала эти земли караногайцам. После этого суммы выплат кумских калмыков резко возросли: до 50 коп. с каждого верблюда, 40 коп. — с лошади и крупного рогатого скота, 10 коп. — с мелкого рогатого скота. Мало того, новые владельцы перераспределили земли, в результате чего калмыки лишились лучших участков. Когда Костенков оценивал численность кумских калмыков в 500 кибиток, то отметил, что 300 из них — это почти «бескотная» беднота, занимающаяся отходничеством. Они предприняли несколько попыток переселиться в Калмыцкую степь, но успеха не имели. После долгих разбирательств и неоднократных обращений в высшие инстанции вплоть до императора кумским калмыкам удалось добиться передачи земель между Кумой и Гайдуком общей площадью 90 тысяч десятин (почти тысяча кв. км²). Караногайцам выделили другой участок из казенных земель в районе Черного рынка, за который они платили аренду 4 тыс. руб. в год.

Нехватка земли и непривычные природно-климатические условия представляли серьезные препятствия для развития экстенсивного скотоводства и у хуторских калмыков. Например, калмыцкие курдючные овцы, попадая в притеречные станицы, заболели от холодной речной воды, в результате чего погибали почти две тре-

ти животных. Калмыцкий скот не мог конкурировать на основных областных рынках. Например, при разведении овец терские казаки (тем более горцы) отдавали предпочтение не калмыцкой курдючной породе, а карачаевской. С появлением мериносов и цигейских овец продукты производства калмыцкого овцеводства стали употребляться в основном для внутренних нужд. Это привело к тому, что среди терских калмыков стали распространяться русские белые овцы.

Хуторские калмыки разводили также верблюдов и лошадей, однако использовали их как тягловую силу, а не как верховых. Зато *«калмыцкие коровы славились своей молочностью и в сравнении с коровами тамошних казаков ценились гораздо дороже»*. Под влиянием оседлой культуры калмыки начали развивать и другие отрасли животноводства, разводить кур и индеек (последних для продажи). Среди терских калмыков были богатые скотоводы, например, Куйкун, имевший до 15 тыс. овец. В Крымскую войну он безвозмездно предоставил верблюдов для снабжения армии провиантом, за что его наградили большой серебряной медалью на шею. Но такие факты были исключением. Зимой терские калмыки часто голодали и были вынуждены брать у хуторян продуктовые кредиты, которые отработывали летом на сельскохозяйственных работах. За полдоски кирпичного чая или пуд муки калмыки обычно обязывались сжать десятину пшеницы или косить сено два дня всем семейством. Предприимчивые хуторяне могли сэкономить до 80% денег, предназначенных для найма батраков. Достаточно часто у хуторских калмыков, не имеющих денег для уплаты за выпас скота, отбирали даже старые котлы и таганы. Калмыки стали главной рабочей силой у хуторян во всех летних полевых работах: батраками, пастухами, отарщиками.

Несмотря на приобщение к земледелию и внедрение птицеводства, терские калмыки вплоть до конца XIX в. оставались кочевниками и скотоводами, о чем свидетельствуют данные переписи, согласно которым в 1897 г. в Терской области проживало 3595 калмыков, из них 631 человек числился в земледельческих хозяйствах, 2295 — в животноводческих. Еще 376 калмыков находили пропитание, занимаясь рыболовством и охотой, 230 числились в графе *«наймиты»*, а 63 — в графе *«прочие»*. Почти все терские калмыки жили за пределами станиц небольшими группами по 10–15 кибиток, которые назы-

вались кутанами (хотонами). По статистическим таблицам Терской области, изданным в 1890 г., ни в одной станице нет достаточно крупных групп оседлых калмыков. Например, в станице Наурской проживало 6582 русских и всего 511 калмыков, причем все они не были оседлыми и исповедовали буддизм. Тем не менее к началу XX в. у хуторских калмыков наметился явный переход к оседлости.

В 1840 г. на территории кочевий терских калмыков функционировали 2 хурула с 117 духовными служителями (45 гелюнгами, 2 гецюлями, 65 манжиками). В 1892 г. у терских калмыков оставалось два хурула — Большой и Малый, при которых служили 30 гелюнгов, 14 гецюлей, 16 манжиков. Хотя обучение священнослужителей для терских калмыков проходило в хуруле (в с. Яндыковском), назначение главного багши не санкционировалось калмыцким верховным ламой.

Таким образом, уже к концу XIX в. терские калмыки представляли собой две самостоятельные этнические группы, расселенные на обширной территории от Кумы до Терека. В северной (кумские калмыки) группе культура и образ жизни в целом мало изменились, в южной (хуторские или терские калмыки) группе уже начался переход к оседлости. У терских калмыков-кочевников не было своей земли, что затрудняло их экономическое положение. Эта этническая группа не имела равных прав с окружающим их казачьим населением, и ее представители не имели возможности получать образование. Терские калмыки, которые переходили на оседлость, становились казаками и получали соответствующие права и привилегии. Несмотря на развивающиеся процессы обоседления, терские калмыки, рассеянные небольшими группами на больших пространствах, сопротивлялись процессам ассимиляции и к началу революции 1917 г. представляли собой устойчивую этническую группу в составе калмыцкого народа.

Вопросы к параграфу 3.1.

1. Почему группа калмыков согласилась в 1770-х гг. переселиться на Терек?

2. Каким образом калмыки Моздокского полка попали в Терское казачье войско?

3. Как образовался этноним «Митричен кэрээстен»?

§ 3.4. Астраханские калмыки за пределами Калмыцкой степи

В XVIII в. в Астраханской губернии за пределами Калмыцкого ханства существовали еще две отдельные группы калмыков: астраханские калмыки-казаки и николаевские старокрещенные.

Астраханское казачество ведет свою историю с 1737 г., когда вышел указ Сената астраханскому обер-коменданту Юнгеру об организации казачьей команды из 300 новокрещеных калмыков. В состав команды из числа калмыков вошли 1 зайсанг (на правах сотника), 6 старост и 271 рядовой, а также еще 22 русских во главе с полковником А. Н. Слободчиковым. Астраханские казаки-калмыки сохранили кочевой образ жизни и кочевали по речкам Рыча, Луковка и окрестностям Казачьего Бугра. Но к 1742 г., *«стосковавшись по привольным степям»*, бóльшая часть калмыков-казаков покинули команду, в ней осталось 111 человек. Ее пришлось комплектовать заново за счет других калмыков. В 1750 г. команду реорганизовали в пятисотенный полк, вывели из Астрахани на Казачий Бугор и расселили по речке Болда. До его перевода многие служилые калмыки с семьями кочевали по реке Луковке с правом выхода в пределы Красноярского уезда.

Во второй половине XVIII в. астраханские казаки стали расселяться по станицам, построенным вдоль Волги. Для уравнивания станиц по числу людей в Красный Яр, Енотаевск, Сероглазовскую, Замьяновскую и др. перевели калмыков Казачьегубурговской станицы. Однако они отказались от перехода к оседлости и несли службу, кочуя по станичным юртам, только лишь числясь в этих станицах.

С переводом Волгского войска на Кавказ его обязанности передали Астраханскому полку, усилив его за счет городских казаков. К 1795 г. Астраханский полк насчитывал уже 12 сотен (1200 человек) за счет подчинения ему Царицынской, Камышинской и Саратовской казачьих команд. Полк обязан был обеспечивать охрану четырех кордонных линий: Каспийской, Ахтубинской, Эльтонской и Узеньской. Сил явно не хватало, и в 1810 г. на основе Астраханского полка сформировали 3 казачьих полка со штабами в Астрахани, станице Копановской и Камышине. В помощь полкам разрешалось привлекать ежегодно команду в 300–400 человек из астраханских калмыцких

улусов с выплатой им денежного и продуктового жалования по казачьей норме. После реорганизации на четырех укрепленных линиях значилось 717 нижних чинов с 17 офицерами и 500 калмыков с 5 зайсангами.

В 1817 г. на базе этих трех полков было учреждено Астраханское казачье войско. К этому времени штат полка разросся до 1684 различных чинов, а неслужащая часть составляла 3506 чел. Территория войска располагалась по берегам Волги до ее притока Бузан и относилась частью к Астраханской, частью к Саратовской губерниям. Войску разрешалось привлекать в свой состав, *«как и прежде»*, калмыков и татар, принявших православие. Среди вновь принятых казаков были и довольно известные личности. Например, в 1844 г. в войско был формально принят нойон Деджит Тундутов — владелец Малодербетовского улуса. Среди астраханских казаков числились и представители нойонского рода Тюменей. Однако общее количество добровольцев-казаков из астраханских улусов было невелико. Только в 1863 г. были записаны в казаки станицы Михайловской 12 семей из вновь крещеных калмыков.

Администрация негативно относилась к кочевому образу жизни калмыков-казаков, тем более что они продолжали тайно исповедовать буддизм. В 1819 г. атаман В. Ф. Скворцов и в 1835 г. военный губернатор И. С. Тимирязев выдвигали предложения о переводе всех калмыков-казаков на оседлость, но из-за нежелания самих калмыков реализовать их не удалось. Они мотивировали отказ тем, что считали себя не подготовленными к занятию оседлым хозяйством, а отход от кочевой жизни неминуемо загубил бы практикуемое ими пастбищное скотоводство. Предложение Тимирязева о насильственной христианизации калмыков было отвергнуто Синодом.

Только атаману А. В. Гулькевичу удалось переломить ситуацию. 25 апреля 1872 г. он издал приказ о переводе калмыцких семей на жительство в станицы в обязательном порядке. Для устройства новой жизни всем калмыкам призывного возраста были предоставлены годовые льготы от наряда на очередную службу. В результате значительная часть калмыцких семей обзавелась деревянными домами или турлушками. Однако в теплое время года они по-прежнему прожива-

ли в кибитках. По данным на 1911 г. в войске было зарегистрировано 738 калмыков, оседло живущих в станицах, в том числе: Красноярской (70 чел.), Замьяновской (100 чел.), Сероглазинской (103 чел.), Косикинской (50 чел.), Михайловской (60 чел.), Грачевской (210 чел.). Если учесть, что в 1904 г. в Астраханском войске значилось 960 калмыков-казаков, то очевидно, что проект атамана Гулькевича увенчался успехом: переход калмыков к оседлости и земледелию завершился уже в начале XX в.

Астраханские калмыки-казаки внешне соблюдали все христианские правила православной церкви, однако на самом деле исповедовали буддизм. По данным на 1866 г. из 20661 казака, чиновника и иногороднего только 62 были «иноверцами», почти все — *«ламаитами»*. Оседлая жизнь в окружении русского населения и соблюдение православных канонов отразились в основном в виде присвоения калмыкам русских фамилий и имен.

В Астраханской губернии за пределами Калмыцкой степи жили николаевские старокрещеные калмыки. Старокрещеными обычно называли иноверцев, перешедших в православие до указа Петра I о государственной поддержке выкрестов, который стал началом целенаправленной политики властей по христианизации неправославных народов Российской империи. Новокрещеные пользовались значительными льготами, помощью государства в виде различных материальных и административных ресурсов, в то время как старокрещеные ничего из этого, как правило, не имели. Появление группы «николаевских» старокрещеных калмыков можно отнести к концу XVII — началу XVIII вв. Первое упоминание об этой группе встречается в материалах П. Г. Буткова. Он писал, что после откочевки 1771 г. в Астраханской губернии значилось 74 кибитки старокрещеных калмыков, *«кочевавших на косах Каспийского моря»*. Эта группа находилась в ведении Астраханского архиепископа Никифора и была приписана к монастырю *«Николаевской пустыни на взморье»*. По названию монастыря эти калмыки и получили свое наименование. Они занимались рыболовством и даже получали из церковной казны авансы под вылов рыбы. По данным на 1788 г. в этой группе значилось 173 человека.

В августе 1788 г. по настоянию кавказского наместника Л. С. Алексеева николаевских калмыков передали Калмыцкой канцелярии. По данным опроса о желательном месте проживания большинство из них вновь решило перейти на кочевой образ жизни и переселилось через Волгу к остальным сородичам, приняв буддизм. Оставшиеся николаевские калмыки, по всей видимости, подверглись ассимиляции. По данным В. М. Викторина в с. Бугор-Красный (160 человек на конец 70-х гг. XIX в.) проживало потомство от «*браков верховых (крестьян, переселившихся с севера области, прежних рязанских выходцев) с туземцами — крещеными калмыками*» — так называемые «*краснобугоринские болдыри*».

Таким образом, к концу XIX в. эта этническая группа калмыцкого народа прекратила свое существование.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на территории Астраханской губернии за пределами Калмыцкой степи значилось почти 16 тысяч калмыков. Большинство из них были сконцентрированы в Енотаевском (6461 человек), Черноярском (4648) и Астраханском (3959) уездах, граничащих с калмыцкими кочевьями. Абсолютное большинство этих калмыков составляли так называемые отходники из улусов Калмыцкой степи: батраки, рыбаки и солеломщики. Таким образом, в уездах Астраханской губернии за пределами Калмыцкой степи отдельных этнических групп не было, не считая, астраханских калмыков-казаков, рассеянных по различным станичным юртам.

Вопросы к параграфу 3.4.

1. *В чем отличие между старокрещеными и новокрещеными калмыками?*

2. *Когда и из кого впервые был образован Астраханский казачий полк?*

3. *Когда произошел переход на оседлость астраханских калмыков-казаков?*

Глава 4. Калмыцкие локальные группы в советский период

§ 4.1. *Донские калмыки в период Великой Российской революции 1917–1921 гг.*

В период Великой Российской революции 1917–1921 гг. калмыцким локальным группам, как и всему калмыцкому народу, пришлось пережить немало испытаний. Особенно тяжело пришлось группам, входившим в состав казачьих войск, в силу их принадлежности к этому военно-служилому сословию. Однако в ходе Гражданской войны множество документов было уничтожено, а в ряде регионов документация велась неправильно или недостаточно квалифицированными лицами, а то и вовсе не велась. Неудивительно, что значительная часть информации о жизни локальных групп калмыков того времени оказалась утрачена или не зафиксирована. Единственным исключением являются донские калмыки-казаки, поскольку они были достаточно крупной группой, к тому же проживали компактно.

Смена власти в Области Войска Донского произошла достаточно быстро. Уже 2 марта 1917 г.¹ по инициативе регионального военно-промышленного комитета² был создан Донской исполнительный комитет. Аналогичные процессы произошли и в округах. Уже 5 марта в Сальском округе было принято решение о замене станичного правления выборным исполкомом. Тогда этот процесс носил несколько

¹ До 31 января 1918 г. все даты приведены по старому стилю, после — по новому стилю.

² Общественная организация местных предпринимателей, созданная в 1915 г. в целях мобилизации промышленности для военных нужд.

формальный характер, поскольку выборная власть формировалась из представителей, избранных еще до революции, но замена института атаманской власти имела принципиальное значение и положила начало заметным переменам. Один из лидеров донских калмыков Бадма Уланов (единственный юрист-калмык на Дону) вспоминал о том времени: *«наш округ лишь по имени стал действительно нашим. Появились заседатели из калмыков, полицейские урядники, стражников[-калмыков] стала масса»*. Ряд ответственных постов в руководстве Сальского округа заняли калмыки — один из помощников окружного атамана, один из ответственных чинов окружного правления, канцелярские служащие. Да и *«окружной атаман уже был не громовержец, а... руководителем окружного управления и окружными делами»*.

20–22 мая 1917 г. в станице Великокняжеской прошел I съезд представителей донских калмыков, на котором был избран Национальный совет. Его деятельность находилась под влиянием общественного движения «Союз сознательных калмыков Сальского округа», которым руководили бывшие основатели организации «Хальмг тангин туг» («Знамя калмыцкого народа»), запрещенной в период первой русской революции. Председателем Национального совета был избран бывший присяжной поверенный Бадма Уланов, секретарем — бывший народный учитель Харти Кануков.

Тем временем, в Области Войска Донского началось формирование новой структуры самоуправления, которая представляла из себя жесткую военизированную иерархию власти, основанную на принципах демократии, коллективности и гласности — привычную для казачьего сословия, памятующего о временах давней вольницы. Фундаментом новой власти оказались станичные и хуторские сборы — органы казачьего самоуправления. Еще весной на этих сборах, на которых избирательными правами обладали только казаки-мужчины, были избраны делегаты на I Большой войсковой круг, который и стал высшим органом представительской власти на Дону. Это были действительно наиболее уважаемые люди в своих станицах, как правило, пожилого возраста, так как большая часть казаков еще несли службу на «германской». У донских калмыков делегатами избирались в ос-

новном отставные урядники и казаки: вахмистр Менько Нидюлин, урядники Учур Игнатов, Саран Джеджульданов, казак Иван Немгиров и т. д.

Все полномочия исполнительной власти круг делегировал войсковому правительству во главе с войсковым атаманом, который впервые за без малого два столетия был не наказным (назначенным), а выбран казаками. Войсковое правительство состояло из 14 «старшин», делегированных от округов. 17 июня 1917 г. Большой войсковой круг избрал атаманом войска Донского генерала от кавалерии А. М. Каледина, бывшего командующего 8-й армии, героя Брусиловского прорыва, старшего из казачьих офицеров и одного из самых популярных общественных деятелей на Дону. Аналогичные органы власти — круги и управления во главе с окружными атаманами были избраны и на уровне округов. Система самоуправления с разделением ветвей власти, с жестко выстроенной вертикалью, но вместе с тем подконтрольная избирателям, к тому же базирующаяся на собственных (весьма солидных) материальных и финансовых ресурсах на первый взгляд казалась оптимальной. Но, увы, она основывалась на сословном неравенстве — казаки имели намного больше политических прав (и обязанностей), нежели донские «коренные» крестьяне, не говоря уже об иногородних (более 48 % населения области). Подобная стратегия, игнорирующая интересы значительной части населения, в конечном итоге, оказалась одной из ключевых причин провала будущего контрреволюционного восстания на Дону (да и не только здесь).

Это неравенство, ущемление прав крестьян сразу же привело к обострению социальных конфликтов, нарастанию гражданского противостояния. Даже для коренных крестьян, чей средний надел был меньше казачьего в пять раз, революция показалась прекрасной возможностью для проведения передела земли и установления социальной уравниловки. Что же говорить об иногородних, многие из которых даже не имели надела земли и были вынуждены батрачить на казаков? Впрочем, здесь взрывоопасность ситуации сдерживалось до поры до времени наличием на руках населения значительного количества оружия. Донские крестьяне и иногородние, дезертировавшие

с фронта, нередко возвращались с оружием для самозащиты. Что касается казаков, то их оружие вообще являлось войсковым или даже личным имуществом и должно было храниться в войсковых и станичных арсеналах (цейхгаузах) или дома.

Донские калмыки-казаки после Февральской революции занимали в общем-то выжидательную позицию. Деятельность Национального совета и общественного «Союза сознательных калмыков Сальского округа» носила больше культурно-просветительский характер, нежели политический. Принято считать, что социально-экономическое положение сальских калмыков было лучшим, чем у других групп Войска Донского. В 1916 г. на каждого донского калмыка в среднем приходилось 35,67 десятин земли, в то время как у других казаков земельные наделы в среднем составляли 10 десятин, а у иногородних Сальского округа и вовсе 1,5 десятины. Все же следует учитывать, что часть донских калмыков-казаков продолжали заниматься кочевым скотоводством, требовавшего гораздо большей территории. Каледин, стараясь привлечь донских калмыков на свою сторону, впервые за два с лишним столетия существования этой этнической группы даже разрешил сформировать свой национальный полк. Однако в документах тех лет можно найти свидетельства того, что часть калмыков-казаков поддерживали социалистов. Например, в период выборов в Учредительное собрание целый ряд калмыцких станиц отдали предпочтение не списку № 4 («казачьему»), как большинство казаков, а списку № 2 («эсеры, Советы крестьянских депутатов и трудовое казачество»).

Таблица 4.1.

**Результаты выборов в Учредительное собрание в 1917 г.
в 13 калмыцких станицах Войска Донского**

Станица	Список № 2	Список № 4	Остальные семь списков
Батлаевская (Багутовская)	689	809	25
Беляевская	181	279	4
Бурульская	1508	472	12
Власовская (Бембдякинская)	429	983	22

Граббевская (Цевднякинская)	508	1287	18
Денисовская (Бокшракинская)	1252	2010	135
Иловайская (Зюнгарская)	1732	1020	59
Кутейниковская (Кевюдовская)	1106	1029	23
Ново-Алексеевская (Геленгакинская)	3743	1183	95
Платовская (Ики-Бурульская)	2505	1316	153
Потаповская (Балдырская)	114	251	1
Чунусовская	262	612	8
Эркетинская	255	438	0

Как видно из вышеприведенной таблицы, значительное количество избирателей отдали предпочтение эсерам и их союзникам, а в пяти из них (Бурульской, Кутейниковской, Иловайской, Ново-Алексеевской и Платовской) этот блок и вовсе одержал победу над «казаками». Во всех остальных калмыцких станицах список «эсеров, крестьян и трудовых казаков» уверенно занял второе место, на несколько порядков обойдя всех конкурентов. Конечно, значительную роль в этом сыграли крестьяне, но в калмыцких станицах их численность была все же не настолько велика. Однако в общем по Донской области в ходе выборов в Учредительное собрание одержал победу «казачий» блок: из 19 делегатов 9 представляли список № 4, еще 7 — список № 2, а еще 3 — список № 5 (большевиков). В числе девяти делегатов от «казачьего» списка был и Бадма Уланов, принимавший активное участие в работе предпарламента.

25 октября 1917 г., узнав о перевороте в Петрограде, А. М. Каледин сразу заявил, что *«окажет в тесном союзе с правительствами других казачьих войск полную поддержку»* Временному правительству и что до стабилизации ситуации берет на себя всю полноту власти в Донской области. Он установил связь с украинской Центральной радой, кубанским, терским и оренбургским войсковыми правительствами с целью противостояния Советской власти, оказал поддержку явно антисоветскому Юго-Восточному союзу. На Дон стали возвращаться казачьи части и соединения, покинувшие свои позиции на фронте, зачастую с артиллерией и пулеметами. Кроме того, на Дону стали скапливаться офицерские организации, объе-

диненные в ноябре 1917 г. в Добровольческую армию во главе с Л. Г. Корниловым. Фактически гражданская война уже началась: акты неповиновения переросли в мятеж, боевые столкновения, поддержанные лидерами общероссийской контрреволюции, развернулись по всему казачьему поясу Юга России — от Оренбурга до Екатеринодара и Ростова-на-Дону. Против Добровольческой армии и Каледина были брошены несколько крупных красногвардейских отрядов под общим руководством В. А. Антонова-Овсеенко. 25 декабря 1917 г. они начали наступление с четырех направлений, но поскольку действовали нескоординировано, то поначалу терпели поражение в боях с немногочисленными отрядами белоказаков и Добровольческой армии.

Однако основная масса казачества, в том числе и донские калмыки, оставалась политически инертной. Казачьи атаманы так не нашли себе массовой опоры, просчитавшись в оценке настроений возвращающихся фронтовиков, которые в большинстве своем заявили о своем нейтралитете. Часть казаков (в основном фронтовики, испытавшие сильное влияние большевистской агитации) приняли участие в подавлении калединского мятежа. 10 января 1918 г. съезд фронтовых казачьих частей в станице Каменской избрал Донской казачий военно-революционный комитет, провозгласивший Советскую власть в регионе. Войсковое правительство в ответ расформировало все донские казачьи полки, кроме восемнадцати (в числе которых были 5 и 9-й Донские казачьи полки, в которых служили калмыки) и *«формируемого в Сальском Округе калмыцкого полка»*.

21 января 1918 г. был разгромлен самый боеспособный отряд донских белоказаков — полковника В. М. Чернецова, что значительно подорвало моральный дух мятежников: *«как будто ушла душа от всего дела обороны Дона»*. Вскоре начались новые восстания рабочих в Таганроге и Темернике, а наступление красногвардейских отрядов теперь было скоординировано. Белогвардейцы признали свое поражение и стали готовиться к отходу. 29 января 1918 г. А. М. Каледин сложил с себя полномочия атамана и покончил жизнь самоубийством. Хотя новым атаманом стал А. М. Назаров (походный атаман), а новым походным атаманом — П. Х. Попов (начальник Новочер-

касского училища), смерть Каледина окончательно подорвала надежды белогвардейцев на успех донского мятежа. 22 февраля 1918 г. (по н. ст.) Добровольческая армия оставила Ростов и Новочеркасск. Часть донских партизанских отрядов, состоящих в большинстве своем из офицеров и учащейся молодежи (полковника Т. П. Краснянского, есаула Р. Г. Лазарева, бывший полковника В. М. Чернецова) вошли в состав Добровольческой армии, где они составили основу Партизанского (в будущем — 1-го Алексеевского) пешего полка и 2-го конного дивизиона.

Остальные Донские партизанские отряды (полковников К. К. Мамантова, Г. Д. Каргальского, Чернушенко, Яковлева, Хорошилова, войсковых старшин Э. Ф. Семилетова, М. Н. Гнилорыбова, Мартынова, есаулов Ф. Д. Назарова, Н. П. Слюсарева, подъесаула Боброва, сотника Хоперского) вошли в состав соединения походного атамана П. Х. Попова, получившего наименование «Отряда Вольных донских казаков». 25 февраля этот отряд начал свой поход, получивший в «белой» историографии название Степного. По данным штаба, опубликованным в «Донской волне» почти сразу же после окончания Степного похода, 21 февраля 1918 г. в составе отряда значилось примерно 1150 «активных» штыков и сабель (вместе с нестроевыми до 1800 человек), 5 орудий и 31–33 пулемета. Современный исследователь С. В. Волков приводит другие данные: в отряде П. Х. Попова было 1727 человек боевого состава (в том числе 617 конных), 5 орудий и 39 пулеметов. В любом случае этот отряд представлял собой достаточно грозную силу. Есть данные, в которых указывалось, что в составе отряда Гнилорыбова (Сальского окружного атамана) действовала одна калмыцкая сотня, но в документах этому подтверждений найти не удалось. В воспоминаниях участников Степного похода об этом нет никаких упоминаний. Мало того, в мемуарах отряд Гнилорыбова чаще всего именуется Офицерской боевой конной дружиной, а численность калмыков-офицеров тогда была невелика, к тому же большинство из них в этот момент были в родных станицах. Возможно, калмыков перепутали с китайской сотней Хоперского (китайца по национальности).

Таблица 4.2.

**Состав Степного отряда в конце февраля 1918 г.
по различным данным**

Название отрядов или дружин	по данным С. Волкова, люди	по данным «Донской волны»		
		люди	оруд.	пулем.
смешанный отряд в. ст. Семилетова	701	450	2	12
конный отряд есаула Назарова	252	250	2	5
смешанный отряд полк. Мамантова	205	250	1	5-7
офицерская конная дружина в. ст. Гнилорыбова	106			
юнкерский конный отряд есаула Слюсарева	96	80	–	3
атаманский конный отряд полк. Каргальского	92	70	–	1
конно-офицерский отряд полк. Чернушенко	85	45	–	5
штаб-офицерская дружина ген. Базавова	116	нестр.	–	–
инженерная сотня ген. Моллера	36			

Л. Г. Корнилов пытался подчинить себе «Отряд Вольных донских казаков» и повести вместе с Добровольческой армией на Кубань, но П. Х. Попов отказался покинуть родные степи и заявил, что уводит свой отряд в район зимовников Сальского округа. Там, по его заверению, было много хлеба, фуража, лошадей. Особые надежды атаман возлагал на калмыков, из которых планировал сформировать несколько полков. Его доводы показались убедительными некоторым руководителям Добровольческой армии: Л. Г. Корнилов и А. С. Лукомский стали склоняться к тому, чтобы перейти в сальские степи вместе с Поповым. Однако М. В. Алексеев и А. И. Деникин сумели настоять на «кубанском» варианте.

Тем временем, в Сальском округе социально-экономическая ситуация начала накаляться: иногородние стали все громче выступать с требованиями передела казачьей земли. Впрочем, напряженность мо-

мента до поры до времени снижало наличие огромного запаса войсковой земли, за счет которого можно было удовлетворить запросы крестьян. Активность крестьянства сдерживало и наличие казачьих частей, расквартированных в Сальском округе (22-го Донского казачьего полка — в станице Орловской и артиллерийской бригады — в станице Великокняжеской), местных отрядов и дружин самообороны. Однако в ноябре 1917 г. эти части были распущены. Вместо них планировалось сформировать калмыцкий полк, однако война калмыкам надоела так же, как и всем остальным казакам, к тому же идеи социальной справедливости находили отклик в их душах.

Фронтвики, возвращавшиеся из Действующей армии, стали создавать ревкомы и Советы по общероссийскому образцу. В некоторых станицах ревкомы создавались по сословно-национальному принципу: русские (из иногородних) и калмыцкие (из казаков), но некоторые калмыки-казаки начали выступать против атаманской власти и за объединение ревкомов. Первый совместный Совет крестьянских и казачьих депутатов в Сальском округе был образован 12 января 1918 г. в станице Платовской. В составе Совета было 12 человек: 6 — от калмыков-казаков (в том числе О. И. Городовиков, Б. Адучинов, Э. А. Кулишов, Эмгенов и др.), 6 — от иногородних (в том числе Сорокин, С. М. Буденный, Т. Н. Никифоров, Сердечный и др.). Перед этим станичный ревком арестовал одного из лидеров местной контрреволюции Абуши Сарсинова и даже приговорил его к расстрелу, но калмыцкие делегаты выступили против этого. Благодаря этому Сарсинову и станичному атаману Докуганову удалось бежать. 15 февраля 1918 г. части 39-й пехотной дивизии, являвшейся оплотом большевиков в северном Прикубанье, заняли станицу Великокняжескую, ознаменовав тем самым переход Сальского округа под власть Советов.

Среди донских калмыков-казаков было немало таких, кто горячо откликнулся на идеи социальной справедливости, стал выступать за союз с иногородними. Они приняли активное участие в создании органов Советской власти на местах и формировании краснопартизанских отрядов. В их числе были О. И. Городовиков, П. И. Шарманджинов, братья Кулишovy, братья Адучиновы (ст. Платовская),

Е. А. Басанов, братья Зара и Керядык Сафоновы (ст. Денисовская), К. Э. Илюмжинов (ст. Власовская), Х. Б. Кануков, Т. Б. Шивидов, У.К. Илишкин (Куберлеевский отряд), К. С. Степкин и М. Д. Шапшуков (ст. Батлаевская) и др. Некоторые из них в тот период занимали руководящие посты: например, Харти Кануков, Кирсан Илюмжинов, Егор Басанов были командирами отрядов. В. А. Хомутников и С. Н. Павлов (участники штурма Зимнего дворца) вошли в состав отряда «Защиты прав трудового народа», сформированного в столице и посланного на Дон для борьбы с контрреволюцией.

Однако бóльшая часть калмыков-казаков, опасаясь передела собственности, настороженно следили за действиями советской власти. Поэтому надежды походного атамана на поддержку калмыков были небезосновательными. Уже в феврале платовские иногородние разгромили богатый калмыцкий хутор Шар-Булук. Аналогичные инциденты произошли еще в ряде хуторов калмыцких станиц. Политическую обстановку в округе заметно осложнили репрессии против духовенства, в том числе ламаистского. Несколько лам были арестованы, в ряде хурулов предметы религиозного культа и священные тексты подверглись надругательству, что вызвало возмущение верующих казаков. В станицах усилилась антисоветская агитация, в которой особенно важную роль играли ламы во главе с Менько Борманжиновым и офицеры. Полковник Батыр (Борис) Мангатов, пользовавшийся большим авторитетом, создал подпольную организацию. Когда отряд П. Х. Попова прибыл на территорию Сальского округа, Б. С. Мангатов с заговорщиками выехал на соединение с мятежниками, но ночью в районе Великокняжеской его отряд попал в засаду и был рассеян. Полковник Мангатов пропал без вести.

Тем временем, в станице Великокняжеской прошел окружной съезд Советов (27 февраля — 4 марта 1918 г.), констатировавший установление Советской власти в Сальском округе. Однако многие казаки, недовольные начавшимся земельным переделом, теперь отказались от нейтралитета и готовы были поддержать контрреволюцию. Прибытие отряда П. Х. Попова в Задонские степи Сальского округа послужило сигналом к началу мятежа. Белогвардейцы, захватывая станицы, стали арестовывать и расстреливать членов местных

Советов и большевиков. Например, в Платовской военно-полевой суд осудил 48 иногородних, из которых 20 были расстреляны. После ухода белых с двумя сотнями мобилизованных калмыков-казачков во главе с прапорщиком Буриновым иногородние, разъяренные действиями Абуши Сарсинова и его сторонников, начали репрессии против оставшихся калмыков: арестовали бакшу Буринова, *«были истреблены почти все его родственники в количестве десяти дворов, не были пощажены и младенцы. Вся станица была разгромлена, а население большей частью спасалось бегством в степь»*. Этот инцидент получил широкий резонанс среди калмыцкого населения округа и способствовал дальнейшему обострению межнациональной вражды. Один из членов войскового правительства, «златоуст Дона» М. П. Богаевский, скрывавшийся в Платовской, незадолго до своей казни (14 апреля 1918 г.) вспоминал о том, как они вместе с женой *«были безмолвными свидетелями ужасов в Платовской станице, где калмыцкое и иногороднее население вырезало друг друга»*.

19 марта 1918 г. конный отряд Назарова с батареей Неживова занял станицу Граббевскую (Цевднякинскую). Здесь к ним присоединились 204 казака во главе со станичным атаманом хоруужим А. А. Алексеевым. Однако другие калмыцкие станицы, в том числе и те, через которые проходил отряд Попова (Бурульская, Эркетинская), не оказали весомой поддержки мятежникам. Видимо, пример «платовской резни» был более чем красноречивым. К середине марта в Степном отряде вместо ожидаемых нескольких полков было сформировано всего четыре калмыцкие сотни (более 500 сабель): полковника Д. Л. Абраменкова, войскового старшины Кострюкова, подъесаула Аврамова, сотника Яманова, объединенные под командованием генерал-майора И. Д. Попова. Следует заметить, что эти 500 сабель составляли на тот момент больше четверти всего Степного отряда.

Части Красной гвардии Дона, Ставрополя и Калмыкии окружили белоказачков в восточных станицах Сальского округа и стали вытеснять Попова с зимовников, лишив возможности отдыха и пополнений. Походный атаман даже отдал приказ о распылении Степного отряда, что фактически означало отказ от организованной борьбы. Но с началом восстания в станице Суворовской 1 апреля 1918 г., инициии-

ровавшего серию антисоветских выступлений на Дону, ситуация резко изменилась. Калмыцкие сотни в составе отряда Мамантова вышли на соединение с восставшими станицами 2-го Донского округа. Одна из калмыцких сотен под командованием генерала И. Д. Попова вошла в станицу Константиновскую — административный центр 1-го Донского округа, где в это время шел окружной съезд Советов, и восстановила там атаманскую власть. При этом И. Д. Попов не стал разгонять Совет, а переименовал его в окружной круг, и тут же был избран окружным атаманом. Основные силы Степного отряда были переброшены в Черкасский округ, где вошли в состав вновь созданной Донской армии. Степной поход, который, казалось бы, уже ждало поражение, вдруг закончился успехом: белогвардейцы сумели переждать период «нейтралитета» казаков и дожидаться ожидаемой межсословной войны на Дону.

Процесс организации Советской власти на Дону проходил в достаточно сложных условиях. 23 марта 1918 г. областной военно-революционный комитет специальным декретом объявил о создании Донской советской республики. 9–14 апреля 1918 г. в Ростове-на-Дону прошел 1-й съезд Советов рабочих и казачьих депутатов Донской республики, который выбрал региональный ЦИК и СНК. Во главе органов власти встали местные большевики: председателем ЦИК был избран В. С. Ковалёв, председателем СНК — Ф. Г. Подтёлков. Однако их политика, направленная на решение аграрного вопроса путем социализации земли, привела к обострению межсословных отношений. Уже в конце марта на Дону начались мятежи. Казаки, недовольные попыткой земельного передела, взяли за оружие и стали свергать советскую власть на местах, призывая к себе контрреволюционеров. В течение короткого времени под их контролем оказался весь средний и нижний Дон. Стали формироваться первые полки, сначала из добровольцев, затем по мобилизации; мятеж возглавили опытные и умелые командиры — генерал С. В. Денисов и полковник И. А. Поляков. 14 апреля был создан временный Совет обороны Дона, 21 апреля переименованный во Временное донское правительство.

Под напором белоказачьих правительств Донской советской республики было вынуждено оставить 8 мая 1918 г. Ростов-на-До-

ну и эвакуироваться в Донецкий район, который еще оставался под контролем Советской власти. Они обратились за помощью в другие регионы и в Москву, стали собирать под свои знамена местные красногвардейские отряды. Для проведения мобилизации была создана специальная комиссия под руководством Ф. Г. Подтёлкова и М. В. Кривошлыкова, которая выехала в Верхне-Донской округ, пока еще сохранявший лояльность. Однако почти одновременно с ними в округ прибыли белогвардейские эмиссары, которые сумели поднять антисоветский мятеж и захватить этот отряд в плен. Пленники были казнены (описание их казни хорошо известно по шолоховскому «Тихому Дону»). Остатки правительства во главе с В. С. Ковалёвым перебрались в Царицын, оттуда — в Сальский округ, где стали организовывать красногвардейские отряды. Однако фактически история Донской советской республики закончилась.

После захвата Новочеркасска белыми был созван так называемый Круг спасения Дона, на котором был избран новый атаман (П. Н. Краснов) и создано войсковое правительство. В этот момент делегаты Круга станичные атаманы Абуша Сарсинов (Платовская) и Абуша Алексеев (Граббевская) при поддержке члена Войскового правительства Бадмы Уланова выступили с инициативой формирования отдельной национальной части и добились разрешения войскового атамана. Уже в мае 1918 г. в Константиновской преимущественно из участников Степного похода был сформирован Зюнгарский калмыцкий полк в составе 5 сотен. Две сотни были составлены из казаков Граббевской (Цевднякинской) станицы, две — из казаков Платовской (Ики-Бурульской) станицы, одна — из казаков Бурульской (Бага-Бурульской) и других станиц. Сразу после формирования Зюнгарский полк был направлен в родной Сальский округ.

В мае 1918 г. атаман Краснов принял решение о формировании так называемой постоянной Донской армии в составе трех конных дивизий, пешей и стрелковой бригад, различных специальных подразделений. Ряд донских генералов сомневались в моральной устойчивости казаков-фронтовиков, значительная часть которых под влиянием большевистской агитации дезертировала с фронта, а зимой 1917/1918 г. выступила против Каледина. Поэтому постоянную Дон-

скую армию было решено формировать преимущественно из казаков переписи (призыва) 1918–1919 гг. (поэтому ее также называли «Молодой армией»). Первые номера новых частей были присвоены гвардейским полкам: лейб-казачьему и Атаманскому. Номер 3, учитывая заслуги донских калмыков в Степном походе, был отдан калмыцкому полку. Эта часть, как и другие полки элитной «Молодой армии», получила лучшее оружие и обмундирование.

С вторжением белогвардейцев Краснова с запада и Деникина с юга летом 1918 г. советские отряды были вынуждены оставить и Сальский округ. Многие калмыки-казаки после мероприятий по земельному переделу и «платовской резни» стали переходить от нейтралитета к контрреволюции. Пока станицы находились под контролем Советской власти (этот округ белоказаками был занят последним), казаки не решались на открытые выступления, но в боях они не раз переходили на сторону белых. Одним из наиболее известных случаев стал переход Донского полка бывшего хорунжего Сметанина (часть которого состояла из калмыков). В июне 1918 г. у хутора Садки (Царицынского округа) во время прорыва белых калмыки 2-го Донского кавалерийского полка напали на однополчан и перерубили более ста бойцов. Во время вторжения белогвардейцев в июне 1918 г. в Сальский округ переходы калмыков-казаков резко участились. Уже в ночь на 12 июня при взятии станицы Власовской (Бембдякинской) и станции Гашун отличились две только что сформированные сотни калмыков-добровольцев под командованием есаула Сельдинова. 12 июня в трех станицах, занятых белоказаками: Кутейниковской, Ново-Алексеевской и Иловайской было мобилизовано 600 калмыков. Сельдинову поручили формировать калмыцкий полк в Гашуне. В других калмыцких станицах также начались выступления против Советской власти, и к августу они были очищены от большевиков. Большинство донских калмыков оказались на стороне контрреволюции.

С другой стороны, следует заметить, что в составе отступавшей 1-й Донской советской дивизии также было немало донских калмыков. Некоторые из них занимали командные и штабные должности: О. И. Городовиков (командир Платовского эскадрона, затем 2-го ди-

визиона 1-го Донского карательного конного полка), К. Э. Илюмжинов (помощник начальника штаба дивизии), Х. Б. Кануков (начальник военного волостного революционного штаба, затем командир Куберлеевского эскадрона) и др.

1 июня 1918 г. Зюнгарский полк вошел в состав группы Мамантова, ведущей борьбу за Сальский округ с красными отрядами Ковалева и Шевкопляса. В начале июля из-за отсутствия пополнений (станция Граббевская в тот период находилась под контролем красных) Граббевские сотни были сведены в одну — 1-ю сводную (Цевднякинскую). Со 2 августа 1918 г. Зюнгарский калмыцкий полк стал именоваться 80-м конным казачьим полком. Впрочем, в документах часто встречаются такие названия как «Зюнгарский калмыцкий» и «80-й Зюнгарский». Тогда же он был переведен из Цимлянской группы К. К. Мамантова в Задонскую группу И. Ф. Быкадорова. Позже 80-й конный участвовал в стычках с кавалерией Б. М. Думенко на реках Сал и Аксай-Курмоярский. Особенно тяжелыми оказались бои 25 августа — 2 сентября 1918 г. в районе Граббевской — Чунусовской — Андреевской, когда Зюнгарский полк понес серьезные потери. Осенью 1918 г. в состав донских полков прибыло значительное количество казаков, в том числе из калмыцких станиц Сальского округа. Если раньше сотни Зюнгарского полка комплектовались одностаничниками, то с осени от этого принципа отказались. 6 октября 1918 г. Задонский отряд (будущий 6-й Донской корпус) вошел в состав Восточного фронта Войска Донского. Однако 80-й конный полк остался в Сальском округе и был передан в состав отряда Постовского, который вел бои в западных районах Калмыкии. Зюнгарский полк в составе сводной конной бригады прикрывал стык между флангами армий Краснова и Деникина на яшалтинском направлении.

В начале 1919 г. резко осложнилась ситуация на Северном фронте. «Верховские» казаки, уставшие от долгих боевых действий, поддались на агитацию большевиков и открыли дорогу на Новочеркасск. Командование Донскими армиями стало спешно перебрасывать на это направление лучшие части и соединения, в том числе и Зюнгарский полк, который вошел в состав 2-й Донской армии (бывшего Северного фронта) и участвовал в боях на Донецком направлении.

Рядом с ними вел бои 3-й Калмыцкий полк, который все лето—осень 1918 г. проходил обучение в лагерях под Новочеркасском и принял боевое крещение только в начале 1919 г., поскольку 1-ю Донскую дивизию атаман Краснов берег как последний резерв. Благодаря принятым мерам фронт удалось восстановить. Однако в условиях кризиса 2 февраля 1919 г. Краснов и его приближенные ушли в отставку, передав контроль над донским войском генерал А. И. Деникину. Началась реорганизация вооруженных сил Войска Донского: все фронты преобразовали в Донские армии, ряд частей и соединений расформировали, но 80-му Зюнгарскому и 3-му Калмыцкому полкам удалось сохраниться. Весной 1919 г. все донские соединения были сведены в Донскую армию В. И. Сидорина.

В этот период войска 10-й армии РККА заняли почти все калмыцкие станицы Сальского округа. Соединения этой армии состояли в основном из донских и украинских крестьян, которые часто осуществляли репрессии против казачьего населения, особенно против калмыков-казаков. В результате этого оказались разрушены все уцелевшие хурулы, многие донские калмыки погибли или были вынуждены бежать в степь из родных станиц. В составе политотдела 10-й армии функционировал специально созданный подотдел во главе с Х. Б. Кануковым, который должен был агитировать донских калмыков на поддержку советской власти, но многочисленные эксцессы по отношению к местному населению фактически аннулировали все усилия калмыцких партработников. Калмыцкое население донских станиц заняло устойчивые антисоветские позиции. Тем не менее, ряд калмыков, служивших в РККА еще с 1917–1918 гг., продолжали сражаться с белыми и даже делали успешную карьеру. О. И. Городовиков весной 1919 г. был назначен командиром 4-й кавалерийской дивизии, а К. Э. Илюмжинов — пом. начальника штаба 37-й стрелковой дивизии. В. А. Хомутников летом 1919 г. получил назначение в Калмыцкую кавдивизию (укомплектованную призывниками из Калмыцкой степи), где сначала был командиром эскадрона, а затем стал командиром 1-го Калмыцкого кавполка, с которым в сентябре выступил на фронт.

Весной 1919 г. в тылу РККА в Верхне-Донском округе вспыхнуло казачье восстание. Командование Донской армии свело наиболее

надежные полки в группу А. С. Секретева, которая в мае прорвала фронт противника и в ходе рейда соединилась с восстановившимися верхнедонцами, резко осложнив положение Южного фронта РККА. Позже группа Секретева вошла в состав вновь формируемого 4-го Донского корпуса К. К. Мамантова. В составе этого соединения 80-й конный полк участвовал в знаменитом рейде по тылам Южного фронта. Однако по возвращении из рейда Зюнгарский полк, как и весь корпус, стала сотрясать эпидемия «самоволок». В результате этого, 4-й Донской корпус утратил боеспособность, осенью 1919 г. несколько раз был разбит соединениями С. М. Буденного и откатился за Дон.

3-й Калмыцкий полк, как и другие части элитной «Молодой армии», без переформирования был включен в состав 3-го Донского корпуса, участвовал в боях на миллеровском и богучарском направлениях. Однако его укомплектованность, как и других частей 1-й Донской дивизии, не соответствовала штатному расписанию. В 3-м полку было всего две конные сотни и пулеметная команда. 22 июня 1919 г. в нем была сформирована пешая сотня (большей частью из казаков станиц Донецкого и 2-го Донского округов). Пополнения в конные сотни также поступали без учета национальности. Например, 16 июля 1919 г. в 1-ю сотню было зачислено 106 казаков (в основном из Сальского округа), но только 39 из них были приписаны к калмыцким станицам. Осенью 1919 г. в составе части появилась 4-я сотня, однако укомплектованность полка оставалось низкой.

Есть основания полагать, что 3-й Калмыцкий и 80-й Зюнгарский полки были не единственными калмыцкими национальными частями в составе Донской армии. В документах есть упоминания о том, что в Задонском отряде (9 полков) в конце 1918 г. калмыки-казаки несли службу не только в 80-м конном полку, но и других частях, например, в 76-м конном. Несколько сотен калмыков служило в Сальском казачьем полку, а в состав Великокняжеского казачьего полка входила Калмыцко-Атаманская сотня. Однако общее число калмыцких национальных частей в составе Донской армии было невелико. Это неудивительно, ведь численность калмыков в Войске Донском составляло немногим более 2 % от общего количества донских казаков. Тем не менее, командование Донской армии вы-

соко оценивало вклад калмыков-казаков в борьбе с Советской властью. Неслучайно, что на трехцветном знамени Всевеликого войска Донского одна из полос (желтого цвета) символизировала калмыков Сальского округа. За время службы в Донской армии калмыцкие полки не подвергались расформированиям, их бросали на самые опасные участки, они участвовали во всех успешных операциях белоказаков. Калмыцкие части отличались идеологической устойчивостью и верностью выбранным идеалам, что ставило их в один ряд с лучшими полками Донской армии.

В конце 1919 г. основные силы Донской армии были разбиты и отошли к нижнему Дону. Многие казачьи части и соединения были деморализованы и перестали существовать как боевые единицы, однако 3-й Калмыцкий и 80-й Зюнгарский полки сохранили свой состав и даже усилились. Например, в состав 80-го полка влили две сотни калмыков-казаков из Сальского полка. Укомплектованность 3-го Калмыцкого и 80-го Зюнгарского полков была неполной, но белое командование высоко ценило их боевой дух. Из наиболее надежных частей, в числе которых были оба калмыцких полка, Сидорин сформировал три ударных соединения (конные группы А. А. Павлова, Т. М. Старикова и корпус А. К. Гусельщикова), которые препятствовали попыткам красных форсировать Дон и Маныч. Хотя калмыцкие полки оказались в разных соединениях, в те дни они часто сражались рядом. Пользуясь нескоординированностью действий соединений Кавказского фронта РККА, Деникин стал наносить удары по плацдармам красных двумя-тремя группами при поддержке кубанской конницы, как, например, в бою у Ольгинской с 1-й Конной армией в середине января или в сражении со сводно-конным корпусом у Веселого в конце января. В результате этого, все попытки буденновцев, думенковцев и блиновцев форсировать Дон и Маныч провалились. Но в середине февраля 1920 г. 1-я Конная армия была переброшена в Сальский округ, где 10-я армия захватила плацдарм на левом берегу Маныча. Деникин бросил против них *«наиболее сильную и стойкую группу Павлова»*, в состав которой входил и 80-й Зюнгарский полк, но из-за ошибок командира группа обморозилась и потеряла половину состава. «Зюнгарам» удалось избежать этой трагедии, но остатки

группы Павлова были разбиты в сражении у Егорлыкской, решившего судьбу «Белого дела».

Калмыцкое население Сальского округа, опасаясь повторения инцидентов наподобие «платовской резни» 1918 г. или репрессий весны 1919 г., стало массово сниматься с родных мест и бежало за Маныч. Организовать такую технически сложную эвакуацию белые не смогли, и для огромных колонн беженцев этот путь стал дорогой мучений и страданий, немало калмыков погибло в пути от холода и голода. Кроме того, донские калмыки в пути подвергались грабежам и насилиям со стороны красных. Известно, как минимум, о четырех случаях массовых убийств гражданских калмыков по национальному признаку, осуществленных красноармейцами весной 1920 г.: в с. Лопанка и Чепрак, станице Саратовской и г. Екатеринодаре. Руководство Калмыцкого ЦИК, устанавливая советскую власть в калмыцких улусах, очищенных от белогвардейцев, прилагала свои усилия для спасения беженцев-калмыков. На Кубань был направлен комиссар Е. М. Сайков, который наладил сотрудничество с местными советскими властями. Один из бывших командиров Таманской армии Кольшко даже назначил его комиссаром 1-го района Екатеринодара. Сайков, используя выданные мандаты, в течение двух недель добился прекращения репрессий калмыков-беженцев, смог собрать и вернуть со специальными документами в прежние места жительства более 5 тысяч калмыков.

В марте 1920 г. 3-й Калмыцкий (ком. — полковник Н. Слюсарев) и 80-й Зюнгарский (ком. — полковник Г. Тепкин) полки вместе со всей белой армией отступили к Черному морю. В отличие от многих донских полков они не приняли предложение красных о капитуляции и продолжили борьбу, прикрывая отход белых к Новороссийску. Однако при погрузке на суда большая часть донских полков была намеренно брошена белыми на берегу. Многие деморализованные казаки, в том числе более 300 калмыков, сдались и перешли на сторону красных. Основные силы 3-го Калмыцкого и 80-го Зюнгарского полков решили продолжить сопротивление и вместе с другими частями вышли в поход к Адлеру. По пути 3-й Калмыцкий полк попал в засаду и был рассеян на несколько частей, но «зюнгарцам» удалось без осо-

бых потерь добраться до Крыма. Несмотря на то, что Донская армия вновь подверглась переформированию, Зюнгарский полк сохранил свой состав. Он стал одним из четырех Донских полков, сумевших с 1918 г. сохранить свою структуру. 1 мая 1920 г. Донская армия была расформирована, а ее остатки, в том числе Зюнгарский калмыцкий полк, вошли в состав Русской армии П. Н. Врангеля. Там он вместе с Гундоровским Георгиевским полком составил отдельную бригаду и сражался с красными еще полгода. Однако в ноябре 1920 г. армия Врангеля была разгромлена и эвакуировалась за границу, в том числе и Зюнгарский полк.

Характерно, что со стороны красных в завершающих событиях Гражданской войны на юге страны активное участие также принимали калмыки. В 1920 г. на Кавказе сражались 1-й и 2-й Калмыцкие полки, которыми командовали соответственно донской калмык-казак В. А. Хомутников и донской крестьянин (владевший калмыцким языком) А. Б. Стаценко. Позже оба полки были сведены в один, который принимал активное участие в борьбе с бандитизмом. В конце 1920 г. командный состав полка (большой частью состоявший из донских калмыков и донских крестьян, владевших калмыцким языком) был отозван в распоряжение Региструпра (будущего ГРУ) и под руководством Х. Б. Канукова и В. А. Хомутникова направлен в Монголию для участия в национальной революции. О. И. Городовиков летом 1920 г. стал организатором и командующим 2-й Конной армией, которая сыграла важную роль в поражении войск Врангеля в Северной Таврии. Осенью Городовиков вернулся в родную 1-ю Конную армию и возглавил 6-ю кавдивизию. При этом начальником разведотдела соединения был племянник Городовикова Э. А. Кулишов, а начальником Особого отдела — Х. Б. Кануков.

Гражданская война для донских калмыков обернулась колоссальными экономическими и демографическими потерями. Если по данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в Области Войска Донского проживало более 32 тыс. калмыков, то к лету 1920 г. в регионе осталось около 18 тыс. калмыков, большая часть которых лишилась почти всего имущества и жилья. Более 3 тыс. калмыков (большинство из которых были донскими казаками) эми-

грировала в Турцию. Оставшиеся донские калмыки лишились почти всего скота и имущества. Часть зданий была разрушена, а из оставшихся домохозяйств большинство не имели *«ни окон, ни дверей, ни печей, сельскохозяйственного живого и мертвого инвентаря»*. Донские калмыки испытывали крайнюю нужду в продовольствии, обуви и одежде. У них конфисковывали последний скот, хотя это прямо воспрещалось декретами советской власти.

Что касается остальных локальных групп, то незначительные сведения в архивах и воспоминаниях сохранились лишь об оренбургских калмыках.

После начала революции 1917 г. оренбургские калмыки, которые жили дисперсно во многих станицах Новой линии, стали ставить вопрос о своем объединении и выделении в отдельную станицу. Уже 19 июня 1917 г. в Оренбургскую войсковую управу поступило ходатайство 152 семей (284 мужчины и 227 женщин) оренбургских калмыков из 2-го и 3-го войсковых отделов о выделении участка земли для создания национального поселка. Их интересы представлял вахмистр П.И. Жемчужев (участник русско-японской войны и бывший атаман Березинской станицы). Возможность компактного проживания позволяла преодолеть многие бытовые затруднения, связанные с общением между родственниками, вступлением в брак и оказанием материальной помощи нуждающимся. Кроме того, оренбургские калмыки планировали в новом поселке построить хурул со своим духовенством и школу *«для просвещения подрастающего поколения»*. Новый поселок предполагалось построить в районе Михайловской станицы 3-го отдела, между наделами поселков Алексеевского и Лейпцигского. Эта территория (общей площадью 3367 десятин) принадлежала войску, но при этом не входила в станичные наделы и сдавалась в аренду крестьянам.

Войсковое правительство и временный наказной атаман полковник В.Н. Половников согласились с этой инициативой, но необходимое решение вынесли лишь 31 июля 1918 г., разрешив новым поселенцам самим выбрать название нового поселка. К тому времени большая часть оренбургских калмыков выселилась из своих станиц, продала свои домохозяйства и вернула земельные паи в обществен-

ный капитал. Однако арендаторы отказались отдавать обрабатываемые наделы. Мало того, они прекратили вносить арендные платежи и фактически осуществили самозахват этих наделов, не допуская казаков на войсковые земли. После мировой войны многие крестьяне вернулись на родину с оружием и готовились отстаивать свои интересы вооруженным путем. 22 апреля 1919 г. П. И. Жемчужев обратился в войсковое правительтельство за помощью, указав, что арендаторы еще с 1917 г. *«не допускают к заселению и угрожают убийством»*. Однако казачье правительтельство, стремясь не допустить конфликтов, предложило *«ввиду остроты переживаемого момента с переселением... переждать»*.

Как и многие другие казацкие войска, Оренбургское войско приняло активное участие в Гражданской войне. При этом экономическое благосостояние войска, поселенного на неудобных землях посреди голой степи, было невелико, в отличие от других. Неудивительно, что часть оренбургских казаков, особенно из числа бедноты, выступила на стороне советской власти. Например, в составе РККА сражались К. Баянов, Д. Делеков, С. Талгаров, П. Домбаев, С. Соломов, Ф. Тасеев, К. Чуматов, братья Тягусовы, Жемчуевы, Шамбатуевы, Нусхаевы и др. Именно этим, видимо, объясняется тот факт, что оренбургские калмыки понесли сравнительно меньшие потери, чем калмыки-казаки других групп.

В качестве характерного примера судьбы оренбургского калмыка в годы Гражданской войны можно привести биографию В. Ф. Нусхаева — уроженца поселка Кассельский Верхнеуральской станицы. Он являлся ветераном Первой мировой войны, полным Георгиевским кавалером. В декабре 1917 г. фронтовик Нусхаев вернулся на родину и отказался вступить в белоказачий отряд, за что был арестован. После ухода отрядов атамана А. И. Дутова в Тургайские степи, в январе 1918 г. Нусхаев был избран первым председателем Кассельского ревкома. После того, как белые вновь захватили территорию войска, он был мобилизован и даже повышен в звании (до прапорщика) и в должности (стал командиром сотни 21-го казачьего полка). В сентябре 1919 г. под Актюбинском Нусхаев со своим взводом перешел на сторону РККА и долго служил в особой

Оренбургской бригаде. В конце 1919 г. он отморозил ноги и был уволен по инвалидности.

После окончания Гражданской войны вопрос о создании национального калмыцкого поселка уже не поднимался, тем более, что исчезло и само Оренбургское войско. В сентябре 1919 г. из Оренбургской губернии были выделены Челябинский, Троицкий и Верхнеуральский уезды, вошедшие в состав новой Челябинской губернии. Почти все оренбургские калмыки (за исключением небольшой группы проживавших в Орском уезде) попали в состав нового региона. Согласно переписи 1920 г. в Челябинской губернии проживали 549 калмыков.

К сожалению, сведений о том, как протекала Гражданская война среди кумских калмыков, терских, уральских и астраханских калмыков-казаков не сохранилось, тем более, что последние три группы были рассеяны среди станиц соответствующих войск и отдельных групп не образовывали.

Вопросы к параграфу 4.1.

1. Кто из донских калмыков-казаков был избран членом Учредительного собрания?

2. Какие полки донских калмыков были сформированы и в составе каких армий они действовали?

3. Назовите наиболее известных донских калмыков — военнослужащих РККА.

§ 4.2. *Переселение калмыков из локальных групп в Калмыцкую автономную область. Калмыцкий район (1930–1944 гг.)*

В период со 2 до 9 июля 1920 г. в Калмыцкой степи, в с. Чилгир прошел I Общекалмыцкий съезд Советов. В его работе приняло участие 349 делегатов, из которых 20 представляли донских калмыков, еще 2 — Кумский аймак Терской области. Также на съезде в качестве гостей присутствовали представители других локальных калмыцких групп, в том числе оренбургских и уральских. Съезд решил ряд вопросов, самым важным из которых стало провозглашение долгожданной автономии, заявленное в «Декларации прав трудового калмыцкого народа». Новый документ провозглашал объединение всех разрозненных частей калмыцкого народа в единый регион в составе РСФСР — Автономную область калмыцкого трудового народа, напрямую подчиненного Москве. В его состав должны были войти территории Астраханской, Царицынской и Ставропольской губерний, Донской области, заселенные преимущественно калмыцким населением: улусы бывшей Калмыцкой степи Астраханской губернии, Большедербетовский улус Ставропольской губернии, 13 станиц Сальского округа Донской области, Кумский аймак Терской области. Ввиду того, что между калмыцкими улусами и калмыцкими донскими станицами находилась полоса русских сел, расположенных вдоль Царицынско-Ставропольского тракта, то во избежание чересполосицы и связанных с этим проблем, указанный район был передан из Царицынской губернии в состав Калмыкии. Столицу нового региона было решено установить в Элисте, поскольку это село находилось примерно в середине области и находилось примерно на одинаковом расстоянии от приволжских и приморских поселков восточных улусов и от западных станиц Сальского округа.

Однако развитие этого процесса было нарушено конфликтом руководства новой области с лидерами донских калмыков, который начался еще на чилгирском съезде. В его работе должен был принять участие лидер донских калмыков Х. Б. Кануков, прибывший с фронта с эскадрой красноармейцев. Однако по дороге он вступил в конфликт с руководящими лицами с. Элисты и избил их. По прибытии

в Чилгир он был арестован и, несмотря на свои огромные заслуги в борьбе с белогвардейцами и многочисленные ходатайства о хотя бы временном освобождении, все дни работы съезда просидел в тюрьме. Из-за этого он не был избран в КалмЦИК. Многие делегаты усмотрели в этом акт улусизма и попытку устранить влиятельного конкурента, и, по всей видимости, были недалеки от истины.

5 августа 1920 г. начался I съезд Советов калмыков Сальского округа, в котором приняли участие представители 12 станиц из 13 (кроме Эркетинской, отказавшейся от участия в съезде). В самом начале работы съезда была зачитана телеграмма Х. Б. Канукова (воевавшего на фронте), в которой тот призвал донских калмыков *«оставаться в пределах Донской области, не присоединяясь к астраханцам»*. 7 августа президиум съезда (И. Шалхыков, С. Павлов, М. Ушанов, Т. Шивидов, П. Шарманджинов), применив методы давления, добился от делегатов отказа от вхождения в Калмыкию, поскольку *«деление на отдельные автономные области является не рациональным, так как, не разбиваясь на единицы, общими силами мы можем скорее победить международную контрреволюцию, легче можем справиться с хозяйственной разрухой, а потому входить в административное управление Автономной Области Калмыцкого Народа мы не желаем»*. Желаящим войти в состав автономной области предлагалось переселиться. Мало того, ввиду значительного сокращения численности донских калмыков было решено сгруппировать их в пяти западных станицах (Платовской, Батлаевской, Ново-Алексеевской и др.), *«за полотно железной дороги»*, в район, наиболее удаленный от Калмыкии. Делегаты 6–7 восточных станиц (без учета Эркетинской) выступили против этого решения. Мало того, они настаивали на вхождение в состав калмыцкой автономии, согласно решению чилгирского съезда. Однако делегатов пяти западных станиц оказалось больше, чем семи восточных станиц, и президиум съезда продавил нужное ему решение.

После съезда представители 6 восточных станиц заявили протест председателю облисполкома. 12–15 августа собрания жителей станиц Беляевской, Чунусовской и Потаповской (Балдырской) вынесли решения, в которых отказывались от переселения на запад и

выражали желание *«оставаться в Автономной области калмыцкого трудового народа, не переселяясь с мест»*. Собрание жителей Эркетинской станицы вынесло аналогичное решение еще 1 августа (до начала работы съезда). На этом основании КалмЦИК потребовал пересмотра решений этого съезда и направил в Сальский округ специальную комиссию из наиболее авторитетных общественных деятелей: У. Д. Душана, Л. К. Карвина, Е. М. Сайкова. Однако накануне II съезда 1 делегат был арестован, еще 6 — отстранены мандатной комиссией, дабы сократить число сторонников единой автономной области. Благодаря этому лидеры калмыков Сальского округа сумели провалить решение о неприсоединении с перевесом всего в 1 голос (за — 20, против — 21).

Забегая немного вперед, скажем, что ввиду того, что проблема чересполосицы с донскими станицами исчезла, полоса русско-украинских сел, расположенных вдоль Царицынско-Ставропольского тракта и сведенных в Ремонтненский уезд, в 1925 г. добилась выхода из состава Калмыкии.

В октябре 1920 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло постановление «О задачах РКП (б) в местностях, населенных восточными народами», в котором предписывалось создать автономии для восточных народов, прежде всего для калмыков и бурят-монголов. 23 октября 1920 г. состоялось совещание в наркомате по делам национальностей, на котором было принято решение об образовании Калмыцкой автономной области в ее основных границах. Правда, вопрос о границах, а также хозяйственные вопросы были временно отложены из-за их слабой разработанности. 2 ноября 1920 г. Совнарком принял решение о предоставлении автономии калмыцкому народу. 4 ноября 1920 г. Совнарком РСФСР совместно с ВЦИК вынес постановление об образовании Автономной области калмыцкого народа. Одновременно в Астраханский губисполком и Калмыцкий исполком была направлена телеграмма за подписями В. И. Ленина и М. И. Калинина с текстом этого постановления. В нем указывалось, что вся полнота власти в Автономной Калмыцкой области принадлежит съезду Советов и избираемому съездом исполнительному комитету, которому присваивались права губернского исполкома. В целях быстрого

разрешения вопроса национально-территориального устройства Калмыцкой автономной области ВЦИК и СНК поручили наркомату по делам национальностей образовать комиссию для разрешения вопросов, которые могли возникнуть при детальном установлении границ Калмыцкой автономной области.

13 июля 1921 г. наркомат по делам национальностей РСФСР, обсудив на заседании коллегии вопрос о переселении донских калмыков в Калмыцкую область, обратился во ВЦИК с просьбой санкционировать это переселение и предложил Донскому облисполкому и Ставропольскому губисполкому не чинить при этом препятствий. Несмотря на это, часть лидеров донских калмыков выступила против переселения, мотивируя это недостатком места для переселенцев. К тому времени численность донских калмыков составляла примерно 18 тысяч человек, причем в результате ряда административно-территориальных реформ калмыцкие поселения оказались разделены между разными волостями (районами) Сальского округа. Экономическое положение донских калмыков оставалось тяжелым, их хозяйства были настолько разорены, что многие даже не смогли выполнить план по продразверстке. В результате этого среди донских калмыков резко усилился интерес к идее переселения в новую автономию. Новым переселенцам предоставили свободные земли в Большедербетовском улусе. Здесь были почвы, пригодные для земледелия (черноземные и темно-каштановые), да и сам улус еще до войны имел самую высокую степень оседлости по сравнению с другими улусами. Предполагалось, что бывшие калмыки-казаки, занимавшиеся ранее земледелием, в таких условиях смогут быстрее восстановить свое хозяйство и наладить быт. В какой-то мере процесс переселения сдерживался голодом в Поволжье 1921–1922 гг., который отразился и на Калмыцкой области. Тем не менее, к началу 1923 г. численность донских калмыков (несмотря на возвращение казаков-белоэмигрантов) сократилась до 15 тыс. чел., в том числе 11 тыс. — в Сальском округе.

По инициативе КалмЦИК в августе 1923 г. прошел VII съезд донских калмыков, на котором помимо прочего было одобрено организованное переселение бывших калмыков-казаков из Сальского округа в Калмыцкую область. В 1923 г. переселилось более 3,7 тыс. чел.,

в 1924 г. — 6,4 тыс., в 1925 г. — 4,9 тыс. Донские калмыки большей частью переселялись в Большедербетовский улус группами, при этом одностаничники старались селиться вместе, создавая отдельные хотоны. Лишь в некоторых случаях выходцы из близлежащих станиц могли объединяться в один поселок. В основном новые поселки получали имена старых станиц, из которых прибывали переселенцы, причем чаще всего это были калмыцкие варианты названий: Бембдякинский (Бичкин-Кёль), Борна, Городовиковский, Денисовский, Зюнгар-Кюбетовский, Ново-Алексеевский, Ново-Бурульский, Потапо-Беляевский, Теегин Нур, Цевднякиновский (Шуста), Эркетеневский. Поселок Борна заселялся богшракинцами, Городовиковский — платовцами (ики-бурулами), а Теегин Нур — цевднякинцами.

В состав новой автономии должен был войти и граничащий с нею Кумский аймак. Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 25 ноября 1920 г. территории между Кумой и ее левым протоком Гайдук, на которых кочевали кумские калмыки (общей площадью более 91032 дес.), были переданы из Терской области в состав Калмыкии. Оформление этой передачи было назначено на 1 февраля 1921 г., однако решение этого вопроса стало затягиваться, так как местные власти якобы мешали этому. В ноябре 1922 г. ВЦИК передал в состав вновь образованной Дагестанской автономной республики Ачикулакский уезд и часть Кизлярского округа, при этом было указано, что с северо-запада граница нового региона проходит по р. Куме, а с севера — по существующей границе с Калмыкией (то есть фактически тоже по Куме). После такого установления границы между регионами территория Кумского аймака оказалась в составе Дагестана.

Сами кумские калмыки к тому времени большей частью покинули неудобные для хозяйствования территории и начали перекочевку в Калмыкию. 16 июля 1920 г. на общем собрании они приняли решение о переезде в Большедербетовский улус. Аналогичное решение приняли и терские калмыки из притеречных станиц. По переписи 1917 г. терских и кумских калмыков насчитывалось более двух тысяч человек, но к 1924 г. в Большедербетовский улус из Терской области переехало лишь 807 калмыков. Это объясняется тем, что часть кумских калмыков вернулась к своим сорочичам в Эркетеневский улус, и

соответственно в статистике не учитывались. Большая часть кумских калмыков поселилась в поселке Кумский аймак (к югу от Башанты), терских калмыков — в поселке Терский.

Переселение осуществили и уральские калмыки, которые понесли большие потери в ходе Гражданской войны. Уральское казачество, в отличие от оренбургского, относилось к числу «богатых» и революцию приняло с недоверием. Многие казаки не пожелали сдаться или принять амнистию и пытались бежать за границу зимой 1920 г. (в Иран или Джунгарию). Эти тяжелые многосоткилометровые марши по заснеженной степи без подготовки и снабжения навсегда останутся в памяти выживших как самый страшный кошмар. По свидетельству Ш. Норбо из Китая, более 50 калмыков из армии Колчака в 1920 г. переселились в Синьцзян, где осели среди соплеменников-ойратов. После Гражданской войны на территории бывшего войска из более чем 700 уральских калмыков осталось всего 284 человека. В Большедербетовском улусе уральские калмыки большей частью проживали во вновь построенном поселке Дон-Урал.

Почти сразу же после чилгирского съезда вопрос о переезде стал обсуждаться в среде оренбургских калмыков. Основать свой национальный поселок им не удалось, к тому же они были сильно разорены в ходе завершившейся Гражданской войны. Единственной возможностью избежать ассимиляции и сохранить этническую идентичность было переселение к соплеменникам. Уже в 1921–1922 гг. в Большедербетовский улус начали переезжать первые оренбургские калмыки, имевшие хоть какой-то рабочий скот для перекочевки. Однако большинство из них были разорены Гражданской войной, лишились скота и не могли самостоятельно перекочевать в новую автономию. Положение осложнил голод в Нижнем Поволжье 1921–1922 гг. Лишь в 1923 г. удалось организованно перевезти по железной дороге большую часть оренбургских калмыков под руководством П. И. Жемчуева, которых поселили в 1-й Икитуктуновской волости Большедербетовского улуса. Новые поселения были названы 1-й и 2-й Оренбургские аймаки. Однако самые обездоленные оренбургские калмыки по-прежнему оставались на территории бывшего войска. Их представитель А. И. Менкежиргалов в своем докладе от 17 января 1926 г.

указывал, что в 11 поселках проживает 208 калмыков (группами от 1 до 60 чел.). При этом они *«нравственно угнетены, чувствуют полное сиротство и одиночество»*, находятся в тяжелом экономическом положении. 25 марта 1926 г. Президиум ЦИК Калмыцкой Автономной области обсудил эту проблему и решил переселить их по железной дороге при содействии федеральных властей. По прибытии в Калмыцкую область они были подселены к своим землякам.

Таким образом, в 1926 г. процесс переселения калмыков из локальных групп из-за пределов Калмыкии завершился. К этому времени в Большедербетовском улусе проживали 6149 донских, 702 кумских, 375 терских, 504 оренбургских, 319 уральских калмыков. Кроме того, небольшая часть переселенцев поселилась в других улусах и в Элисте. Однако не всем понравились условия жизни на новых землях. Все расходы, связанные с переселением, покрывались за счет самих переселенцев, в Калмыкию они приезжали совершенно нищими. Обещанная материальная помощь не всегда доходила до адресатов, жить приходилось в землянках. Переселенцы практически не имели возможности даже засеять свои наделы, к тому же земли на всех не хватало. Еще больше осложнил ситуацию неурожай 1924–1925 гг., толпы людей осаждали улусный исполком и просили хлеба. Улусный исполком добивался получения семенных ссуд для новых поселенцев, однако положение последних оставалось тяжелым. В результате этого в 1926–1927 гг. начался обратный отток переселившихся калмыков, что в основном, донских, терских и кумских.

В октябре 1924 г. в ходе очередной административно-территориальной реформы на Юге России был учрежден Северо-Кавказский край — огромный макрорегион, охвативший большую часть современных ЮФО и СКФО. В его состав входило 13 округов (Таганрогский, Донской, Шахтинский, Донецкий, Морозовский, Сальский, Черноморский, Кубанский, Армавирский, Майкопский, Ставропольский, Терский, Грозненский) и 4 автономные области (Адыгейская (Черкесская), Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Чеченская). В феврале 1925 г. в состав края вошли Сунженский и Владикавказский округа, Северо-Осетинская и Ингушская автономные об-

ласти. На этой территории проживало более 12 тыс. калмыков, в том числе 10,5 тыс. — в Сальском округе и более 0,5 тыс. — в Терском округе.

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Северо-Кавказском крае числилось более 11,7 тыс. калмыков, в том числе в Сальском округе — 8400, Донском — 580 (в том числе в Ростове и Новочеркасске — 154), Шахтинско-Донецком (бывшие Шахтинский и Морозовский округа) — 548, Донецком — 17, Кубанском — 150, Армавирском — 46, Черноморском — 6, Терском — 1649, Ставропольском — 308. Данные переписи хорошо показывают, что большая часть калмыков в этом крае проживала в Сальском и Терском округах, причем их численность заметно возросла по сравнению с предыдущими годами, что подтверждает сведения об обратном оттоке переселенцев из Большедербетовского улуса. Кроме того, мы фиксируем относительно крупные группы калмыков в Донском и Шахтинско-Донецком округах, но большей частью это были отходники, временно покинувшие родные места в поисках работы. Какую-то часть калмыков Донского округа составляли студенты и рабфаковцы.

В Сальском округе калмыки проживали в более чем ста населенных пунктах 39 сельсоветов 9 районов (из 10). Группы калмыков (от полусотни и выше) проживали в следующих поселениях:

станции Батлаевской (332 калмыка) одноименного сельсовета; хуторе Ново-Николаевском (586) Арбузовского сельсовета Романовского района;

станции Платовской (79) и хуторе Денисовском (52) Денисовского сельсовета; хуторе Эльмута (48) Донского сельсовета; хуторе Атаманском (84) Ковринского сельсовета; хуторе Шарабулук (62) Суховского сельсовета Пролетарского района;

станции Власовской (307) и хуторе Садовском (139) Власовского сельсовета; станции Кутейниковской (188), хуторах Зюнгарском (280), Атаманском (253), Стояновском (162), Николаевском (69), Ново-Алексеевском (68) Кутейниковского сельсовета; станции Бурульской (100) одноименного сельсовета Зимовниковского района;

хуторе Старо-Беляевский (122) Атаманского сельсовета; хуторе Балдыр (114) Гуреевского сельсовета, хуторах Эркетинский (280),

Чунусовский (256), Сальский (201), Хурульный (53) Эркетинского сельсовета Дубовского района;

станции Граббевской (201), хуторах Гашунский (105), Пандинский (292), Худжурта (191) Граббевского сельсовета; хуторе Сухая Хамбата (54) и сельхозкооперативе № 2 (79) Валуевского сельсовета Ремонтненского района;

хуторе Супрунов (111), конезаводе 1-й Конной армии (85) и Донском конезаводе (52) Буденновского сельсовета; Сальском конезаводе (94) и совхозе Наторов (70) Красноармейского сельсовета Западно-Коннозаводческого района;

конезаводе им. Фрунзе (222) Воронцово-Николаевского района.

Как видно, донские калмыки, хотя и проживали в старых местах своего обитания, но в административном отношении были разобщены в разных районах и сельсоветах. Например, бывшие поселения Платовской станции оказались разделены между тремя сельсоветами Пролетарского района, бывшие поселения Денисовской станции — между тремя сельсоветами двух разных районов, бывшие поселения Граббевской станции — между сельсоветами трех районов. Ряд калмыцких станиц пришел в упадок, некоторые утратили статус станицы. С другой стороны, некоторые хутора (например, Ново-Николаевский и Стояновский) разрослись и обрели статус станиц. Например, в хуторе Ново-Николаевский, ранее входившего в Денисовскую станицу, калмыков было в 10 раз больше, чем в Денисовской. Неудивительно, что Денисовская обрела статус хутора, а Новониколаевский вскоре стал станицей. Даже этноним Богшракинский аймак, ранее применявшийся к Денисовской, теперь стал применяться к Новониколаевской.

В результате обратного переселения донских калмыков их численность стала увеличиться. Однако административная разрозненность калмыцких станиц и хуторов вызывала недовольство донских калмыков. Такое положение дел серьезно ограничивало возможности для национального развития, как в сфере бытового общения, так и в области образования и культуры. В 1928 г. вновь стал подниматься вопрос о переселении донских калмыков в автономию. Калмыцкий облисполком, рассмотрев этот вопрос, обратился с ходатайством

в ВЦИК 16 января 1929 г., в котором указал, что из 8,4 тыс. калмыков Сальского округа желают переселиться 5719 чел. Поскольку территория Большедербетовского улуса не могла вместить всех потенциальных переселенцев, предлагалось дополнительно прирезать к Калмыкии территорию из Сальского округа в районе так называемого «Манычского коридора». На новой территории планировалось создать новый улус — Сальский.

Однако Северо-Кавказский крайисполком выступил против этого предложения. Он утверждал, что желающих переселиться намного меньше, примерно 25 %. А для решения проблем национального развития донских калмыков предлагалось создать национальный Калмыцкий район. К тому времени практика создания отдельных национальных районов и сельсоветов для этнических анклавов была развита достаточно широко. Только в составе Северо-Кавказского края к тому времени были Армянский и Мясниковский (армянские), Греческий, Ванновский (немецкий), Туркменский, Шапсугский национальные районы. 3 августа 1929 г. Сальский окружной исполком принял решение о целесообразности создания Калмыцкого района. Северо-Кавказский крайисполком уже 22 августа поддержал это решение и обязал свои отраслевые органы управления провести необходимые мероприятия.

6 ноября 1929 г. президиум крайисполкома утвердил предложенный проект о создании национального Калмыцкого района с центром в поселке Зимовники (за пределами района). В его состав вошли 9 сельсоветов: Батлаевский и Ново-Алексеевский сельсоветы Романовского района, Кутейниковский, Стояновский и Власовский сельсоветы Зимовниковского района, Эркетинский, Ивановский и Старо-Беляевский сельсоветы Дубовского района, Граббевский сельсовет Ремонтненского района. В составе указанных сельсоветов проживало 9,5 тыс. чел., в том числе более 6 тыс. калмыков. При этом из числа бывших калмыцких станиц в район не вошли Платовская (с хутором Шарабулук), Денисовский, Потаповский и Бурульский, жителям которых предложили переселиться на территорию нового района. Любопытно отметить, что в состав Калмыцкого района оказались переданы немецкие поселения — село Немецко-Потаповское и хутор Новонемецк.

Представитель Калмыкии при Президиуме ВЦИК А. М. Амур-Санан был вынужден согласиться с созданием нового района и отказом от переселения донских калмыков. Он пытался поставить вопрос о присоединении нового района к Калмыкии, но успеха не имел. Решение Северо-Кавказского крайисполкома было узаконено постановлением ВЦИК от 28 февраля 1930 г.

В Калмыцком районе были созданы соответствующие органы власти (первым председателем райисполкома был избран Н. Н. Манжиков, секретарем райкома — П. А. Голошубов), создана национальная газета (первым главным редактором являлся А. И. Сусеев), стали возникать национальные школы. В калмыцких станицах, как и по всей стране, активно развивалось кооперативное движение, стали создаваться коллективные хозяйства: коммуна, сельхозартели, товарищества по обработке земли (ТОЗ). В 1928 г. был создан колхоз «Пятилетка», в 1929 г. — «Правда», им. Ворошилова (все три относились к Андреевскому сельсовету), им. К. Либкнехта, им. Хомутникова (оба относились к Немецко-Потаповскому сельсовету), в 1930 г. — «Свободная жизнь» (Кутейниковская), «Батлаевка» (Батлаевская), им. Жлобы, «Кирсан» (Власовская), «Сарул мер», им. Сталина (Граббевская), «Путь к социализму» (Стояновская), «Болдра», «Новая жизнь» (Ивановский сельсовет), «Красный партизан», им. Фрунзе, им. Ленина (Эркетинская). Как видно, большая часть колхозов была создана в период сплошной коллективизации. Всего в районе при его создании числились 3 совхоза (овцеводческие № 4 и 6, Дубовский участок Военконзавода), 1 коммуна, 17 артелей (колхозов), 2 ТОЗа, в которых были объединены более 80 % хозяйств. В 1931 г. были образованы новые колхозы: «Красный Партизан» № 2 (Эркетинская), им. Сталина № 2 (Андреевская), «13 лет РККА» (Стояновская), им. Городовикова № 1 (Власовская) и № 2 (Кутейниковская). К завершению коллективизации в Калмыцком районе имелось 22 колхоза, причем многие имели коневодческие, овцеводческие, молочные и мясомолочные фермы. 10 колхозов обслуживались Кутейниковской и Мартыновской МТС, а 12 колхозов выполняли полевые работы самостоятельно.

После ликвидации округов в августе 1930 г. Калмыцкий район стал подчиняться непосредственно крайисполкому. Однако гео-

графически район оказался неудачно расположен. Это была узкая и длинная полоса поселений, протянувшаяся вдоль реки Сал от Батлаевской до Беляевской с анклавом в районе Граббевской, притом, что административный центр был за пределами района. Такая география фактически являлась чересполосицей, с которой в те годы старались бороться, и представляла неудобства для управления и логистики. Поэтому было решено переселить калмыцкие поселения на востоке района: Беляевскую, Граббевскую, Чунусовский и т. д. Например, станица Граббевская (Цевднякинская) была переселена в центр района, на территорию близ станицы Иловайской (также считавшейся зюнгарской). В отличие от старой станицы она именовалась Ново-Граббевской. Кроме того, рядом был создан хутор Зюнгар. Расположение административного центра в пос. Зимовники, не входящего в Калмыцкий район, где одновременно находился центр Зимовниковского района, также представляло значительные неудобства. Поэтому постановлением президиума Северо-Кавказского крайисполкома от 28 апреля 1932 г. административный центр Калмыцкого района перенесли в Кутейниковскую.

4 ноября 1932 г. территория Калмыцкого района была изменена путем размена территорий, благодаря чему он стал более компактным. В Калмыцкий район были переданы: совхоз Союзпромкорма и зоотехническая станция, Московский и Иловайский сельсоветы, участок коммуны им. Ворошилова, хутора Харьковский, Красная степь, Трудовой крестьянин, Ново-Лодин, Петровский, Ковалев (из Зимовниковского района), Денисовский сельсовет (из Пролетарского района). В свою очередь из Калмыцкого района в Зимовниковский передали совхозы Овцеводтреста № 4 и 6, Дубовский участок Военконзавода при станции Семичная, Эркетинский, Андреевский и Ивановский сельсоветы. Кроме того, калмыцкое население Власовского хутора переселялось в хутор Ковалев, Сал-Адьяновского — в хутор Трудовой крестьянин. Станица Беляевская, хутора Болдырь Ивановского сельсовета и Чунусовский Власовского сельсовета, из которых калмыки уже переселились, были упразднены. В составе Калмыцкого района были образованы новые сельсоветы — Трудовой крестьянин (Труд-Крестьянский) и Ковалевский.

В результате этих изменений в Калмыцком районе стало 11 сельсоветов: Батлаевский, Граббевский, Денисовский, Иловайский, Ковалевский, Кутейниковский, Московский, Немецко-Потаповский, Ново-Николаевский, Стояновский, Труд-Крестьянский. На их территории функционировали колхозы «Батлаевка» (Батлаевская), им. Сталина и им. Канукова (Ново-Граббевская), «Общий труд» и «Сигнал политотдела» (Денисовский), «Сальская степь» (Иловайская), «Кирсан» и «13 лет РККА» (Ковалевский), им. Городовикова и им. Коминтерна (Кутейниковская), им. Штейнгардта и «Красный Октябрь» (Московский), им. К. Либкнехта и им. Ворошилова (Потаповский), им. К. Маркса и им. Пушкина (Ново-Николаевская), «Путь к социализму» и им. Ленина (Стояновский), им. Фрунзе и «Верховный совет СССР» (Труд-Крестьянский).

В 1934 г. после образования Азово-Черноморского края Калмыцкий район перешел в его состав. К тому времени в районе засеивали более 40,5 тыс. га, которые обслуживали две МТС (Калмыцкая и Немецко-Потаповская). У этих МТС помимо прочего имелось 69 тракторов, 4 комбайна, 14 локомобилей, 41 молотилка. Однако основной отраслью экономики района оставалось животноводство. В колхозах района работали 3 коневодческие, 6 овцеводческих, 8 свиноводческих ферм и 19 ферм КРС. В районе активно работала система потребкооперации, была развита школьная сеть (26 начальных и 5 неполных средних школ), функционировали больница, амбулатория и два фельдшерских пункта.

После образования Ростовской области 13 сентября 1937 г. Калмыцкий район перешел в ее состав. К тому времени в районе значились следующие сельсоветы: Батлаевский (станция Батлаевская), Граббевский (хутора Граббевский и Зюнгар), Денисовский (хутора Денисовский, Ряска, Красный маяк), Иловайский (станция Иловайская, хутора Веселый, Буденный, Братский), Ковалевский (хутора Ковалевский, Калинин, Красный Октябрь, Новый Гашун, Торговый), Кутейниковский (станция Кутейниковская, хутора Петровский, Садовый, Калининский), Московский (хутора Московский, Татнинов, Штейнгардта), Немецко-Потаповский (пос. Немецко-Потаповский, хутора Ворошиловск, Пятилетка, Степной), Ново-Николаевский (ста-

ница Ново-Николаевская, хутора Зундов и Мамон), Стояновский (хутора Стояновский, Атаманский и Николаевский), Труд-Крестьянский (хутора Труд-Крестьянский, Сальский, Харьковский, Красная степь, Жирный, Ново-Лодин, Трудовой). В них числилось 29 колхозов, а в двух МТС было 116 тракторов (в том числе 12 гусеничных), 63 молотилки, 10 грузовиков и 11 локомотивов. Однако комбайнов было всего 18, поэтому большую часть работ по уборке урожая проводили 462 лобогрейками и 8 сноповязалками. В результате этого значительную часть снопов приходилось вязать вручную. К тому времени в Калмыцком районе работали 30 школ (24 начальные, 1 полная и 5 неполных средних), 5 школ и 21 группа ликбеза, 1 детский садик и 28 летних дошкольных площадок. В системе культуры работали 15 библиотек, 40 клубов, 1 дом культуры. Больничную сеть составляли 1 больница, 4 врачебные амбулатории, 5 фельдшерских пунктов.

В июне 1939 г., выполняя постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» и соответствующее постановление Ростовского обкома ВКП(б) Калмыцкий райком укрупнил ряд колхозов путем объединения мелких хуторов и колхозов. В результате укрупнения колхозов накануне войны в Калмыцком районе функционировали 20 колхозов: «Батлаевка», «Верховный совет СССР», им. Буденного, им. Ворошилова, им. Городовикова, им. Кирова, им. Коминтерна, им. Ленина, два им. Сталина (в Московском и Граббевском сельсоветах), им. Штейнгардта, им. XVIII партсъезда, «Красный Октябрь», «Красный партизан», «Общий труд», «Путь к социализму», «Сальская степь», «III Пятилетка», «13 лет РККА», «17 лет Октября». К тому времени было коллективизировано 99,6 % всех хозяйств, в которых имелось 4358 лошадей, 7886 голов КРС, 28750 голов МРС, 3966 свиней. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в Ростовской области числилось более 9 тыс. калмыков, большая часть которых проживала в Калмыцком районе. Эта была самая крупная группа калмыков в СССР за пределами Калмыцкой АССР. Следующими по численности группы калмыков находились в Сталинградской области (включая Астраханский округ) — 8,5 тыс., а также в Орджоникидзевском (Ставропольском) крае — 2,6 тыс. Однако большей частью

это были жители приграничных с Калмыкией сел и хуторов, которые во избежание чересполосицы и для удобства управления и логистики были переданы в соседние регионы (Абганерово, Зёты, Червлёное, Максимо-Кумский и др.). Какая-то часть калмыков работала на заводах и местных предприятиях, либо проходила обучение в вузах и сузах Сталинграда, Астрахани и Ворошиловска.

В годы Великой Отечественной войны жители Калмыцкого района, как и весь советский народ, встали на защиту отечества от агрессии самого опасного в истории страны. Казаки-калмыки, имевшие вековые военные традиции, посчитали священным долгом вступить в бой с врагом. Согласно поименному списку донских калмыков — участников Великой Отечественной войны, составленному П. Э. Алексеевой почти 1,8 тыс. донских калмыков (включая тех, кто переселился в Калмыцкую АССР) принимали участие в боевых действиях. Почти половина из них пала на полях сражений. Они храбро сражались на всех фронтах от Баренцева моря до Черного, на Дальнем Востоке, принимали активное участие в партизанской борьбе и Движении Сопротивления (в Югославии, Польше, Франции).

Ряд донских калмыков в ходе войны 1941–1945 гг. многократно отличились, были отмечены боевыми наградами. Среди них можно назвать генерал-полковника¹ О. И. Городовикова (генерал-инспектора кавалерии Красной армии, награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны), его племянника генерал-майора Б. Б. Городовикова (в 1942–1945 гг. командовал 251-й, 85-й гв., 184-й и 63-й стрелковыми дивизиями, награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова и Кутузова II степ., ему было присвоено звание Героя Советского Союза)², полковника В. А. Хомутникова (зам. командира и командира 110-й Калмыцкой кавдивизии, затем зам. командира 233-й, 41-й гв., 206-й и 180-й стрелковых дивизий, погиб при штурме Будапешта, награжден орденами Отечественной войны и Красной Звезды), полковника М. С. Шарапо-

¹ Здесь и далее воинские звания приводятся на конец войны или на момент гибели.

² Здесь и далее предвоенные и послевоенные награды, а также награды за выслугу лет не учитываются.

ва (командира 202-го, 274-го, 311-го кавполков, 680-го и 751-го стрелковых полков, награжден орденами Красного Знамени, Суворова и Кутузова III степ.), подполковника Н. М. Джиджикова (командира 245-го кавполка, 68-го стрелкового полка, награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды), капитана С. Н. Сармуткина (командира эскадрона 19-го гв. кавполка, командира роты 209-го запасного полка, награжден двумя орденами Красного Знамени), капитана Н. Т. Матвеева (командира роты 711-го стрелкового полка, награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды), капитана Т. М. Манджиева (командира роты 21-й инженерно-саперной бригады, награжден орденами Александра Невского, Отечественной войны, Красной Звезды), лейтенанта Э. И. Батшанова (командира взвода 45-мм пушек 1135-го стрелкового полка, награжден двумя орденами Отечественной войны и двумя орденами Красной Звезды), лейтенанта Б. П. Джевалдыкова (командира взвода Т-34 84-го танкового полка, награжден двумя орденами Отечественной войны и орденом Красной Звезды), сержанта Л. И. Дарбакова (командира орудия 573-го артиллерийского полка, награжден двумя орденами Славы, орденом Красной Звезды) и др. Среди партизан можно назвать имена медсестры отряда № 57 «Павел» Сталинградского фронта Т. Д. Хаклыновой, представленной к званию Героя Советского Союза (посмертно), командира роты 1-й Пролетарской дивизии НОАЮ С. У. Авьюсова, представленного к званию Народного Героя Югославии и др.

Летом 1942 г. территория района была временно оккупирована войсками 4-й танковой армии вермахта. Через 5,5 месяцев Калмыцкий район был освобожден войсками Южного фронта (2-го форм.). В 1943 г. руководство страны, обвинив калмыков в коллаборационизме, приняло решение об их выселении в Сибирь. 28 декабря 1943 г. началась операция «Улусы» по выселению калмыцкого населения из Калмыцкой АССР, Калмыцкого района Ростовской области, а также Ставропольского края. 846 семей (3316 калмыков) из Ростовской области были направлены в Красноярский край. Однако на территории региона остались большие группы калмыков, в первую очередь, в других районах, не охваченных операцией «Улусы» (Сальский, Дубовский, Котельниковский и др.). 25 марта 1944 г. из районов Ростов-

ской области было довыслано еще 548 семей (2628 калмыков), которых направили в Новосибирскую область.

15 марта 1944 г. Калмыцкий район был ликвидирован решением Ростовского облисполкома. Его территория была передана Мартыновскому, Пролетарскому, Романовскому и Зимовниковскому районам.

Вопросы к параграфу 4.2.

1. Почему донские калмыцкие станицы не вошли в состав Калмыцкой автономной области?

2. Почему калмыков, переселяемых из других регионов, поселили на территории Большедербетовского улуса?

3. Почему произошел отток донских и кумских калмыков в середине 1920-х гг. из Калмыкии?

Заключение

Таким образом, в период с конца XVII в. до начала XX в. за пределами Калмыцкого ханства и Калмыцкой степи существовало 15 устойчивых групп калмыков разной численности, которые входили в состав соседних регионов и сообществ, в основном, в казачьи войска. За период XVII–XX вв. калмыки несли службу российским государям в составе восьми казачьих войск: Донского (1694–1917 гг.)¹, Уральско-го (1724–1917 гг.)², Астраханского (1737–1917 гг.), Ставропольского калмыцкого (1737–1842 гг.), Оренбургского (1750–1917 гг.), Екатеринославского (1788–1796 гг.), Кавказского линейного (1832–1860 гг.), Терского (1860–1917 гг.), а также четырех отдельных казачьих полков (Чугуевского, Николаевского, Павловского кампанейского, Моздокского). Представители этих групп являлись полноправными казаками, имели равные с казаками других национальностей права и обязанности, несли казачью службу наравне с ними, получали соответствующее вознаграждение и привилегии. В этом перечне нет сарт-калмыков и калмыков Семиреченского войска, поскольку они ведут свое происхождение от ойратов, бежавших из Джунгарии во время подавления восстания Амурсаны в 1755–1757 гг. и Синьцзянского мусульманского восстания 1864–1878 гг.

Однако темпы развития у этих групп были разными. Когда калмыкам позволяли сохранять прежний образ жизни и проживать компактной группой, как, например, донским, то это приводило к ускорению темпа роста населения по сравнению с астраханскими улусами.

¹ Официально калмыки получили статус донских казаков в 1694 г., но на территории Войска Донского они проживали уже с 1670 г., а первую присягу атаману дали в 1682 г.

² Первое упоминание в сохранившихся документах о службе калмыков в составе Уральского войска датируется 1724 г., но к этому времени они уже несли казачью службу на Яике и в Черемшанском форпосте.

Например, с 1795 по 1897 год численность населения Калмыцкой степи (с учетом Большедербетовского улуса) выросла на 211,4%, а донских калмыков за этот же период — на 237,5%. Если в 1819 г. численность донских калмыков составляла всего 13,3 тыс. человек, то по переписи 1897 г. их было уже 32,2 тыс., т. е. за 88 лет увеличилась на 142,1%. В Калмыцкой степи численность калмыков с 1816 г. по 1897 г. увеличилась на 116,2%. В тех случаях, когда калмыков заставляли резко перейти от кочевой жизни к оседлости и сменить религиозные воззрения, эти группы теряли устойчивость и исчезали под влиянием ассимиляционных процессов. Например, группа оренбургских калмыков, возникшая на основе слияния двух групп из казачьих войск, поселенных вокруг Ставрополя-на-Волге (ныне г. Тольятти) и Оренбурга, в период с 1759 по 1897 гг. уменьшилась в десять раз: с 12,5 тыс. до 1,2 тыс. чел.

В результате этого к началу XX в. за пределами калмыцких улусов осталось всего 6 локальных групп калмыков: донские, оренбургские, уральские, терские и астраханские казаки-калмыки, а также кумские калмыки. В них проживало более 38 тысяч человек, что составляло немногим более 20% от общей численности всего калмыцкого народа, причем более 32 тысяч приходилось на донских калмыков. При этом достаточно устойчивыми были лишь две группы: донские и кумские, которые проживали компактно и смогли сохранить в достаточной степени свою самобытность, традиционную культуру и обычаи. Остальные группы проживали дисперсно и в условиях аккультурации и ассимиляции оказались под угрозой исчезновения. Немногочисленные группы калмыков (по несколько сотен) проживали также и на территории других регионов России: Кубанской области, Саратовской губернии и др., но это были временные образования, не имевшие устойчивого характера.

Калмыки-казаки к началу Первой мировой войны либо начали переход на оседлый образ жизни, либо уже являлись оседлым населением. Эти процессы вызвали серьезные изменения в их экономическом развитии. Среди них широкое распространение получило земледелие, прежде всего хлебопашество и сенокосение. Тем не менее, все указанные группы калмыков продолжали заниматься животноводством:

разведением лошадей, крупного рогатого скота, овец. В некоторых группах даже сохранились элементы кочевого скотоводства.

После Гражданской войны было организовано переселение калмыков локальных групп на территорию Калмыцкой автономной области. Большинство оренбургских, уральских и кумских калмыков вернулись на земли предков, а оставшиеся представители этих групп подверглись ассимиляции. Лишь часть донских калмыков, несмотря на огромные демографические потери, продолжала жить на своих землях, где в 1930 г. был организован Калмыцкий национальный район. Однако в ходе депортации 1943 г. донские калмыки, как и все остальные, были высланы в Сибирь и обратно вернуться уже не смогли.

Список рекомендованной литературы

Алексеева П. Э. О расселении калмыков на Дону // Вестник [Калмыцкого] института [гуманитарных исследований РАН]. Вып. 16. Элиста, 2001. С.291–313.

Алексеева П. Э. Станица Граббевская (XVII век — декабрь 1943 г.): Исторический очерк. Элиста, 1997.

Алексеева П. Э. Уроженцы Калмыкии — партизаны Югославии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 101–104.

Алексеева П. Э., Борманджинов А. Э. Об этническом составе донских калмыков. Элиста, 1999.

Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX вв. Элиста, 1960.

Беликов Т. И. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е.И. Пугачева (1773–1775 гг.). Элиста, 1971.

Беликов Т. И. Ф.И. Дербетев — сподвижник Е.И. Пугачева. Элиста, 1978.

Богшрахинский аймак и богшрахинцы: Краткие исторические очерки / Автор-составитель П. Э. Алексеева. Элиста, 2002.

Борисенко И. В. Численный состав калмыков в основных ареалах их расселения (XVIII — нач. XX в.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1982. С. 42–80.

Борисенко И. В. О расселении шеретов, томутов, чугуевских и беляевских калмыков // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1983. С. 44–59.

Борисенко И. В. К истории образования и происхождения Беляевской группы донских калмыков // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984. С. 85–91.

Броневский В. Б. О калмыках вообще, в особенности о кочующих на Донской земле // Броневский В. Б. Описание Донской земли и Кавказских Минеральных вод. СПб., 1834. Ч. III. С. 49–95.

Викторин В. М. Старокрещеные николаевские калмыки (юга волжской дельты) в XVIII в. и ритуалы периферийных (этноконфессиональных) групп // Калмыки и их соседи в составе Российского государства. Материалы международной научной конференции. Элиста, 2002. С. 77–82.

Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 т. / гл. ред. А. С. Ряжев. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х — 60-е гг. XVIII в. Ростов-н/Д, 2011; Т. 3. Ставропольское калмыцкое войско в первой половине XIX в. Элиста, 2012.

Джунджузов С. В. Буддийское духовенство у калмыков-казаков Уральского войска в начале XX в.: обучение, посвящение, служение // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 25–33.

Джунджузов С. В. Динамика численности населения в Ставропольском калмыцком войске (1737–1842 годы) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 13–19.

Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII — первая четверть XX века). Оренбург, 2014.

Джунджузов С. В. Легализация буддизма в Оренбургском казачьем войске (1906–1917 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. № 22 (165). С. 121–127.

Джунджузов С. В. Наделение земель и землепользование казаков Ставропольского калмыцкого войска (середина XVIII в.) // Новый исторический вестник. 2010. № 4 (26). С. 25–40.

Джунджузов С. В. Организация медицинской службы в Ставропольском калмыцком войске (30-е годы XVIII века — начало 40-х годов XIX века) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16 (270). С. 12–17.

Джунджузов С. В. «Пугачевское замешательство» и Ставропольское калмыцкое войско // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 2 (103). С. 49–52.

Джунджузов С. В. Школьное образование в Ставропольском калмыцком войске // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. № 1. С. 21–26.

Джунджузов С. В., Любичанковский С. В. Калмыки на Южном Урале в XVIII — начале XX века: проблемы ассимиляции, аккультурации и сохранения этнической идентичности // Былые годы. 2017. № 46 (4). С. 1194–1206.

Джунджузов С. В., Любичанковский С. В. Оренбургские и уральские калмыки в условиях перехода от имперской политики аккультурации к советской национальной политике // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 128–136.

Дронов В. А. Бузавы (Очерки истории донских калмыцких станиц). Дубовское, 2019.

З-в Н. (Звонков). Исторический обзор ставропольских калмыков и несколько данных о современном их состоянии // Отечественные записки. 1848. Т. XXXV. № 7–8. Отд. 2. С. 27–38.

Калинин С. Е. Ставропольское калмыцкое войско // Рейтар. 2007, № 38. С. 26–38.

Кринко Е. Ф. В составе Калмыцкой автономии versus Донской области: архивные документы о выборе калмыков Сальского округа в 1920 г. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 1. С. 88–128.

Кринко Е. Ф. Сальский инцидент, или о том, как донские калмыки не вошли в состав Автономной области трудового калмыцкого народа // Oriental Studies. 2019. № 5 (45). С. 787–798.

Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края в XVIII — XIX вв. Челябинск, 2011.

Максимов К. Н. Инкорпорирование части калмыков в состав Войска Донского в XVII–XVIII вв. // Былые годы. 2011. № 3 (21). С. 16–24.

Максимов К. Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII — середина XX в.). Ростов-н/Д, 2016.

Максимов К. Н. Калмыки Области Войска Донского на рубеже XIX — XX вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 20–28.

Максимов К. Н., Очиров У. Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста, 2012.

Маслаковец Н. Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Новочеркасск, 1872.

Номикосов С. Ф. Статистическое описание области войска Донского. Новочеркасск, 1884.

Очиров У. Б. К вопросу о численности калмыцких этнических групп на Дону и Северном Кавказе в конце XVII — начале XX вв. // Юг России: культурно-исторический феномен. Элиста, 2004. С. 55–61.

Очиров У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны. Элиста, 2006.

Очиров У. Б. Калмыцкие этнические локальные группы на территории других регионов России // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009. Т. 1. С. 624–690.

Очиров У. Б. Командный состав Ставропольского калмыцкого войска: социальный портрет и его эволюция в последней четверти XVIII — начале XIX в. // Вопросы истории. 2021. № 12-4. С. 138–161.

Очиров У. Б. От казака (рядового) до генерал-полковника: военная биография О.И. Городоивкова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 37–49.

Попов И. И. Донские калмыки. Новочеркасск, 1919.

Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмык // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Ставрополь. 1912. С. 1–232.

Рахимов Р. Н. Национальная конница императора Александра I в наполеоновских войнах. 1807–1814 гг. М. 2013.

Рахимов Р. Н. Ставропольские калмыки в наполеоновских войнах 1807–1814 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014, т. 4, № 2. С. 65–72.

Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии; коммент. И.В. Кучумова, Ф. А. Шакуровой. Уфа, 1999.

Солдаты Победы. Т. 1. Элиста, 2005.

Тепкеев В. Т. Джунгары на юге России в конце XVII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1. С. 12–18.

Тепкеев В. Т. Калмыцко-донские отношения в период Азовских походов 1695–1696 гг. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 2. С. 7–13.

Чонов Е. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 год. Пятигорск. 1912.

Шовунов К. П. Во славу Отечества. Элиста, 1990.

Шовунов К. П. Очерки военной истории калмыков (XVIII — XIX вв.) Элиста, 1991.

Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества. Элиста, 1992

Шовунов К. П. Терское поселение калмыков // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984.

Уташ Борисович Очиров

**КАЛМЫЦКИЕ ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ
ЗА ПРЕДЕЛАМИ КАЛМЫКИИ**

Учебное пособие

Подписано в печать 30.12.2022.

Формат 60x84/16. Усл. п. л. 5,12.

Тираж 100 экз. Заказ 37-22.

Издательство Калмыцкого научного центра РАН
358000 Элиста, ул. Илишкина, 8